

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САХАЛИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Е. А. Иконникова

**ЛИТЕРАТУРНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ:
САХАЛИН И КУРИЛЬСКИЕ ОСТРОВА**

Учебное пособие

Рекомендовано Дальневосточным региональным учебно-методическим центром (ДВ РУМЦ) в качестве учебного пособия для студентов направления подготовки 45.03.01 «Филология», профиль «Отечественная филология (русский язык и литература)» вузов региона.

Южно-Сахалинск
СахГУ
2018

Печатается по решению учебно-методического совета
Сахалинского государственного университета, 2017 г.

Рецензенты:

Высоков М. С., руководитель рабочей группы
по подготовке научного комментария
к книге А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ»,
доктор исторических наук;

Степаненко А. А., заведующая научно-просветительским
отделом литературно-художественного музея книги
А. П. Чехова «Остров Сахалин»,
кандидат филологических наук;

Шумилова Т. Е., доцент, профессор кафедры
русской и зарубежной литературы СахГУ,
кандидат филологических наук.

И422 Иконникова, Е. А. Литературное краеведение: Сахалин и Курильские острова : учебное пособие / Е. А. Иконникова. — Южно-Сахалинск : СахГУ, 2018. — 212 с.
ISBN 978-5-88811-561-9

Учебное пособие включает в себя необходимую информацию о разных аспектах литературы Сахалина и Курильских островов, а также важные для прочтения художественные и художественно-публицистические произведения, относящиеся к литературе родного края и дающие возможность широкого обозрения материальной, духовной и бытовой культуры региона. Приводимые в книге тексты (от первых образцов фольклора и до авторской литературы XIX–XX веков) предваряются общей характеристикой о жизни и творчестве каждого автора, комментариями и уточнениями к упоминаемым в произведениях именам, событиям и понятиям, требующим расшифровки для современных читателей. Каждая тема завершается перечнем вопросов по творчеству автора и заданиями по работе с текстом, а также примерным списком литературы для подготовки к занятиям.

Книга рекомендуется для использования в учебном процессе. Вместе с этим основная часть материалов может быть полезна всем тем, кто интересуется литературой родного края.

УДК 821.0(075.8)
ББК 83.3(2Рос–4Сах)я73

ISBN 978-5-88811-561-9

© Иконникова Е. А., 2018
© Сахалинский государственный университет, 2018

Содержание

ВВЕДЕНИЕ.....	4
§ 1. ЛИТЕРАТУРА О РОДНОМ КРАЕ И ЛИТЕРАТУРА РОДНОГО КРАЯ.....	6
§ 2. МИФЫ КОРЕННЫХ НАРОДОВ САХАЛИНА И КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВОВ.....	14
§ 3. СКАЗКИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ САХАЛИНА....	24
§ 4. «ЗАПИСКИ ФЛОТА КАПИТАНА...» ВАСИЛИЯ ГОЛОВНИНА.....	34
§ 5. ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ИВАНА ГОНЧАРОВА «ФРЕГАТ “ПАЛЛАДА”».....	48
§ 6. РАССКАЗ КОНСТАНТИНА СТАНЮКОВИЧА «УЖАСНЫЙ ДЕНЬ».....	55
§ 7. РАССКАЗ ВЛАДИМИРА КОРОЛЕНКО «СОКОЛИНЕЦ».....	71
§ 8. ИЗ ПУТЕВЫХ ЗАПИСОК АНТОНА ЧЕХОВА «ОСТРОВ САХАЛИН».....	84
§ 9. «ПЕСНИ КАТОРГИ» ВЛАСА ДОРОШЕВИЧА.....	94
§ 10. РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР НА САХАЛИНЕ.....	102
§ 11. РОМАН АЛЕКСЕЯ НОВИКОВА-ПРИБОЯ «ЦУСИМА».....	109
§ 12. РАССКАЗ АНАТОЛИЯ ТКАЧЕНКО «МЫС РАМАНОН».....	125
§ 13. ПОВЕСТЬ ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА «ПЕГИЙ ПЁС, БЕГУЩИЙ КРАЕМ МОРЯ».....	133
§ 14. РОМАН ВАЛЕНТИНА ПИКУЛЯ «КАТОРГА».....	141
§ 15. РАССКАЗ ВЛАДИМИРА САНГИ «ПЕРВЫЙ ВЫСТРЕЛ».....	151
§ 16. ПОВЕСТЬ ЗОИ ЖУРАВЛЁВОЙ «ОСТРОВИТЯНЕ».....	163
§ 17. ПОВЕСТЬ АНАТОЛИЯ ТОБОЛЯКА «ПАПА УЕХАЛ».....	170
§ 18. ПОВЕСТЬ ГЕННАДИЯ МАШКИНА «СИНЕЕ МОРЕ, БЕЛЫЙ ПАРОХОД».....	184
§ 19. ОЧЕРКИ АНАТОЛИЯ КИМА «МОЁ ПРОШЛОЕ».....	200
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	208
РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА.....	209

ВВЕДЕНИЕ

Учебное пособие «Литературное краеведение: Сахалин и Курильские острова» входит в единый комплекс изданий, посвящённых изучению словесного искусства региона¹. Книга включает в себя произведения русской национальной литературы и сопровождающие их материалы: историко-литературные справки, комментарии к устаревшим или малоупотребительным словам, вопросы и задания, рассчитанные на аудиторную или самостоятельную работу. Направленные на получение информации о художественном и художественно-публицистическом образе Сахалина и Курильских островов основные материалы учебного пособия расширяют кругозор учащихся не только в краеведении, но и в области русской литературы в целом, охватывая период от фольклора до произведений, созданных в XIX–XX веках. Вместе с этим при составлении вопросов и заданий за основу берётся еще и материал в форме экранизаций или сопутствующих литературе Сахалина и Курильских островов других примеров из области искусства.

Статьи, предваряющие художественные и художественно-публицистические произведения, адаптированы для восприятия современными читателями. Кроме того, в материалах учебного пособия даётся полная расшифровка имени и отчества того или иного автора, с обязательным указанием дат рождения и времени жизни упоминаемых представителей русской национальной литературы и истории, а также зарубежной культуры.

Предлагаемые для изучения поэтические тексты в учебном пособии приводятся как целиком, так и фрагментарно. Почти все образцы эпических произведений (рассказы, повести, романы, записки и очерки) даны либо в отрывках, позволяющих получить частичное представление об общем замысле, либо в сокращениях².

¹ *Литература Сахалина и Курильских островов : учебное пособие / отв. ред. Е. А. Иконникова. – 2-е изд., испр. и доп. – Южно-Сахалинск, 2015. – 216 с. ; Литературный путеводитель, или Сахалинскими дорогами Чехова и не только... Хрестоматия / сост.: Е. А. Иконникова, А. А. Степаненко. – М. : «Перо», 2016. – 96 с. ; и др.*

² *Выведенные за границы предложенного повествования части обозначаются следующим знаком – <...>.*

Учебное пособие включает в себя введение, 19 параграфов, в которых, главным образом, рассматриваются произведения русских писателей XIX–XX веков, заключение и список рекомендуемой литературы.

Материалы учебного пособия ориентированы на студентов университета, но вместе с тем могут быть использованы в условиях общеобразовательных школ и средних профессиональных учебных заведений Сахалинской области при изучении факультативного курса «Краеведение». Одновременно с этим книга может быть адресована всем тем, кто интересуется литературой Сахалина и Курильских островов.

§ 1. ЛИТЕРАТУРА О РОДНОМ КРАЕ И ЛИТЕРАТУРА РОДНОГО КРАЯ

1. Ранние упоминания о Сахалине и Курильских островах в русской литературе

Первооткрыватели Дальнего Востока, возвращаясь в родные края, составляли особые отчёты обо всём, что им удалось увидеть во время путешествий. Эти отчёты могли носить самые разные названия — «расспросные речи», «скаска» или даже «отписки». Именно эти тексты способствовали созданию первых впечатлений о дальневосточных землях, в том числе о Сахалине и Курильских островах.

Рассказы и иные живые свидетельства путешественников становились бесценным материалом для литературного творчества их современников. Нередко никогда не бывавшие на Дальнем Востоке писатели идеализировали неизвестный им мир. В середине XVIII века русский учёный и поэт **Михаил Васильевич Ломоносов** (1711–1765) в одной из своих од, обращённых к императрице Елизавете Петровне, так описывал Тихий океан и «посеянные» на нём острова:

*Там, тьмою островов посеян,
Реке подобен Океан;
Небесной синевой одеян,
Павлина посрамляет вран.
Там тучи разных птиц летают,
Что пестротой превышают
Одежду нежных весны;
Литаясь в рощах ароматных
И плавая в струях приятных,
Не знают строгия зимы.*

В представлении Ломоносова Дальний Восток был благодатным краем. А полвека спустя, другой русский поэт **Гавриил Романович Державин** (1743–1816), вспоминая мореплавателей **Гаврилу Ивановича Давыдова** (1784–1809) и **Николая Александровича Хвостова** (1777–1809) и обращаясь к музе, называл природные силы Тихого океана «грозными», «свирепыми» и «бездонными»:

*И юных двух отважных
Сподвижников оплачь,
Что сквозь стихиев грозных*

*И океанских бездн
Свирепых и бездонных,
Колумбу подражая,
Два раз Титана вслед
Прошли к противуножным.
Меж гор лазурных, льдистых,
Чосящихся в волнах...*

Первые косвенные упоминания о Дальнем Востоке в поэзии Ломоносова и Державина говорили о безусловном интересе русской общественности к далёким и малоизвестным землям. При этом введение в стихотворный текст подобных эпизодов свидетельствовало об определённом уровне знаний, не всегда соответствующем истинному положению вещей. Не удивительно, что эпизодический интерес к Дальнему Востоку обнаруживается и в наследии **Александра Сергеевича Пушкина** (1799–1837). Работая над книгой **Степана Петровича Крашенинникова** (1711–1755) «Описание земли Камчатки» (1755), русский поэт оставил небольшие заметки на полях, а именно: тезисные упоминания о коренных народах, населяющих зону Камчатки и части Курильских островов, — камчадалах, коряках и курилах. И это не единичный случай, когда русские литераторы XIX века стремились к созданию художественного образа Дальнего Востока на основе личных впечатлений или знакомства с научной, эпистолярной и публицистической литературой своего времени.

2. Сахалин и Курильские острова в русской литературе XIX и XX веков

В начале XIX века самой полной и достоверной книгой о Дальнем Востоке России и его ближайшем соседе — Японии стали изданные в 1816 году «Записки флота капитана Головина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах. С приобщением замечаний его о Японском государстве и его народе». Автор «Записок...» — **Василий Михайлович Головин** (1776–1831) — русский мореплаватель, воспитатель целой плеяды знаменитых подвижников России, в том числе и **Фёдора Фёдоровича Матюшкина** (1799–1872), лицейского друга **Александра Сергеевича Пушкина** (1799–1837).

Книга Головина, рекомендованная **Львом Николаевичем Толстым** (1828–1910) для обязательного чтения детям, была переведена на многие языки. Особое место в «Записках...» отведено рассказу об айнском переводчике, жителе Курильских островов, которого русские путешественники называли **Алексеем Максимовичем**. Автор ценит доброту, отзывчивость и чест-

ность этого человека, восхищается его уважительным отношением ко всем людям. Изображение коренных народов Дальнего Востока и, прежде всего, Курильских островов в русской литературе впервые встречается именно в произведении Головина.

Эпизодические упоминания о Сахалине есть и в книге **Ивана Александровича Гончарова** (1812–1891) «Фрегат “Паллада”». Судно, на котором плыл русский писатель, возвращаясь на родину, проходило недалеко от южных и западных границ острова.

В конце XIX века на Сахалине побывал русский писатель **Антон Павлович Чехов** (1860–1904), нарисовавший правдивый образ каторжного острова. Поездка классика была нелёгкой: он проделал сложный путь через всю Россию. Тяготы пути не сломили писателя, который провёл большую работу по переписи и обследованию населения Сахалина. Результатом его пребывания на Дальнем Востоке стала книга «Остров Сахалин», увидевшая свет в 1895 году. В ней были развенчаны сложившиеся в царской России иллюзии о благополучном устройстве каторжан. «В тяготах жизни каторжных сахалинцев, — писал Чехов, — ...виноваты не зрители, а все мы».

Интерес к Сахалину и Курильским островам продолжился в творчестве авторов XX столетия. Рассказы об островном крае, о его богатой истории, о загадочных морских просторах, об удивительных силах природы, о нетронутых человеком заповедных местах, о необычных людях можно найти в произведениях **Власа Михайловича Дорошевича** (1865–1922), **Алексея Сильча Новикова-Прибоя** (1877–1944), **Валентина Саввича Пикуля** (1928–1990), **Николая Павловича Задорнова** (1909–1992) и других авторов.

Нередко образ Сахалина упоминается в совершенно неожиданных контекстах. Так, например, в «Поэзе³ истребления» (1914) **Игоря Северянина** (настоящее имя — Игорь Васильевич Лотарёв; 1887–1941) звучат следующие стихи:

*Для ободрения ж народа,
Который впал в угрозный сплин,
Чье Дермонтова — «с парохода»,
А бурлюков — на Сахалин!*

³ Поэза — авторский жанр стихотворения у Северянина. Поэту принадлежит несколько стихотворений, в названии которых входит слова «поэза»: «Поэза странностей жизни» (1916), «Поэза белой сирени» (1917), «Поэза упадка» (1918) и др.

Эти стихи — намек на манифест русских футуристов, в котором говорилось о необходимости «бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. с Парохода современности». Так Северянин перефразировал слова из манифеста применительно к тем, кто готов был сбросить с «Парохода современности» классиков русской литературы. Строчки из «Поэзы истребления» в некоторой степени оказались пророческими: **Давид Давидович Бурлюк** (1882–1967) во время своего путешествия в 1919 году посетил Владивосток. Однако на Сахалине вопреки поэтическому восклицанию Северянина поэт так и не побывал.

Об острове упоминает в стихотворении «Памяти Сахалина» (2010) **Юрий Михайлович Кублановский** (род. 1947), побывавший на Дальнем Востоке в сентябре 2010 года вместе со **Светланой Васильевной Кековой** и **Павлом Михайловичем Крючковым**:

*Укрепясь в уверенности сиротской,
что теперь в друзьях у меня лишь тени,
я бохотно сделался на Охотском
море его тюленем,
в сумерки ворующим из сетей.
Чу а главное — холод, холод.
Он-то мне как раз всего нужней,
и всего полезней — ведь я не молод...*

3. Сахалинское отделение Союза писателей СССР на Сахалине

1 мая 1925 года был издан первый номер газеты «Советский Сахалин». На страницах этой со временем приобретшей статус самой массовой газеты с разными интервалами появлялись литературные страницы, авторами которых выступали не только журналисты, но и представители разных профессий — от рабочих до интеллигенции. Тем самым благодаря газете со временем (в особенности в послевоенные годы) была подготовлена творческая атмосфера. На острове в 1954 году в редакции газеты «Советский Сахалин» (возглавляемой до 1958 года **Александром Львовичем Аверичевым**) была создана издательская группа, которая в июне 1955 года инициировала образование литературного объединения под руководством **Николая Петровича Петровича** (1922–1978) — автора книги «Сахалинская новь» (1959). Создание в 1958 году Сахалинского книжного издательства (просуществовавшего до 1963 года, а позже преобразованного в Сахалинское отделение Дальневосточного книжного издательства) и работа литературного объединения были важными событиями для организации творческой жизни

на Сахалине и Курильских островах.

В 1961 году на Сахалин приехал прозаик, драматург, член Союза писателей СССР (1952) **Николай Иванович Максимов** (1911–1993). Российскую известность Максиму принёс роман «Поиски счастья» (1952, более десяти переизданий), в котором повествуется о судьбах чукотского народа и русских поселенцев на Аляске в первой половине XX века. С момента приезда на остров и вплоть до 1967 года Максимов возглавлял областное литературное объединение, которое способствовало появлению собственных писательских кадров на Сахалине и Курильских островах. В конце 1950-х–начале 1960-х годов на юге Сахалина заметно активизировалась литературная деятельность.

Так, в феврале 1965 года остров посетила одна из творческих бригад, в состав которой входил **Валерий Владимирович Шульжик** (род. 1939), известный в настоящее время книгами о поросёнке Фунтике – мультипликационном герое, появившемся на экранах в 1985 году. Впечатления о Сахалине Шульжик передал в своей песне «Сопки стоят затенённые». Вот как звучит начало песни:

*Сопки стоят затенённые,
Дремлет туман у вершин,
Молча шагают влюблённые
Через ночной Сахалин.
Ждут их таёжные партии,
Дальний расчерчен маршрут,
Рядом с плечистыми парнями
Робко девчонки идут.*
ПРИПЕВ
*Север, север, север,
Стынет у скал вода...
Сахалинские снежные ночи
Не забыть никогда!
Звёзды на кранах светятся,
Тени ложатся вокруг.
Нужно нам снова встретиться,
Мой настоящий друг!
Где-то посты сменяются,
Где-то дозоры не спят,
Белые ели качаются,
Снежные хлопья летят.*

Проходили на Сахалине и иные встречи со столичными и дальневосточными литераторами. Таким образом, более чем десятилетней деятельностью областного литературного объеди-

нения было подготовлено создание Сахалинского отделения Союза писателей СССР.

В 1967 году в Южно-Сахалинске состоялось торжественное открытие Сахалинского отделения Союза писателей СССР. К этому году членами Союза писателей СССР уже являлись **Анатолий Сергеевич Ткаченко, Владимир Михайлович Санги, Иван Емельянович Белоусов, Евгений Дмитриевич Лебков**, а также приехавшие на Сахалин из других регионов СССР **Ким Цын Сон, Николай Иванович Максимов** и **Андрей Александрович Пассар**. 18 июля 1967 года состоялось учредительное собрание писателей Сахалинской области. Для участия в нём на Сахалин прибыли руководители правления Союза писателей РСФСР во главе с **Леонидом Сергеевичем Соболевым** (1898–1971), советские писатели и поэты: **Александр Иванович Смердов** (1910–1986), **Николай Елисеевич Шундик** (1920–1995), **Всеволод Алексеевич Сурганов** (1927–1999), **Римма Фёдоровна Казакова** (1932–2008) и другие.

По состоянию на июнь 2017 года в Сахалинском отделении Союза писателей России на учёте числилось 17 человек.

4. Русская литература XX века на Сахалине и Курильских островах

*Говорят, мы живём
У земли на краю.
Сахалином зовём
Нежно землю свою, –*

так начинается одно из стихотворений **Валентина Анатольевича Богданова**, который родился и вырос далеко за пределами Дальнего Востока, но именно на Сахалине и Курильских островах состоялся как журналист и поэт. Судьба этого человека типична для многих дальневосточников, выходящих из разных регионов СССР. В послевоенные годы литература родного края славилась именами многих талантливых поэтов и писателей, приехавших на острова: **Евгения Дмитриевича Лебкова**, родившегося на Брянщине, свердловчанина **Владимира Владимировича Денисова**, одессита **Михаила Петровича Финнова**, астраханца **Бориса Петровича Репина**. Эти и многие другие авторы, в числе которых были, конечно же, и коренные сахалинцы и курильчане, своим творчеством укрепляли и развивали дальневосточную литературу нового времени.

Многие сахалинские поэты и писатели известны за пределами родного края. Это **Анатолий Самуилович Тоболяк, Анатолий Сергеевич Ткаченко, Николай Антонинович Тарасов, Олег Николаевич Кузнецов, Вячеслав Александрович Кали-**

кинский, Сергей Дмитриевич Ян, Роман Хе, Дия Гарина и другие авторы. А с богатым литературным наследием **Владимира Михайловича Санги, Анатолия Андреевича Кима, Владимира Владимировича Семенчика** знакомы и зарубежные читатели. Произведения дальневосточных авторов публикуются в центральных книжных издательствах, в известных российских журналах и газетах.

На Сахалине есть свои детские поэты и писатели — **Иван Григорьевич Рогожкин, Анатолий Алексеевич Дёшин, Елена Владимировна Намаконова, Наталья Константиновна Капустюк, Людмила Степановна Сапрыгина-Антипина, Лариса Владимировна Дорофеева** и другие. Сахалинские авторы пишут юмористические стихи, волшебные сказки и необычные истории о животных, приключенческие и исторические повести, рассказы о дружбе, о природе островного края. В истории литературы Сахалина и Курильских островов существовал и долитературный период, связанный с мифологическим творчеством коренных народов. Коренные народы Дальнего Востока имеют мифы и легенды, сказания и предания, созданные в глубочайшей древности и сохранившиеся до наших дней.

Вопросы и задания:

1. Литература родного края может быть рассмотрена в двух смысловых пространствах: как литература о Сахалине и Курильских островах, так и литература, созданная на Сахалине и Курильских островах. Приведите примеры, иллюстрирующие каждое из двух определений литературы родного края. Так, упоминания о Курильских островах в поэзии М. В. Ломоносова и Г. Р. Державина — это пример литературы о родном крае, а наследие В. А. Богданова (строки его стихотворения звучат в начале четвёртого параграфа) — образец творчества поэта, жившего на Сахалине и писавшего об острове.

2. Расскажите о Сахалинском отделении Союза писателей России (прежде — СССР), используя сведения из третьего параграфа и дополнительный материал по этой теме.

3. Сделайте сообщение об одном из авторов, входящих в состав Сахалинского отделения Союза писателей России. В сообщении должны быть представлены краткие сведения о жизни выбранного автора, общий обзор его творчества с элементами анализа отдельных произведений.

4. Известны ли вам какие-то авторские песни о Сахалине или Курильских островах (например, песни М. И. Танича «Ну что тебе сказать про Сахалин» и И. Ю. Николаева «Человек, влюблённый в Сахалин»)? Найдите тексты разных песен о Са-

халине или Курильских островах для сравнения их между собой и выявления специфики поэтического образа островов.

5. Подберите материал о газетах, журналах, периодических сборниках, в которых публиковались произведения писателей и поэтов Сахалинской области. Обратитесь к следующим изданиям: газеты «Советский Сахалин» (возникла в 1925 г.), «Молодая гвардия» (1947–2007 гг.) и «Губернские ведомости» (издаётся с 1991 г.); журнал «Дальний Восток» (издаётся с 1946 г.) и литературно-художественный сборник «Сахалин» (издаётся с 1962 г.) и др.

Литература:

Алексеев, А. И. Русские географические исследования на Дальнем Востоке и в Северной Америке (XIX—начало XX в.) / А. И. Алексеев. — М., 1976 ; Иконникова, Е. А. Курильские острова в пространстве русской литературы XX века / Е. А. Иконникова // Проблемы Дальнего Востока. — 2012. — № 3. — С. 146–150 ; Фетисова, Л. Е. Дальневосточная тема в русской литературе XVII–XIX вв. / Л. Е. Фетисова // Россия и АТР. — 2006. — № 3. — С. 174–180 ; и др.

§ 2. МИФЫ КОРЕННЫХ НАРОДОВ САХАЛИНА И КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВОВ

1. Мифы Сахалина и Курильских островов как культурное достояние народов Севера

В мифологическом творчестве коренных народов Сахалина и Курильских островов раскрываются представления древних людей о мире — сотворении земли, рождении человека, появлении животных и растений. Айнские, нивхские, уйльтинские, эвенкийские, нанайские мифы создавались коллективно. На протяжении многих лет их содержание могло меняться и дополняться.

Когда жители дальневосточных селений узнавали, что к ним приехал сказитель, они оставляли свои занятия, собирались вместе и слушали сказания предков. У айнов мастерство сказителей ценилось очень высоко. Хранители старины не занимались иной работой — им были чужды рыбный промысел или охота. В древние времена дальневосточные народы не обладали письменным языком, поэтому легенды и предания существовали только в устной форме. К сказителям предъявлялись обязательные требования — хорошая память и мелодичный голос. Интересно, что одна из айнских легенд в современной записи могла бы занять свыше одной тысячи страниц.

Нивхские сказители говорили: «Тылгур⁴ — правда. Сочинять от себя — грех». Поэтому слушатели воспринимали все события в мифах как реальные. Мифологическое творчество народов Сахалина и Курильских островов бережно хранилось на протяжении многих столетий сказителями и рассказчиками, передавалось от одного поколения к другому. На основе мифов формировались и религиозные убеждения коренных народов Дальнего Востока: люди верили, что душа есть не только у человека, но у животных и у всего, что существует в природе, — воды, камней, деревьев и многого другого. А невидимый человеческому глазу мир заселен божествами.

⁴ В переводе с нивхского языка слово «тылгур» означает предание, легенда или миф.

2. Отечественные исследователи мифологии Сахалина и Курильских островов

Мифы, сказания, предания и легенды коренных народов Сахалина и Курильских островов современным читателям известны по разным источникам. Одним из первых исследователей айнских мифов стал **Бронислав Осипович Пилсудский** (1866—1918). Вместе с Пилсудским героические мифы нивхов и других коренных народов Дальнего Востока изучал знаменитый этнограф **Лев Яковлевич Штернберг** (1861—1927). Но наиболее полное собрание долитературных памятников нивхского народа подготовлено, обработано и изучено **Владимиром Михайловичем Санги**. О добром и мужественном характере нивхов, о победе добра над злом рассказал в легендах **Василий Васильевич Чесалин**. Эвенкийские сказки, древние сказания и предания записал **Семён Александрович Надеин**. По этнографическим работам современные читатели имеют возможность познакомиться с мифологическим творчеством народов родного края, попытаться понять их религиозные и нравственные ценности. Каким же видели вокруг себя мир коренные народы Сахалина и Курильских островов?

3. Мифические представления о мире и рождении первого человека

Айны полагали, что мироздание включает в себя верхний и нижний «миры», а каждый из «миров» имеет ещё и шесть ярусов. Жизнь айнских племён относилась к первому ярусу верхнего мира. «Мир» этот устроен в виде острова, располагающегося на спине лосося. В айнской мифологии существовало несколько версий о происхождении человека: например, от вяза или от небольшой птички, похожей на трясогузку. По отцу или по матери айны всегда были носителями божественного начала.

Согласно нивхским мифам, мир делился на три уровня: верхний (небо), средний (земля) и нижний (подземный мир). В языке древних нивхов Сахалин назывался землёй Ых-мифа (или Ыг-мифа). В каждом нивхском роду имелись свои мифы о появлении первого человека. По преданию рода Кевонгов нивх родился от капли смолы лиственницы. Сказители других родов утверждали, что их предки появились от брака человека и рыбы, от тигра или медведя.

Эвенки верили, что существует пять земель: верхняя и средняя земли, морские острова, земля сумрачности и холода и подземный мир. Первый эвенк носил имя Абданыкан, но не знал, откуда он появился. Благодаря своей находчивости, Абданыкан стал мужем небесной девы.

Большое место в культуре родного края отводится нивхской мифологии. В мифических сказаниях нивхов говорится и о других народах, населявших Сахалин и Курильские острова, — айнах и ороках.

4. Мифы нивхского народа в поэтическом изложении

Владимира Санги

Владимир Михайлович Санги (род. в 1935) — автор популярных в России и за рубежом книг о нивхах, родился и вырос на Сахалине в стойбище Набиль в семье охотника-рыбака. Первые мифы своего народа он услышал от бабушки и матери.

В статье для журнала «Детская литература» Санги так рассказывал о своём непростом детстве, которое прошло на Дальнем Востоке: «...Была зима, военная: голодная, холодная и потому долгая. Мы жили в маленькой избушке-землянке: скрюченная ревматизмом мать, мой брат-подросток, сестрица ещё меньше и я, едва помнивший себя. Рядом с нами, тоже в землянке, жила ослепшая бабушка — мать моей матери. В дни, когда погода позволяла, она, ведомая посохом, ходила по домишкам других родов. Там, соблюдая древние нивхские обычаи, угощали кто чем мог, и она приносила нам в подоле всё до крохи. Но когда разыгрывался буран, нашу избушку заносило с трубой, становилось темным-темно <...>, и мы не знали, когда день, а когда ночь, теряли счёт времени. Я, голодный, плакал, и мать в ожидании, когда бабушка нас откопает, и, желая отвлечь мои мысли от еды, рассказывала старинные предания».

Самыми прекрасными, по воспоминанию писателя, были летние дни со слепой бабушкой: «...в прилив набежавшая вода одаривала слепую добытчицу рыбой. Бабушка пекла у костра бычка, а камбалу мы ели сырой. Потом запивали чаем из диких трав. И бабушка, довольная сытым днём, рассказывала мне очень древние мифы о сотворении мира, о том, кто и как создал рыбу, птиц и зверей».

В школьные годы Санги жил в интернате, куда съезжались дети из отдалённых селений и стойбищ. По его воспоминаниям, любимым занятием школьников, переживших военные годы, было рассказывание древних преданий, легенд и сказок, когда-то услышанных от родителей. Обычно это происходило холодными зимними вечерами: мальчики сдвигали свои кровати, укрывались несколькими одеялами и погружались в таинственный мир родовых историй.

В течение тридцати лет Санги работал над расшифровкой магнитофонных записей сказителей нивхского народа — знаменитой

певицы Хыткук из Ногликов, своей матери Полдох и других хранителей старины. Записанные на бумагу сказания и предания одного из древних народов легли в основу эпической поэмы «Песнь о нивхах», впервые опубликованной в Москве в 1989 году.

Текст этого произведения, состоящего из трёх частей, написан Санги на нивхском языке, но переведён на русский язык талантливыми поэтами. В «Песни о нивхах» представлены мифы, сказания, исторические и родовые предания древнего народа Дальнего Востока. «С чего началась земля», «Отчего нивхов мало» или «Как нерпа стала невестой человека» — такие и другие названия носят собранные в этой книге сказания и предания нивхов.

Традиционно нивхские сказания исполнялись особым образом — произносились нараспев. Иногда такое пение могло растягиваться на длинную ночь. Переводчики «Песни о нивхах» на русский язык постарались сохранить мелодику древних сказаний, их языковое богатство.

ПЕСНЬ О НИВХАХ

Из части первой

С чего началась земля (по преданию рода Кевонгов)

Сперва была одна вода

И не было земли —

Ни берегов, ни островов,

Ни камня над водой.

В те времена лишь утка-лувр⁵

Скользила по волнам.

И время ей пришлось нестись,

Но на воду — нельзя,

Ведь яйца тяжелей воды —

Плтонут в тот же миг.

Плут выщипала утка-лувр

Из грудки мягкий пух,

Прибавив пёрышек пучок,

Свила себе гнездо.

Снесла яички утка-лувр

В плавучее гнездо.

И вылупились из яиц

⁵ Утка-лувр — широконосая кряква.

Пушистые птенцы.
Колочки серые, резвясь,
Поплыли по воде.
И скоро выросли они
В больших и сильных птиц.

Когда ж пора пришлась нестись,
По начали, как мать,
Щипать из грудок мягкий пух
И пёрышки для гнёзд.
На яйца сели, гнёзда свив,
И вывели утят.

Когда ж и тем пришёл черёд,
Как прежним, вить гнездо,
Так много стало этих гнёзд,
Что все они срослись
И остров на воде возник —
Так началась земля.

На острове взошла трава,
Деревья в рост пошли.
На землю падали с ветвей
И хвоя, и листва.
Тот остров рос из года в год
И стал большой землёй.

Вот лиственница возросла
Высокая на нём,
И стала по её коре
Сочиться вниз смола.
Как только капля той смолы
Добралась до земли,
Из капли вышел человек —
Так появился нивх!

От лиственницы нивх пошёл,
От лиственницы сын,
И потому-то краснотел,
Как лиственница, он.
А рок — тот произошёл
От пихты. Потому
Он, словно пихта, белотел.
Так говорит народ.

(Пер. О. Юрьева)

ПЕСНЬ О НИВХАХ

Из части третьей

О двух девушках, которые оставили свои имена потомкам
(по преданию нивхов Лунского залива)

Есть много названий на карте Ыхмифа⁶,
И каждое — отзвук прекрасного мира.
И все они — только сумей разбудить их! —
Расскажут тебе о давнишних событиях,
О предках, о том, как в далёкие дни
Шутили, любили, трудились они.
И есть удивительные преданья
Про эти таинственные названья.
Одни слышишь часто, другие — пореже...

Вот Лунский залив. Вот его побережье —
Два мыса видны на песчаной косе;
Пыкрах и Вайбагр называют их все,
А сопку меж ними — Кисиром...
О них
Таковую легенду расскажет вам нивх:

Однажды две девушки здесь повстречались,
И их имена для потомков остались.
Пыкнуг была бедной в невзрачной одежде
Из рыбьей, холодной, негнущейся кожи,
Вайгук же — богачка в мехах дорогих
И в тканях богатых, тяжёлых, тугих.

И первой промолвила слово Вайгук:
— Крепка я, как невод, гибка я, как лук!
Как сильная рыба, я быстро плыву —
Я больше тебя на земле проживу! —
Пыкнуг отвечала: — Случайную встречу,
Вайгук, ты отметила странною речью.
Но раз начала ты хвалиться — тогда
Пускай нас рассудит морская вода!
Войдём-ка, одетые, в волны залива
И станем в заливе сидеть терпеливо.

⁶ Ыхмиф (Ых-миф) — название Сахалина в мифологических произведениях нивхской культуры.

*Кто дольше протерпит – такой уговор! –
Плот, значит, и выигрывает этот спор!
<...>*

*Сидели, сидели в холодной водице...
Вдруг стала Вайгук тихо на бок валиться –
Вот-вот нахлебается чёрной воды!
Плут видит Пыкнук – только миг до беды!
Вскочила она и Вайгук подняла
И на берег эту гордачку снесла.
Обсохла Вайгук на песке, а потом
До стойбища еле дошла босиком.
А обувь Вайгук прямо в воду упала
И долго в заливе лежала сначала,
А после пришли за её торбасами⁷ –
Сушить её поставили между мысами...*

*Глянь, сопка вон та, меж мысами – похожа
На древнюю обувь из нерпичьей кожи.
Её называет Кисиром народ,
А нивхский язык толкованье даёт:
Два слова Кисир воедино связал:
По-нивхски «сир» – сопка, а Ки – торбаса.
Мыс первый зовется Пыкрах в честь Пыкнук,
Второй называют Вайбагр в честь Вайгук.
По-нивхски «багр – мыс, «ах» – его оконечность.*

*Прошла с той поры уже целая вечность,
Да-а... сколько веков, что умом не обнимешь...
Пы видишь два мыса и сопку меж ними:
Они здесь у моря от веку стоят
И память о древней легенде хранят.*

(Пер. С. Степанова и О. Юрбева)

5. Уйльгинское «Предание о человеке из рода Ториса»

Образцов фольклора уйльта на Сахалине немного, одно из них – это «Предание о человеке из рода Ториса». Предание было записано специалистом по тунгусо-маньчжурским языкам **Клавдией Александровной Новиковой** (1913–1984) в

⁷ Торбаса – у северных народов мягкие сапоги из шкур животных мехом наружу.

селе Вал Сахалинской области в ходе экспедиции 1949 года.

По словам историка и этнографа **Татьяны Петровны Роон**, в этой фольклорной истории использован довольно распространённый сюжет о борьбе медведя и тюленя (моржа – в переводе К. А. Новиковой). Он имеется в легендах сахалинских нивхов и айнов. Из практики известно, что лахтак⁸ на береговом лежбище не осторожен и медведь является единственным хищником, нападающим на него на берегу. Борьба медведя и тюленя часто заканчивается не в пользу первого. Другой сюжет – о борьбе человека и тюленя – встречается намного реже. Образ животного появляется и в иных вариантах. Так, в другой уйльгинской легенде нерпа выступает в качестве морской владычицы – хозяйки, которая в обмен на охотничью удачу требует у старика выращенного им медведя.

ПРЕДАНИЕ О ЧЕЛОВЕКЕ ИЗ РОДА ТОРИСА

Жил сильный человек из рода Ториса. Однажды он отправился на охоту. Когда ехал, услышал какой-то шум. Поехал туда, откуда доносился шум, и увидел, что на берегу дерутся медведь и морж. Мужчина спрятался и стал наблюдать. Медведь становился всё слабее и слабее. Тогда мужчина выстрелил в моржа и убил его. Медведь же, еле таща своё тело, пошёл вверх по склону. Приехал тот мужчина домой и лёг спать. Приснился ему сон: какой-то голос говорил, что теперь ему нельзя жить около моря и охотиться на нерпу. После этого Ториса перекочевали в горы. Прошло три года. Мужчина опять поехал охотиться на ту гору. Когда он подъехал к вершине, навстречу ему бросился морж. Мужчина испугался и прыгнул вниз с горы. За ним прыгнул морж, но зацепился за разветвлённое дерево, росшее на склоне, и застрял там. Мучаясь, морж стал просить человека: «Спаси меня, освободи, я побеждён. Давай жить мирно». С тех пор Ториса стал ездить по морю и убивать нерп.

Вопросы и задания:

1. Сравните древнегреческие и древнеримские мифы о происхождении земли и появлении на ней человека с мифами коренных народов Сахалина и Курильских островов. Есть ли в этих мифах сходства?

⁸ Лахтак, или морской заяц, – животное, представитель лаконового семейства тюленевых.

2. Настур (или настунд) представляет собой жанровую разновидность архаичного героического эпоса в культуре сахалинских нивхов. Аналогичный жанр, называемый нызитом, обнаружен и у амурских нивхов. Настур родствен импровизированной эпической песне, записываемой длинными рядами стихов и повествующей о деяниях древних нивхов со времен мифического первочеловека. С момента своего возникновения настур бытовал исключительно в устном народном творчестве, синтезируя в себе словесное и музыкальное искусство. Чаще всего главными героями в повествовании становятся одинокие старик и старуха, а также их сын, рождённый чудесным образом. Ведущим мотивом настура был поиск чего-либо или кого-либо преодолевающим разные препятствия отважным героем. Найдите устойчивый мотив настура в мировом фольклоре: появление потомства (обычно чудесным способом, логически необъясняемым) у одинокой супружеской пары.

3. Сравните между собой песни «С чего началась земля» и «О двух девушках, которые оставили свои имена потомкам» с точки зрения наличия рифмы, сюжетной организации пространства, присутствия топонимов и слов нивхского происхождения. Какие можно сделать выводы?

4. Прочитайте «Предание о человеке из рода Ториса». Обратите внимание на лаконизм повествования, на нестройную сюжетную организацию пространства. Найдите и познакомьтесь с другими образцами фольклорного творчества уйльта. В чём их отличие от мифов и сказаний нивхского народа?

5. Как часто встречаются мотивы борьбы или единения человека и дикой природы в фольклорных произведениях коренных народов Сахалина и Курильских островов?

Литература:

Отаина, Г. А. Жанровая специфика нивхских н'астундов / Г. А. Отаина // Фольклорное наследие народов Сибири и Дальнего Востока. — Горно-Алтайск, 1986. — С. 53–59 ; Островский, А. Б. Мифология и верования нивхов / А. Б. Островский. — СПб., 1997 ; Островский, А. Б. Религиозные верования нивхов / А. Б. Островский. — Южно-Сахалинск, 2005 ; Певнов, А. М. Предисловие / А. М. Певнов // Нивхские мифы и сказки из архива Г. А. Отаиной. — М., 2010. — С. 2–12 ; Пропп, В. Я. Русский героический эпос / В. Я. Пропп. — М., 1958. — С. 34–35; 43–46 ; Спесивовский, А. Б. Духи.оборотни, демоны и божества айнов (религиозные воззрения в традиционном айновском обществе) / А. Б. Спесивовский. — М., 1988 ; Хазанкович, Ю. Г. «Человек Ых-мифа» Владимира

Санги и устная эпическая традиция / Ю. Г. Хазанкович // Современные проблемы науки и образования. — 2007. — № 3. — С. 108–111 ; Штернберг, Л. Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны / Л. Я. Штернберг. — Хабаровск, 1933 ; и др.

§ 3. СКАЗКИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ САХАЛИНА

1. Особенности сказок коренных народов

Айнские, нивхские, уйльтинские и другие сказки обладают неповторимым национальным колоритом, но при этом имеют и общие черты. Сказки коренных народов Сахалина и Курильских островов близки к мифологическим произведениям. Но если в мифах рассказывается о происхождении мира, об истории отдельных племён, о названиях тех или иных географических мест, то сказки имеют иное содержание и иное назначение. Основной целью сказки становится поучение. Через поступки и действия сказочных героев объясняется, что такое добро и что такое зло.

Очень часто в народных сказках Сахалина и Курильских островов основные события происходят в таёжных буреломах, поросших густым лесом непроходимых сопках, на безлюдных побережьях или опасных морских просторах. Главный герой — человек — в сказках охотится в тайге или занимается рыбным промыслом, ищет наиболее благоприятное место для постройки своего жилища. Чаще всего сказочные события происходят в зимнее время года. Это объясняется особыми природно-климатическими условиями севера Дальнего Востока: преобладанием холодного времени года над тёплым.

2. Животные в сказках коренных народов Сахалина

Сказки о животных в фольклоре народов Дальнего Востока встречаются чаще, чем бытовые или волшебные. В сказках нередко объясняется, как животные приобрели тот или иной облик или же особые повадки. Например, в нивхской сказке «Бурундук, кедровка и медведь» разъясняется, почему связаны тесной лесной дружбой маленькая птичка кедровка и бурундук. В этой же сказке упоминается, по какой причине медведь не делает на зиму съестных запасов. А в другой нивхской истории рассказывается о том, что тюлень стал обладателем пёстрой кожи по вине камбалы. Тюлень в наказание за её нерадивость и безответственность бросил в рыбу горсть морского песка, поэтому на теле камбалы теперь много колючих наростов.

Звери, птицы и рыбы в сказках коренных народов — помощники или противники человека. Они могут принимать челове-

ческий облик, наделяются умением думать, нередко им свойственны хитрость и даже коварство. Однако человек в сказках всегда стремится к гармонии с окружающим его миром. Сказки учат смелости и находчивости при встрече с опасным животным, побуждают жить в дружбе со всей природой, разумно пользоваться дарами тайги и моря.

3. Сказки коренных народов Сахалина в литературной обработке

Сказки коренных народов Сахалина и Курильских островов дошли до современного читателя благодаря кропотливой работе учёных-этнографов и собирателей фольклора. Значительная заслуга в этом принадлежит **Брониславу Осиповичу Пилсудскому**, записавшему несколько десятков народных сказок. В процессе этнографических и языковых исследований изучением сказок занимался и **Лев Яковлевич Штернберг**. Многие сказки дальневосточных народов известны в литературной обработке **Владимира Михайловича Санги**, **Чунера Михайловича Таксами**, **Василия Васильевича Чесалина**, **Олега Павловича Кузнецова** и других авторов. Сказки нанайского народа переведены на русский язык **Андреем Александровичем Пассаром**. Эвенкийские сказки представлены в творческом наследии **Семёна Александровича Надеина**.

В результате литературной обработки (изложения сказочного повествования в соответствии с литературными нормами, уточнения сюжета и персонажей при сохранении языковой выразительности и этнических особенностей) сказки приобрели ещё большую ценность. Айнские, нивхские, орокские, нанайские и другие сказки стали доступны большому числу читателей.

Сахалинской поэтессе **Елене Владимировне Намаконовой** чтение сказок дальневосточных народов навеяло следующие поэтические строки:

*Над глубокой речкой Вени⁹,
Где ветра к деревьям льнут,
Плени прошлых поколений
Старый домик берегут.*

*Ветхий домик односкатный,
Кривобокий теремок,*

⁹ Вени — небольшая река на севере острова Сахалин.

*Где теперь твой ароматный,
Словно трубочный дымок?*

*Хороводят в этом месте
Только ливень да метель,
Здесь единственная песня —
Скрип несмазанных петель...*

*Но когда ночные тени
Скроют огненный закат,
Над глубокой речкой Вени
Сказки старые звучат.*

*Их рассказывает ветер,
И несёт с собой волна,
Тихо вторит сказкам этим
Полноликая Луна,
Этот длинный шест пастуший,
И цветущий бересклет¹⁰...*

*Затаи дыханье.
Слушай
Сказки стародавних лет.*

4. Пилсудский и айнская сказка «Молодая ворона» в его записи

Бронислав Осипович Пилсудский (1866–1918) родился в местечке Зулово Виленской губернии в состоятельной семье польского дворянина. За причастность к покушению на жизнь императора Александра III был арестован и приговорен к смертной казни. Но приговор был замен на отбывание каторги. На Сахалине Пилсудский был приписан к Рыковской тюрьме Тымовского округа, где отбывал наказание на общих работах, а позднее — в канцелярии Тымовского окружного полицейского управления. После окончания срока каторги Пилсудский остался на острове и стал заниматься культурой коренных народов. В 1905 году учёный покинул Сахалин, через Японию и Соединённые Штаты Америки Пилсудский добрался до Западной Европы. Последние годы своей жизни он провёл сначала в Польше, а потом во Франции.

Учёные-этнографы изучают материальную и духовную

культуру, исследуют бытовые особенности того или иного народа. До Пилсудского на Сахалине этнографическая работа не проводилась. Пилсудский первым глубоко заинтересовался самобытной культурой коренных народов Сахалина — айнов и нивхов. Он собирал эпические сказания, легенды, предания, сказки и другие фольклорные тексты. Всё это — богатейший материал для современных специалистов по этнографии.

Записанная Пилсудским айнская сказка «Молодая ворона» напоминает басню: в ней говорится о необходимости прислушиваться к советам старших. Однако молодая ворона поступает опрометчиво, из-за чего и лишается собственной жизни.

МОЛОДАЯ ВОРОНА (айнская сказка)

*Трустно бывает, когда кто-нибудь делает глупость. И раз.
И другой. А потом уже всё, поздно умирать.*

Молодая ворона была дочерью старой и мудрой вороны. Но сколько и чему ни учила мать свою дочь, та ничего не запомнила. Будто ветер выдувал из головы молодой вороны все материнские советы.

Больше всего молодая ворона любила прилетать на морской берег. Сюда волны выбрасывали и серебристых рыбёшек, и маленьких крабов, и волосатых червяков, и всякие ракушки, и много всего другого, что можно склевать. И подолгу ходила по берегу и склёвывала ненасытно всё, что попадалось.

Особенно молодой вороне нравилась водоросль, которую собирали, варили и ели люди. Ну, люди — понятно, они разные растения едят. А ей, вороне, зачем? Но она каждый день ела их, и так много, словно хотела, чтобы людям ничего не осталось. И, правда, как-то не стало на берегу морских водорослей. Она принялась клевать сухие. И подавилась. Дышать уже не может.

Увидела старая ворона, что с её дочерью случилась беда. Прилетела к ней, вокруг бегает, а помочь не может — задыхается молодая ворона. И погибла бы, если б рядом не очутилась вертиголовка — птичка маленькая, но умелая. Она многих лечит. И молодой вороне прочистила горло.

Казалось бы, теперь молодая ворона должна вести себя осторожней, умнее. Но куда там! Она опять клевала что попало. Жадно, торопливо, словно у неё кто собирался отнять краба или червяка.

Однажды среди мокрых, только что выброшенных волною водорослей она заметила большую синеватую ракушку. Это была мидия. Мидии, конечно, никак не хотелось оставаться на берегу. Ей бы в море, на дно поглубже. А тут водоросли со

¹⁰ Бересклет — род древесных растений.

всех сторон опутали. И стала она выбираться из них трудно, неуклюже. Выберется немного, отдохнёт и снова выбирается. Но вот устала вконец и воды свежей не хватает – она раскрыла створки. Надеюсь, что, может, какая волна подкатится поближе и оплеснёт её.

В этот момент и подскочила к ней молодая ворона. Увидела между створок белое упругое тело ракушки. Ох, как это вкусно – проглотить её! Клювом – тук...

И тут – в мгновение! – мидия свела свои створки и так сжала их, так прищепила клюв молодой вороне, что той – ни крикнуть, ни дохнуть. Только головой отчаянно мотает, чтобы отшвырнуть мидию. Но нет, ракушка мёртвой хваткой вцепилась. Попробовала молодая ворона лапами стащить её со своего клюва. Нет, видимо, большую боль причинила мидии, и та решила: погибну вместе с вороной, но не прощу.

Так и погибли.

(В обработке О. П. Кузнецова)

5. Эвенкийская сказка «Эвэкэчен и Чиндэкэ» в литературной обработке Семёна Надеина

Семён Александрович Надеин (1929–1981) родился на Сахалине в стойбище Лок. Его отец происходил из эвенкийского рода дер (или джер), а мать была негидалкой. В средней школе Надеин проучился только четыре года. Его учителем был эвенкийский поэт, переводчик и художник **Григорий Яковлевич Чинков-Эдян** (1915–1970).

Надеин – потомственный охотник и оленевод. С детских лет он добывал в тайге пушнину, ловил рыбу, кочевал со стадами оленей. Однажды в тайге Надеин отморозил ноги. Но болезнь не сломила его. Будучи прикованным к постели, он продолжал творческую работу: писал стихотворения, повести и рассказы; занимался изучением эвенкийского эпоса для создания сказок и легенд. Писал Надеин на русском языке, но часто использовал слова из эвенкийской культуры.

Книга Надеина «Энгеспал» дважды издавалась после смерти писателя (1982, 1996). При этом Надеин был увлечён не только литературой, ему принадлежат многочисленные графические работы, выполненные в технике силуэта и аппликации.

Эвенкийская сказка «Эвэкэчен и Чиндэкэ», входящая в книгу «Энгеспал», учит заботиться о пожилых людях, надеяться на собственный труд, любить весь окружающий мир. Однажды совершённое зло с удвоенной силой вернётся к тому, кто сотворил его. Обманувшая добрую бабушку Эвэкэчен – рыжая

лиса наказана не только своим супругом лисовином. Отныне весь лисий род живёт по своим нормам, а лисьи сородичи уже не помогают друг другу, как прежде.

ЭВЭКЭЧЕН И ЧИНДЭКЭ (эвенкийская сказка)

На ровной поляне, у берега небольшой речки, посреди разлапистых елей стоял небольшой утэкэн – избушка из семи деревьев, срубленная неизвестно кем. Была она сделана очень искусно.

Хозяйкой утэкэна была очень древняя старушка. Прямая спина, плавная неторопливая походка напоминали о когда-то стройной и рослой фигуре. Изъеденное морщинами, с тёмным загаром лицо при улыбке говорило о былой её красоте. Жила одна. Ни детей, ни родных. Круглая сирота. Даже имени своего не помнила, ибо все птицы и мелкие звери называли её ласково Эвэкэчен – бабушка. Она всех уважала и любила, как своих детей. Не было у неё врагов на земле.

Только Улате – рыжая лиса – обижала старушку. Воровала рыбу, юколу, припасённые на зиму ягоды, орехи, корни трав и другие лесные растения.

Жила старушка очень бедно. Заготовленных за лето продуктов едва хватало на зиму. Из скудных её запасов незаметно уворовывала часть злая и хитрая Улате.

<...>

В тёплые зимние дни она (бабушка) надевала свою лисью шапку, которой очень дорожила, и шла на речку. Устраивалась у проталины, удила рыбу до тех пор, пока не пробирала её дрожь, и, довольная своей прогулкой, уходила домой, напевая песенку.

Коварная и хитрая Улате решила перехитрить старушку <...>

Однажды вечером у двери старушкиного дома жалобно завывала лиса. Старушка от неожиданности вздрогнула, но вовремя опомнившись, вышла и сказала: «Зачем пришла? Уходи по-хорошему, ненавижу я весь ваш лисий род». Но лиса, сидя на задних лапках, плакала горькими слезами, приговаривая: «Все меня обижают... <...> Пусти, добрая Эвэкэчен, хотя малость погреться, а потом я сама уйду, не стану тебя стеснять».

Старушка готова была разрыдаться и простить весь коварный лисий род. Открывая дверь, она сказала: «Зайди, погрейся, только не смей мне шkodить».

Лиса оказалась очень застенчивой и скромной <...>.

Утром гостя наносила воды; пока старушка готовила за-

втрак, натаскала дров и проверила уки¹¹, принесла с десяток майма-форелей.

<...> радости Эвэкэчен не было предела.

Прошло пять дней. День выдался холодный, но рыбы попалось много, ход был в разгаре. Лиса говорит: «Сегодня и завтра надо не зевать, пока пошла рыба. Нужно коротать дни и ночи около уки и выбирать улов».

Лиса прибегала часто, грела уши у огня и не могла нахвататься хорошии уловом. Старушка говорит: «Ты, лиса, на день мою шапку, ведь холодно». Лисы не было до самого вечера. «Видать, хорошо ловится рыба. Надо позвать лису на ужин и хорошо накормить на ночь!» С такими мыслями старушка пошла на речку, где стоит их уки. Пришла и видит: нет ни рыбы, ни лисы. Заплакала старушка горькими слезами, проклиная себя и весь лисий род.

В это время прилетел Оли – ворон, сел на дерево и заговорил: «Зачем плачешь, Эвэкэчен, кто обидел тебя?» – «Да как же мне не плакать, добрый Оли, обманула меня проклятая лиса, украла мою дорожную шапку <...>». – «Не плачь, я слетаю и принесу твою шапку, только разреши». – «А как же ты ей скажешь, добрый Оли?» – «Я скажу ей: зачем украла шапку и обидела нашу любимую Эвэкэчен. Верни, Улате, а то плохо будет тебе». – «Нет, добрый Оли, так не выйдет ничего, ступай своей дорогой, а за сочувствие большое спасибо».

Улетел Оли, старушка продолжала плакать. Прилетела Онголо – кедровка – и говорит: «Зачем плачешь, наша добрая Эвэкэчен?». Старушка повторила всё заново. Тогда Онголо предложила свою помощь и сказала, что сделает так, как и Оли, но старушка отказалась.

Онголо улетела, она продолжала плакать.

Прилетела маленькая Чиндэкэ – синица – и промолвила: «Мив-чив-чив, почему плачешь, наша добрая Эвэкэчен, кто посмел тебя обидеть?». Когда старушка излила своё горе, синичка сказала: «Не плачь, бабушка, ступай домой спать, утро вечера мудренее, что-нибудь придумаем и шапку твою вернём».

Старушка поблагодарила за доброе слово маленькую Чиндэкэ и пошла домой, а птичка улетела в лес.

...В просторном жилище старого лисовина собралось много лисиц разной масти. Рядом с лисовином сидела его жена

¹¹ Уки – частокол для ловли рыбы.

Улате-сулаки¹², около них – лисята. Посреди жилища лежал завернутый в шкуру умирающий лисёнок – их внучонок. Над больным камлала¹³ старая шаманка¹⁴ Кэрэмэс-сулаки. Она надела на голову бабушкину лисью шапку и колотила в бубен, обтянутый рыбьей кожей. Все с тревогой смотрели на умирающего сородича.

Вдруг вих жилище поднялся искромётный вихрь пепла от потухающего огня. Было слышно порханье огромных крыльев невидимой птицы. Все лисы вместе с шаманкой Кэрэмэс-сулаки попрятались по углам просторного жилища – кто где смог. А старый лисовин, задрал вверх свою острую лисью морду, заговорил плачущим голосом: «О, великий бог шаманов, крылатый посланник просторного неба, обратись и наяву покажись перед нами, не губи наш ничтожный род. Великий владыка, сжался над нами, а если мы в чём-то виноваты – прости».

Ветер в жилище старого лисовина стих, пыль пепла рассеялась, и стало светло, как прежде. Лисы вместе с шаманкой Кэрэмэс-сулаки вышли из своих укрытий и увидели, что над изголовьем их умирающего сородича сидит маленькая птичка Чиндэкэ. Лисий род приуныл в страхе перед посланником голубого неба – Великим шаманом птичьего рода. Молчание прервала Улате-сулаки: «Скажи, Великий шаман, какие болезни ты можешь лечить?» – «Мив-чив-чив, я излечиваю мелкие болезни и тягаюсь с большими». – «О, сородичи мои, наденьте Великому шаману на голову шапку, пусть покамлает!» – воскликнул старый лисовин.

Улате-сулаки надела шапку на голову Чиндэкэ и попросила покамлать. Поднялся вихрь пепла со сверканьем искр от потухающего огня пуце прежнего. Было слышно порханье крыльев, подобное ветру, затем всё стихло и рассеялся пепел. Лисы, затаив дыханье, ждали, что будет дальше.

Наступило долгое молчание, не было в жилище ни шапки, ни Великого шамана – всё исчезло. Был лишь слышен визг, писк в просторном жилище старого лисовина. Это он бил с досады свою жену Улате-сулаки и шаманку Кэрэмэс-сулаки, а остальные сородичи разбежались по всему дремучему лесу и попрятались кто где смог.

¹² Сулаки – вежливое слово, присоединяемое к именам собственным в эвенкийском языке.

¹³ Камлать – совершать обрядовые действия под пение, пляски и удары бубна.

¹⁴ Шаман, шаманка – название колдунов, знахарей у северных народов.

На этом распался огромный род старого лисовина, и его жилище осталось пустовать навсегда. Разыскивая сородичей, он находил лишь норы, где поселился каждый отдельной семьёй.

А старушка встретила маленькую Чиндэкэ с радостью. В знак благодарности она подарила ей чёрный платок и свой искэк¹⁵ для вытаскивания заноз, чтобы любила и.м. букашек и кле-вала траву и ягоду. С той поры стали у Чиндэкэ костяной клювик и голова с чёрной повязкой.

Вопросы и задания:

1. В чём отличие сказки от мифа? В какой из форм фольклорной литературы преобладающей является воспитательная (назидательная) функция? Приведете примеры из сахалинского фольклора.

2. Какие черты взаимоотношений человека и природы проявляются в айнской сказке «Молодая ворона»?

3. Найдите информацию о Г. Я. Чинкове-Эдяне («Чинкове-Эдян Сахалиндуке», как он сам себя называл), под руководством которого С. А. Надеин пристрастился к занятиям литературой. Какие черты сходства в творческой манере двух эвенкийских писателей вам удалось обнаружить?

4. Прочитав сказку «Эвэкэчен и Чиндэкэ», ответьте на вопрос, какие черты характера человека в представлении эвенков являются важными. В каких двух планах показана тема воровства в сказке (воровство лисицей шапки и возвращение этой шапки синицей старушке)?

5. Есть ли какие-то черты сходства сказки «Эвэкэчен и Чиндэке» с русскими народными сказками (герои-животные, наделённые чертами людей; троекратные повторы, назидательность и др.)?

Литература:

Отаина, Г. А. Жанровая специфика нивхских н'астундов / Г. А. Отаина // Фольклорное наследие народов Сибири и Дальнего Востока. — Горно-Алтайск, 1986. — С. 53–59 ; Островский, А. Б. Мифология и верования нивхов / А. Б. Островский. — СПб., 1997 ; Островский, А. Б. Религиозные верования нивхов / А. Б. Островский. — Южно-Сахалинск, 2005 ; Певнов, А. М. Предисловие / А. М. Певнов // Нивхские мифы и сказки из архива Г. А. Отаиной. — М.,

2010. — С. 2–12 ; Пропп, В. Я. Русский героический эпос / В. Я. Пропп. — М., 1958. — С. 34–35; 43–46 ; Спееваковский, А. Б. Духи. Обратни, демоны и божества айнов (религиозные воззрения в традиционном айнском обществе) / А. Б. Спееваковский. — М., 1988 ; Хазанкович, Ю. Г. «Человек Ых-мифа» Владимира Санги и устная эпическая традиция / Ю. Г. Хазанкович // Современные проблемы науки и образования. — 2007. — № 3. — С. 108–111 ; Штернберг, Л. Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны / Л. Я. Штернберг. — Хабаровск, 1933 ; и др.

¹⁵ Искэк — костяной пинцет.

§ 4. «ЗАПИСКИ ФЛОТА КАПИТАНА...» ВАСИЛИЯ ГОЛОВНИНА

1. Головнин и его деятельность на Дальнем Востоке

Василий Михайлович Головнин (1776–1831) происходил из старинной дворянской фамилии Рязанской губернии. Отец и дед Головнина служили в Преображенском полку, куда, согласно обычаю, ещё мальчиком был записан и будущий писатель. После смерти родителей Головнин был определен в Морской кадетский¹⁶ корпус. К моменту окончания корпуса уже имеющий опыт в морских сражениях молодой человек был произведён в офицеры и с того времени непрерывно находился в военных походах.

В 1806 году Головнин был назначен командиром шлюпа «Диана», который отправлялся для географических открытий и обзора новых земель в северную часть Тихого океана. Летом 1807 года «Диана» вышла в плавание. Миновав столкновение с англичанами на мысе Доброй Надежды, судно Головнина благополучно прибыло на Камчатку. Позже, в 1811 году, Головнину и его экипажу было поручено исследовать Курильские и Шантарские острова.

Во время экспедиции у острова Кунашир Головнин и его товарищи по службе были взяты в плен японцами. Рассказ о пребывании в плену лёг в основу увлекательной книги путешественника — «Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах, с приобщением замечаний его о Японском государстве и народе» (1816). Это произведение Головнина широко известно во всем мире и, конечно, в Японии.

Деятельность Головнина имела большое значение для последующего освоения русскими людьми Дальнего Востока. Именем Головнина названы несколько мест на карте России: залив Головнина — в Беринговом море, пролив Головнина — между двумя островами Курильской гряды — Райкоке и Матуа, Головинно — населённый пункт на острове Кунашир, гора Головина — на Новой Земле.

2. Жанр записок в книге Головнина и в русской литературе XIX века

Названием книги «Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах, с приобщением замечаний его о Японском государстве и народе» определяется и основной жанр, и главный герой-повествователь, и описываемое время, и ряд других деталей, дающих читателям достаточно полное представление об этом произведении. Жанр записок в русской литературе конца XVIII—начала XIX века только начинал складываться. В книгах, в заголовок которых выносилось слово «записки», традиционно изображались события прошлого, которые субъективно оценивались автором или рассказчиком. Именно поэтому записки часто связывались с такими жанровыми формами, как мемуары, дневники или исповеди.

Однако в названии книги Головнина заявлен ещё один популярный в литературе жанр — приключение, в основе которого часто лежит острая сюжетная ситуация, напряжённое действие, разгадывание какой-либо тайны с элементами поиска и преследований. Сочетание двух жанров — записок и приключения — придавало произведению Головнина занимательный характер, а присутствие невымышленных персонажей и описание конкретных географических мест способствовали усилению реалистического звучания книги. Впоследствии жанр записок найдёт своё отражение в прозе многих русских писателей: в «Записках в стихах» (1834) **Александра Сергеевича Пушкина** (1799–1837), в «Записках сумасшедшего» (1835) **Николая Васильевича Гоголя** (1809–1952) или в «Записках охотника» (1852) **Ивана Сергеевича Тургенева** (1818–1883).

В жанре записок создана ещё одна книга, содержание которой обусловлено описываемой Головинным историей о пленении японцами. В 1875 году в Санкт-Петербурге были опубликованы «Записки о плавании к японским берегам в 1812 году и 1813 году и сношениях с японцами» **Людмилы Ивановны Рикорд** (1794–1883, урождённой Короставцевой) — супруги старшего офицера шлюпа «Диана» лейтенанта флота **Петра Ивановича Рикорда** (1776–1855). Сын обрусевшего итальянца из города Ниццы Рикорд, несмотря на огромный риск также быть пленённым, решил вызволить из заточения своего друга по Морскому кадетскому корпусу — Головнина. Благодаря Рикорду Головнин и члены его экипажа смогли вернуться в Россию. О своих приключениях мореплаватель много рассказывал супруге и близким людям. Наделённая творческими способностями, Л. И. Рикорд сумела на основе воспоминаний

¹⁶ Кадетский корпус — военно-учебное заведение.

мужа написать книгу о морских походах и загадочной стране Японии.

Имя друга Головнина — лейтенанта Рикорда отражено в названии пролива между двумя островами Курильской гряды. Пролив Рикорда расположен между островами Ушишир и Кетой.

3. Комментарии «Записок...» и пояснения к ним

Читателям XIX века для полного понимания «Записок...» Головнина требовались различные комментарии и пояснения. Открывая для соотечественников быт и культуру народов Дальнего Востока, путешественник использует и объясняет незнакомые для русских людей слова, уточняет свои намерения или действия героев книги.

Так, под «мохнатыми курильцами» подразумеваются айны, считающиеся коренными народами южной части Сахалина, Курильских островов и Хоккайдо (Япония). Переводчик русской экспедиции Алексей Максимович (или просто Алексей) — «курилец», айн, владеющий русским и японским языками. Благодаря его знаниям экипаж «Дианы» не только мог свободно объяснять свои желания туземцам, но и получал необходимые этнографические сведения.

«Сорочинским пшеном», а иногда просто «пшеном» русские люди называли рис — основной продукт питания японцев и других народов Дальневосточного региона. Некоторые слова в книге Головнина и, в частности, японские заимствования не соответствуют современному написанию. Например, сакэ (традиционный японский напиток из риса) у Головнина — саги, или саке. Остров Шикотан у Головнина — Чикотан. Имеющиеся в «Записках...» отличия объясняются общепринятой орфографией и транскрипцией XIX столетия.

Отдельного внимания заслуживают и топонимы книги Головнина. В приводимом фрагменте из «Записок...» дважды упоминается остров Матсмай — так назывался во времена путешественника остров Хоккайдо. Также неоднократно Головнин пишет об Урбитче. По мнению современных комментаторов, вероятно, под Урбитчем подразумевается небольшое селение Рубецу на западном берегу острова Итуруп (или Рубэцу), современное название — Куйбышево.

ЗАПИСКИ ФЛОТА КАПИТАНА ГОЛОВНИНА О ПРИКЛЮЧЕНИЯХ ЕГО В ПЛЕНУ У ЯПОНЦЕВ

(фрагмент из книги)

В апреле месяце 1811 года, командуя императорским военным шлюпом «Дианой», находившимся тогда в Камчатке,

получил я от морского министра предписание, коим, по высочайшей воле, повелевалось мне описать точнейшим образом южные Курильские острова, Мантарские острова и Татарский берег, от широты 53° 38' N до Охотска.

<...>

После полудня 17 июня мы находились весьма близко западной стороны северной оконечности острова Итурупа, не зная тогда, что она составляет часть сего острова; оконечность сия, напротив того, казалась нам отделённым островом, ибо залив Сана, вдавшись далёко внутрь земли, походил на пролив, да и на карте капитана Бротона сия часть берега оставлена под сомнением по неизвестности, пролив ли тут или залив. Желая узнать это достоверно, приблизились мы к берегу мили на три итальянские. Тогда увидели на берегу несколько шалашей (по-сибирски барабор), две большие лодки (байдары) и людей, бегающих взад и вперёд. Полагая, что тут живут курильцы¹⁷, отправил я для отобрания от них сведений об острове и о других предметах, до нашего дела принадлежащих, мичмана Мура и итурманского помощника Човицкого на вооружённой шлюпке с четырьмя гребцами; а усмотрев, что с берега едет большая лодка к ним навстречу, и не зная, как жители хотят их встретить, я тотчас подошёл со шлюпом ближе к берегу и потом на вооружённой шлюпке, с мичманом Якушкиным и с четырьмя гребцами, поехал сам к ним на помощь. Между тем лодка, встретив первую нашу шлюпку, воротилась и вместе с нею погребла к берегу, куда и я приехал. На берегу нашёл я, к великому моему удивлению, мичмана Мура в разговоре с японцами. Он мне сказал, что тут есть несколько наших курильцев с тринадцатого острова, или Расица, занесённых сюда в прошлом лете погодою, которых японцы, продержав около года в заключении, решились наконец освободить. Теперь они приведены были на сие место под конвоем японских солдат, с тем чтобы при первом благополучном ветре отправиться или отсюда на лодках к своим островам. Господин Мур показал мне японского начальника, стоявшего на берегу сажень в сорока от своих палаток к морю; он был окружён восемнадцатью или двадцатью человеками в латах и вооружёнными саблями и ружьями; каждый из них в левой руке держал ружьё у ноги без вся-

¹⁷ Курильцы — так называли в России до начала XX века коренное население южной части Курильских островов. В книге В. М. Головнина под курильцами подразумеваются айны.

кого порядка, как кто хотел, а в правой два тонких зажжённых фритилля. Я ему сделал приветствие, по нашему обыкновению, поклоном, а он мне поднятием правой руки ко лбу и небольшим наклоном вперёд всего тела. Мы говорили посредством двух переводчиков: первый был один из его воинов, знавший курильский язык, а другие наши курильцы, умевшие немного говорить по-русски. Японский начальник сделал мне сперва вопрос: зачем мы пришли к ним: если торговать, а не с худым против них намерением*, то чтобы или далее вдоль берега за сопку, где находится главное сего острова селение Урбитч. На это велел я ему сказать, что мы ищем безопасной для нашего судна гавани, где могли бы запастись пресной водой и дровами, в коих имеем крайнюю нужду, а получив нужное нам количество воды и дров, тотчас оставим их берега**; впрочем, опасаться нас они не должны, ибо судно наше есть императорское, а не купеческое, и мы не намерены причинять им никакого вреда.

Выслушав мой ответ со вниманием, он сказал, что японцы имеют причину бояться русских, ибо за несколько лет пред сим русские суда два раза нападали на японские селения и всё, что в них ни нашли, то или увезли с собою, или сожгли, не пощадив даже ни храмов, ни домов, ни съестных припасов; а так как пишено, главная и единственная их пища, привозится на остров из Японии, нападение же на них сделано было одно поздно осенью, когда суда их в море не ходят и нового запаса на зиму привезти не могли, а другое рано весною, прежде нежели пришли суда, притом и жилища их были выжжены, и потому японцы принуждены были много претерпеть от голоду и холоду, до того даже, что многие лишились жизни. Следовательно, невозможно, чтобы японцы, видя русское судно столь близко у своих берегов, были покойны и не боялись. На этот вопрос отвечать было трудно посредством таких плохих переводчиков, как-то были курильцы, однако же я старался вразумить им мои мысли и желал, чтобы они постарались пересказать мои слова сколько возможно точнее. Я спросил японского начальника: если бы их государь хотел на какой-нибудь народ идти войною, то много ли бы судов и людей он послал? Ответ его был: «Не

* Наш переводчик выражал этот вопрос: «С добрым умом или с худым умом вы пришли сюда?» (Здесь и далее примечания под знаком * сделаны В. М. Головинным).

** Такое объявление я сделал для того, чтобы под видом отыскания удобной гавани мог обойти кругом все их острова и сделать им точнейшую опись.

знаю». — «Что судов пять или десять послал бы?» — спросил я. «Нет, нет, — сказал он, засмеявшись, — много послал бы, очень много». — «Следовательно, как же японцы могут думать, — продолжал я, — чтобы государь русский, обладатель такой обширной земли и великого множества народа, мог послать два судёнышка вести войну с Японией; и потому они должны знать, что суда, сделавшие на них нападение, были купеческие, и всё те люди, которые или начальствовали и управляли, не принадлежали к службе императорской, а занимались звериными промыслами и торгами, напали на японцев и ограбили их самовольно, даже без ведома последних наших начальников; но коль скоро поступки их стали известны начальству, то дело было исследовано, и виновные наказаны по нашим законам; доказательством сему может послужить и то, что суда сии, сделав два набега, которые оба имели совершенный успех, более уже не являлись в течение трёх лет, но если бы государь наш имел причину и желал объявить японцам войну, то множество судов приходило бы к ним всякий год, покуда не получили бы того, чего требовали». Японец, приняв весёлый вид, сказал, что он рад это слышать, всему, что я ему говорил, верит и остаётся покоен; но спросил, где теперь те два человека, которых увёз у них Хвостов, и не привезли ли мы их с собою. «Они бежали из Охотска на лодке, — отвечал я, — и где скрылись, неизвестно». Наконец он нам объявил, что в сём месте нет для нас ни дров, ни хорошей воды (что мы и сами видели), а если я пойду в Урбитч, то там могу получить не только воду и дрова, но сорочинское пишено и другие съестные припасы, а он для сего даст нам письмо к начальнику того места. Мы его поблагодарили и сделали ему и приближённым к нему чиновникам подарки, состоявшие из разных европейских вещей, а он нас отдал свежей рыбой, кореньями сарана, диким чесноком и фляжкой японского напитка саги* [саке], которым потчевал нас, отведывая наперёд сам, а я поил начальника и всех его товарищей французской водкой, выпив сперва сам, по японскому обыкновению, дабы показать, что в ней нет ничего опасного для здоровья. Они пили с большим удовольствием, прихлебывая понемногу и прищёлкивая языком. Принимая от меня чашечку, из которой пили, они благодарили небольшим наклоном головы вперёд и поднятием левой руки ко лбу. Я взял у одного из них фритиль, чтобы посмотреть его, и когда стал ему отдавать, изъясняя знака-

* Опьяняющий напиток из риса.

ми вопрос, можно ли мне от него немного отрезать, то они мне тотчас предложили весь моток. Начальник их, видя, что мне желательно посмотреть их ставку, тотчас повёл меня туда. Она состояла из весьма длинной, невысокой, крытой соломенными или травяными матами палатки, разгороженной поперёк на многие отделения, из коих в каждое вход был особенный с южной стороны; окон не было, а свет проходил дверьми. Его отделение находилось на восточном краю; пол в нём устлан очень чистыми матами, на которые мы сели, поджав ноги, как портные; в середине поставили большую жаровню и принесли ящик в чехле из медвежьей кожи, шерстью наружу. Начальник положил две сабли в сторону и стал снимать кушак; приметив, что он собирается угощать нас не на шутку, а на дворе становилось поздно, и шлюп был слишком близко к берегу для ночного времени, я поблагодарил его за ласковый приём, велел сказать, что приеду к нему в другой раз, а теперь остаться не могу, и пошёл к шлюпке.

<...>

Мы возвратились на шлюп в 7 часов вечера, а курильцы приехали через час после того; их было двое мужчин, одна женщина и девочка лет четырёх. Мужчины оба говорили по-русски столько, что нас понимали и мы их могли разуместь без затруднения. Они нам привезли обещанное письмо японского начальника к главному командиру в Урбитче, уверяя, что оно содержит извещение о приходе нашем сюда не со злым, а добрым намерением, и сказали, что тотчас по отъезде нашем из селения японцы отправили в Урбитч с подобным известием байдару (большую лодку), которую мы и сами видели, когда она отправилась. Письмо было писано на толстой белой бумаге и сложено кувертом¹⁸ длиною в 6 1/2, а шириною в 2 1/4 дюйма; куверт был сделан таким образом, что с одной стороны бумаги оставался треугольник, который краями был приклеен к той стороне, а верхний оставшийся углом длиною в полдюйма загнут на другую сторону, где края также приклеены, а на самой вершине положен чёрными чернилами штампель; надпись была сделана с обеих сторон. Сверх того, вот какие вести курильцы нам сообщили: японцы не хотят верить, что мы пришли к ним за каким-нибудь другим делом, кроме намерения их грабить, утверждаясь в своём подозрении на прежнем примере; рассказывая о сем поступке русских, они обыкновенно говорят:

русские на нас напали без вины, перебили много людей, некоторых захватили, разграбили и сожгли всё, что у нас было; они не только отняли у нас обыкновенные вещи, но даже лишили всего нашего пшена и саги* и оставили нас, несчастных, умирать с голоду; а потому, по уверению курильцев, японцы пребывают в полном убеждении, что россияне решились делать им всякое возможное зло, подозревают, что и мы пришли к ним с таким же намерением, почему они давно уже всё своё имущество отравили внутрь острова.

Весть сия крайне огорчила всех нас; однако же курильцы утешали нас уверением, что не все японцы так мыслят о русских, но что один только здесь находящийся при них начальник и товарищи его считают русских грабителями и боятся их, чему, конечно, чрезвычайная трусость сих людей причиною. В доказательство сего они рассказали нам свои приключения: в прошлом лете принесло их сюда бурей; японцы их взяли и посадили в тюрьму, предлагали им множество вопросов касательно сделанного на них русскими нападения, на которые они отвечали, что курильцы в поступках русских никакого участия не имели, притом слышали они в Калмчатке, что начальники тех судов, которые их грабили, были промышленные, а не государевы офицеры и нападение сделали без приказа, за что исправник** отобрал от них японские вещи и положил в государевы балаганы (магазины), а их самих посадил в тюрьму. После сего объявления (продолжали курильцы) японцы сделались к ним добрее, стали их лучше содержать и наконец велели немедленно отпустить, одарив пшеном, сагою, табаком, платьем и другими вещами, а теперь они сюда привезены с тем, чтобы им с первым благоприятным ветром отправиться на свои острова.

<...>

Около восьми часов байдара подъехала к нам столь близко, что вместо флага виден был белый кусок мата или рогожки, а вскоре после того узнали мы старых своих друзей, курильцев, всех тех же, которые и вчера нас навестили; с ними был ещё молодой мужчина, который называл себя Алексеем Максимовичем. Мужчины были одеты в японские длинные и очень широкие халаты с короткими, широкими рукавами; халаты сшиты из толстой бумажной материи синего цвета с часты-

* Единственная их пища и питье в здешних местах.

** По мнению сих людей, исправник должен быть один из первых государственных чиновников в России.

¹⁸ Куверт — здесь в значении конверта, обёртки.

ми сероватыми полосками; а женщина одета была в парку*, сшитую из птичьих шкур; на спине у неё, для украшения, висели в несколько рядов носы топорков**, на голове был бумажный платок. Мужчины были с открытыми головами; на ногах торбасы, или русские бахилы, сделанные из горл сивучей.

<...>

Мужчины имели большие, густые, чёрные как уголь волосы и бороды; волосы они так носили, как наши ямщики; искусственных украшений никаких у них на лице и на теле не было, а у женщины рот кругом по губам на 1/5 или 1/4 дюйма выкрашен синей краской, и так же испещрены руки. Они привезли к нам в гостинец два пуда рыбы кунжи и трески, несколько сараны и черемши.

<...>

От Итурупа пошли мы к восточному берегу Урупа, у которого для описи провели три дня, а потом хотели возвратиться к Урбитчу, но ветры не позволяли пройти проливом де-Фриза, а посему и стали мы держать к югу вдоль восточного берега Итурупа, для описи сего острова. Между тем, по необходимости мы должны были усилить подозрение нашего курильского лоцмана в том, что хотели напасть на японцев; я, с моей стороны, охотно бы старался в других случаях искоренять из него такую мысль, но в таком деле этого миновать было нельзя. Когда день был тихий, со светлой, сухой погодой, мы обучали команду абордажной экзерциции¹⁹ с настоящей пальбой; коль скоро курилец наш увидел всех в ружьё, одно отделение с большими мушкетонами, другое с малыми, третье с пистолетами и пиками и проч., то при виде такого, по его понятиям, множества оружия не мог он скрыть своего удивления. Мы старались уверить его, что сами боимся нападения на нас японцев, и для того готовимся защищаться, а им от нас вреда никакого не будет, если они обойдутся с нами дружески. Он, хотя и качал головою в знак согласия, но про себя совсем не то думал. Впрочем, часто он сам открывал нам нечаянно такие вещи, в которых на вопросы наши запирался и приходил в замешательство; например, он не хотел признаться, какими образом они прежде производили торговлю с японцами, когда мы его о том прямо спрашивали, а после, между посторонними разговорами и особливо за чаем, сам рассказывал, почём за какие товары японцы

* Род камчадалской одежды.

** Топорок — морской попугай.

¹⁹ Экзерция (экзерциция) — упражнения, обучение чему-либо.

или платили, не помышляя нимало, что объявлял тайну, которую прежде хотел скрыть. Я был очень доволен, что мы могли, не приводя его в замешательство и не причиняя страха нашему гостю, узнать в обыкновенных разговорах всё, что только нужно было и что вредить ему никак не могло, а потому я не стал его спрашивать ни о чём, кроме самых обыкновенных всеобщих вопросов, иначе как заведя сначала постороннюю речь; сим способом, при разных случаях, я от него узнал, что торг с японцами до разрыва с нами они действительно производили постоянный и правильный, так, как бы он был учрежден публичными актами двух государств, а может быть, ещё и с лучшими порядком и с большей честностью. Курильцы возили к японцам на промен бобровые и нерпачьи (тюлены) кожи, орлиные крылья и хвосты, а иногда лисиц, которых, однако же, японцы покупают редко и за дешёвую цену; от них же получали сорочинское пшено, бумажные материи, платье (главное, халаты), платки, табак, курительные трубки, деревянную лакированную посуду и другие мелочи. Пшено меряется у японцев мешками, большими и малыми; три малых мешка составляют один большой, который, по описанию курильцев, так тяжёл, что один человек с нуждою его поднимает, следственно, можно положить, пуда в четыре; мена товаров происходила по взаимному согласию с обеих сторон без всякой обиды и притеснения; цены вообще почти всегда постоянны и одинаковы; обыкновенно японцы давали курильцам: за одного полнорослого бобра десять больших мешков сорочинского пшена; за тюленью кожу семь малых мешков; за десять орлиных хвостов двадцать малых мешков или шёлковый халат; за три орлиных хвоста дают бумажный халат с такою же подкладкой и с ватой в середине; за десять орлиных крыльев папушу [связку сухих листьев] табаку, до которого курильцы великие охотники. Они вообще кладут его за губу, некоторые нюхают, а другие и курить научились у японцев из таких же трубок.

<...>

С неменьшею откровенностью гость наш Алексей Макасимович, когда кстати и обиняками заставляли его о том говорить, рассказывал нам об успехах своих промыслов, также о способах, какими они производят их, и о своём прокормлении. Он жаловался, что ныне бобров стало мало, в чём верить ему очень можно, и даже одно это показание достаточно вселить доверенность к другим его рассказам; ибо и на Алеутских островах, и на Американском берегу, занимаемом работниками промышленяющей там компании, сих животных ныне не стало. Они все, испугавшись челове-

ского гонения и взора, удалились далее к югу в проливы, рассеянные между бесчисленными островами, окружающими северо-западные берега Америки. Летом, когда море бывает покойно и позволяет безопасно ездить и отдаляться от берегов на байдаре, курильцы бьют бобров стрелами, а зимою у берега стреляют их ружьями или ловят сетями, протягивая оные между камнями, где сии животные бывают. Лисиц они промышляют как чёрно-бурых, сиводушек, так и красных, тремя способами: во-первых, если попадётся, то стреляют винтовками; во-вторых, ловят кляпцами²⁰, как и в Камчатке, то есть ставят западню с приманкой, которую коль скоро зверь дёрнет, то спускается острое железо и ударяет в него; а третий способ чайками: привязав чайку к чему-нибудь в том месте, где приметят лисьи следы, окружают её петлями, а охотник сидит притаившись, чтобы лисица не успела, попавшись в петлю, перегрызть оную; зверь, услышав порханье чайки, тотчас бросается на свою добычу и попадает в петлю. Песцов на Курильских островах нет, и жители и мени их не знают. Увидев у нас кожи сих животных, они называли их белыми лисицами. Сивучей и нерп они стреляют, а орлов ловят чайками, только не таким образом, как лисиц: ставят небольшой шалаш с одним отверстием на самом вершине; внутри шалаша под отверстием привязывают чайку, в которую орёл, спустившись, вцепляется когтями, и пока он силится добычу свою оторвать или остаётся там пировать на ней, его убивают. Орлы у них бывают только зимой, а летом, как они говорят, улетают хищные сии птицы в Камчатку, что и справедливо: их там бывает великое множество; многие рыбой изобильные реки, текущие по сему полуострову, доставляют им обильную пищу. Бобры, сивучи, тюлени, лисицы и орлы суть единственные промыслы курильцев, производимые для торговли; впрочем, для своего прокормления и домашних потреб они промышляют разных морских птиц, как то: гусей, уток разных родов, чирков и прочих, и рыбу, которой нам принадлежащие Курильские острова очень неизобильны; при берегах обитаемых островов 13-го и 14-го, то есть Расшуа и Ушисира, только и есть один род рыбы, жителями называемой сирбок; она величиной с горбушу, красноватого цвета; ловят её удами между камнями; из птиц гусей и уток они промышляют редко, потому что

²⁰ Кляпцы — капка, ловушка.

сей промысел сопряжён с трудами и издержками пороха и свинца*, но ловят руками топорков, старичков и ещё род птиц, на их языке называемых мавридори, в их гнёздах, так что один человек в день наберёт их 40—50 штук, с коих кожу с перьями сдирают и, шивая, делают парки для жителей обоёго пола; из жиру топят сало, а мясо, выкоптив над дымолом, берегут в зимний запас своей пищи, которое, вместе с черемшью, сараной, разными дикими кореньями, ракушками, морскими яйцами и разными родами морского растения, составляет главный и, можно сказать, единственный их запас, к которому иногда прибавляется купленное у японцев пшено.

Вдобавок к сему описанию присовокупляю ещё следующие подробности касательно курильцев. Наши курильцы вообще бреют бороды; хотя найденные на Итурупе были с бородами, но это делают они из подражания мохнатым, которые носят длинные бороды, а потому наш Алексей, находясь между русскими, изъявил желание выбриться, в чём его и удовлетворили, а сверх того я велел дать ему пару казённого платья, оставшегося после умерших. Жители Сушшу и Парамушира ездят на собаках подобно камчадалам, а на Расшуа и Ушисире не ездят, по неумению, но некоторые держат сих животных для лисьей травли. Я выше не говорил о сем способе промышлять лисиц, потому что он не общий и употребляется только некоторыми на острове Расшуа, где есть свои лисицы, а ушисирские жители, не имея их у себя, ездят на другие острова, и потому с собаками таскаться им невозможно; впрочем, на обоих островах собачьи кожи употребляют для зимних парок.

Алексей нас уведомил, что на южной стороне острова Кунашира (20-го Курильской гряды) есть безопасная гавань и укреплённое при оной селение, где могли мы запастись дровами, водою, пшеном и зеленью; почему я и вознамерился в Урбитчи уже не ходить, а идти прямо к Кунаширу, главной же причиною сему намерению было желание моё описать подробнее гавань и пролив, отделяющий Кунашир от Матсмая, который прежде сего европейским мореплавателям не был известен, и на многих картах означен вместо него сплошной берег, да и на карте Бротона оставлен он под сомнением. Сверх того, и дру-

* Как камчадалы, так и курильцы, если им нужно убить хотя маленькую птичку, стреляют пулей из винтовки. Впрочем, у них из фунта пороха выходит около и более 100 зарядов; для сего числа на пули свинца надобно 2 фунта.

гая причина ещё понуждала меня поскорее прийти к селению в безопасную гавань: мы нашли, что в трюме у нас крысы съели более четырёх пудов сухарей и около шести четвериков солоду, а как мы не могли знать, в каком состоянии находится провизия, лежащая внизу, то и нужно было поспешать к месту, где бы в случае нужды можно было получить какой-нибудь запас.

Вопросы и задания:

1. Какие фактические топонимы Курильских островов и прилегающих к ним пространств упоминает в своих «Записках...» В. И. Головнин? С чем ассоциируются у Головнина Курильские острова?

2. В приведённом фрагменте «Записок...» В. М. Головнина упоминаются многие реальные лица: например, «мичман Мур» или «штурманский помощник Новицкий». Кто эти люди? Каково их место в биографии путешественника и писателя?

3. В самом начале XIX века отдельные сведения о Сахалине и Курильских островах можно было почерпнуть в разных работах: в частности, переведённом на многие европейские языки «Путешествии вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях “Надежда” и “Нева”» И. Ф. Крузенштерна (1770–1846). Подготовьте сообщение об этом «Путешествии...» известного в России имперского периода исследователя.

4. Сделайте краткие сообщения о двух-трёх следующих работах: Н. И. Резанов (1764–1807) – «Инструкция начальствующему секретарю экспедиции флота г-ну лейтенанту Хвостову» (1806); Ю. Ф. Лисянский (1773–1837) – «Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на корабле “Нева” под начальством Ю. Лисянского» (1812); В. А. Римский-Корсаков (1822–1871) – письма к родным и цикл очерков «Случаи и заметки на винтовой шхуне “Восток”» (1858); Н. К. Бошняк (1830–1899) – «Экспедиция в Приамурском крае» (1858–1859); А. В. Вышеславцев (1831–1888) – «Очерки пером и карандашом из кругосветного плавания в 1857, 1858, 1859 и 1860 годах» (1862, 1867).

5. Посмотрите фильм режиссёра В. К. Лаптева (1946–2016) «Залив счастья» (1987). В самом начале фильма одна из сцен происходит за столом, за которым члены семьи говорят о том, что Г. И. Невельской (1813–1876) пишет книгу. Между дочерьми Невельского разгорается спор, есть ли надобность в работе отца. О какой работе Невельского идёт речь? Какие ещё сцены фильма связаны с литературным творчеством русского адмирала?

6. Расскажите о книге Г. И. Невельского «Подвиги русских

морских офицеров на крайнем востоке России. 1849–1855 гг. При-Амурский и При-Уссурийский край» (1878). В каких частях этого произведения описан Сахалин? В чём особенности манеры письма Невельского?

Литература:

Высоков, М. С., Ищенко, М. И. Комментарий к книге Г. И. Невельского «Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России. 1849–55 гг. При-Амурский и При-Уссурийский край / М. С. Высоков, М. И. Ищенко. – Владивосток, 2013 ; Давыдов, Ю. В. Головнин. Жизнь замечательных людей / Ю. В. Давыдов. – М., 1968 ; Шульговская, Н. И. Личная библиотека В. М. Головнина (опыт реконструкции) // Из коллекций редких книг и рукописей научной библиотеки Московского университета. – М., 1981. – Вып. 3. – С. 5–23 ; и др.

§ 5. ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ ИВАНА ГОНЧАРОВА «ФРЕГАТ “ПАЛЛАДА”»

1. Биографические сведения о писателе

Иван Александрович Гончаров (1812–1891) родился в состоятельной купеческой семье. После смерти отца воспитанием семилетнего мальчика занимались его мать Авдотья Матвеевна и бывший морской офицер Николай Николаевич Трегубов, который пробудил интерес будущего писателя к морским путешествиям.

Проучившись восемь лет в Московском коммерческом училище, Гончаров поступил на филологическое отделение Московского университета. Ещё студентом он начал проявлять склонность к литературному творчеству. Позже, работая переводчиком в министерстве финансов в Петербурге, Гончаров часто посещал литературный салон Майковых. Салон этой семьи принимал многих известных писателей того времени, среди которых были **Иван Сергеевич Тургенев** (1818–1883) и **Фёдор Михайлович Достоевский** (1821–1881).

В 1853 году в жизни Гончарова произошло неординарное назначение: он стал секретарём дипломатической миссии в Японию на фрегате «Паллада», возглавляемой вице-адмиралом **Евфимием Васильевичем Путятиным** (1804–1883). Главная цель экспедиции состояла в инспекции русских владений в Северной Америке, а именно, когда-то принадлежавшей России Аляски. Кроме того, миссия фрегата должна была установить политические и торговые отношения с Японией. Экспедиция продолжалась почти два с половиной года. Основными пунктами назначения во время путешествия, которое условно называется кругосветным, стали Англия, мыс Доброй Надежды, Ява, Сингапур, Гонконг, Япония, Китай, Ликейские острова, Филиппины и обратный путь через Сибирь.

С первых дней путешествия Гончаров вёл подробный путевой журнал, который лёг в основу его книги «Фрегат “Паллада”» (1853–1857), восторженно принятой русскими читателями в середине XIX века.

2. Жанр книги и её оценка в критике

Вскоре после возвращения Гончарова в Россию на страницах журналов («Отечественные записки», «Морской сборник» и др.) появились фрагменты книги «Фрегат “Паллада”». Отдельным изданием эта книга вышла только в 1858 году. А

позже, в 1870-е годы, в литературном сборнике «Складчина» появились новые главы к этому произведению с общим названием «Через двадцать лет».

По жанру «Фрегат “Паллада”» представляет собой цикл путевых очерков, в которых описаны впечатления Гончарова о природе, быте и нравах народов Азии и Европы. Особое место в книге занимают рассказы об азиатских странах: их географии и климатических особенностях, культуре и традициях разных народов. Гончаров одним из первых русских писателей открыл читателям большой и почти неизвестный им мир. Его очерки обладают не только познавательным характером. В них поднимаются политические, философские и нравственные вопросы, поэтому книга считается как образцом художественной литературы, так и публицистическим произведением.

Успех книги Гончарова объясняется многими причинами и, прежде всего, удачно выбранной формой повествования. По представлению критики, «Фрегат “Паллада”» — это своеобразный «дневник писателя», в котором разнообразие фактического материала включается в литературные тексты. Положительные отзывы о книге дали **Николай Алексеевич Некрасов** (1821–1878) и **Николай Александрович Добролюбов** (1836–1861). Добролюбов писал о том, что «...автор сделал, сперва для друзей, а потом и для публики, — героем путешествия самого себя и таким образом придал обыкновенным впечатлениям путешественника индивидуальный характер».

3. Сахалинские фрагменты в книге писателя

В августе 1854 года плавание фрегата «Паллада» подходило к своему завершению. Корабль миновал узкий морской перешийк между Сахалином и материковой частью и вышел в Охотское море, устремившись к небольшому портовому местечку Аяну. Из Аяна, находящегося на территории современного Хабаровского края, члены экипажа «Паллады» на лошадях должны были преодолеть большой путь до центральной России.

Воспоминания о последних днях на фрегате и его прохождении вблизи побережья Сахалина отдельно отмечены в путевых очерках Гончарова. В частности, в них говорится о долго существовавшем представлении, что Сахалин — это полуостров, соединенный с материком небольшим участком суши. Есть в книге и рассказы о коренных народах Дальнего Востока — о приамурских нивхах и тунгусах.

Эпизодические упоминания об острове можно найти и в финальных частях очерков Гончарова. В главах о путешествии, изданных только в 1874 году, Гончаров пишет, что в водах

Татарского пролива он испытал «неприятную минуту», когда после снятия фрегата с якоря судно «потатило несколько десятков сажен вперёд». Необузданные силы морской природы угрожали жизни всего экипажа «Паллады».

В память о кругосветном путешествии на фрегате и внимании Гончарова к Сахалину два места на острове названы именем русского писателя: мыс Гончарова (Поронайский район) и река Гончаровка (Углегорский район). В предлагаемых для чтения отрывках из книги «Фрегат “Паллада”» рассказывается о завершении плавания и приближении экспедиции к Аяну, недалеко от которого Гончаров услышал долгожданные слова: «Отдай якорь!».

ФРЕГАТ «ПАЛЛАДА»

VI

ОТ ПЛАВАНИЯ ДО БЕРЕГОВ СИБИРИ

<...> Завтра снимаемся с якоря и идём на неделю в Нагасаки, а потом, мимо корейского берега, к Сахалину и далее, в наши владения. Теперь рано туда: там ещё льды. Здесь даже, на южном корейском берегу, под 34-м градусом <северной> широты, так холодно, как у нас в это время в Петербурге, тогда как в этой же широте на западе, на Мадере например, в январе прошлого года было жарко. На то восток.

VII

ОБРАТНЫЙ ПУТЬ ЧЕРЕЗ СИБИРЬ

<...> Но, слава Богу, однако ж, мы выбрались из лимана и, благополучно проскользнув между материком Азии и островом Сахалином, вышли в Охотское море и бросили якорь у песчаной косы, перед маленьким нашим поселением, Петровским зимовьем.

В 1849 году в первый раз военный транспорт «Байкал» решил не решённую Лаперузом задачу. Он послал шлюпки, которые из Охотского моря прошли в Амурский лиман, и таким образом оказалось, что Сахалин не соединен с материком, как прежде думали.

До тех пор об этом знали только гиляки, орочане, мангу²¹ и другие бродячие племена приамурского края, но никакой важности этому не приписывали и потому молчали. Да и теперь немало удивляются они, что от них всячески стараются допытаться, где устье глубже, где мельче.

Наш рейс по проливу на шкуне²² «Восток», между Азией и Сахалином, был всего третий со времени открытия пролива. Эта же шкуна уже ходила из Амура в Аян и теперь шла во второй раз. По этому случаю, лишь только мы миновали пролив, торжественно, не в урочный час, была положена доска, заляпавшая стол, на своё место; в каюту вместо одиннадцати пришло семнадцать человек, учредили завтрак и выпили несколько бокалов шампанского.

Мне так хотелось перестать поскорее путешествовать, что я не съехал с нашими в качестве путешественника на берег в Петровском зимовье и нетерпеливо ждал, когда они воротятся, чтоб перебежать Охотское море, ступить наконец на берег твёрдой ногой и быть дома.

Но задул жестокий ветер, сообщения с берегом не было, и наши пробыли на берегу целые сутки. Наконец тронулись далее. Дорогой, для развлечения, нам хотелось принять участие в войне и поймать французское или английское судно. Однажды завидели довольно большое судно и велели править на него. Между тем зарядили наши шесть пушечек, приготовили abordажное оружие и, вооружённые отвагой, с сложенными назад руками, стали смотреть на чужое судно, стараясь угадать по оснастке, чьё оно. Флага не было. Барон Крюднер счёл нужными и сам вооружиться. Он появился на палубе с двумя заряжёнными пистолетами, опустив их, по рассеянности, дулом в карман. Он, по рассеянности же, не заметил, как я вынул их оттуда и отдал Афанасью, его камердинеру, положить на своё место. Между тем судно подняло американский флаг; но мы не поверили, потому что слышали, как англичане в это время отличались под чужими флагами в разных морях. Мы вызвали шкипера с бумагами. Он явился, выпил рюмку вина и объявил, что он китолов. Этого сорта суда находят в Охотском море огромную поживу и в иное время заходят туда в числе двухсот и более.

Разочарованные насчёт победы над неприятелем*, мы продолжали плыть по курсу в Аян. Погода была серенькая, но тёплая, волнение небольшое, какое именно нам было нужно. <...> Любезная шкуна старалась, сколько могла, удовлетворить

²² Шкуна — тип парусного судна.

* В это самое время, именно 16 августа, совершилось между тем, как узнали мы в своё время, геройское, изумительное отражение многочисленного неприятеля горстью русских по ту сторону моря, в Камчатке (Примечания И. А. Гончарова).

²¹ Мангу (мангунь, мангунцы) — коренной народ Приморья.

нашему нетерпению. Она усердно жгла некупленный, добытый руками её матросов на Сахалине уголь да ещё обвесилась парусами и бежала вёрст по четырнадцати в час. И горизонт уж не казался нам дальним и безбрежным, как, бывало, на различных океанах, хотя дугообразная поверхность земли и здесь закрывала даль и, кроме воды и неба, ничего не было видно. Но нам мерещились поля и дома родины, мы вдыхали в себя сырой морской воздух, воображая, что дышим её воздухом. Наконец на четвёртый день мы заметили на горизонте не поля, не дома, а какую-то серую, неприступную, грозную стену. Это была куча громадных утёсов.

По мере нашего приближения они всё казались страшнее, отвеснее и неприступнее. Жилья и признаков нет; да и какое тут может быть жильё? Кажется, на этих утёсах и чайкам страшно сидеть. Пустота, голь и вышина, от которой дух занимается, да свист ветра – вот характер этого места. Здесь бы в старину хорошо поставить разбойничий замок, если бы было кого грабить, а теперь разве поставить батареи. «Вон нора, должно быть, бобра!» – заметил кто-то, указывая на круглую, правильную лазейку в скале, прорытую почти вровень с водой.

Вглядыванье в общий вид нового берега или всякой новой местности, освоение глаз с нею, изучение подробностей – это привилегия путешественника, награда его трудов и такое наслаждение, перед которым бледнеет наслаждение, испытываемое перед картиной самого великого мастера. Посмотрите на толпу путешественников, когда они медленно подбираются к новому месту: на горизонте видна ещё синяя линия берега, а они все наверху: равнодушных, отсталых, ленивых, сонных нет. Они стоят не шевелясь, как окаменелые, молчат, как немые, и если кто сделает вопрос, то робко, шёпотом, и почти никогда не получит ответа. На лицах сначала напряжённое внимание, в глазах вопросы, потом целая страница мыслей, живых впечатлений, удовлетворённого или неудовлетворённого любопытства. Я, под шумок, незаметно от товарищей своих, наслаждался, по праву путешественника, и картиной нового берега и поверял свои впечатления по лицам спутников. «Где же Аян?» – спрашивают наконец нетерпеливые, отвращая взгляды от безжизненных утёсов, которые недолго изучить.

Как берег ни красив, как ни любопытен, но тогда только глаза путешественника загорятся огнём живой радости, когда они завидят жизнь на берегу. Икюна между тем, убавив паров, подвигалась прямо на утёсы. Вот два из них вдруг посторонились, и нам открылись сначала два купеческих судна на рейде,

потом длинное деревянное строение на берегу с красной кровлей. Кровля пуще всего говорит сердцу путешественника, и притом красная: это целая поэма, содержание которой – отдых, семья, очаг – все домашние блага.

<...>

Ущелье всё раздвигалось, и наконец нам представилась довольно узкая ложбина между двух рядов высоких гор, усеянных березняком и соснами. Беспорядочно расставленные, с десяток более нежели скромных домиков, стоящих друг к другу, как известная изба на курьих ножках, – по очереди появлялись из-за зелени; скромно за ними возникал зелёный купол церкви с золотым крестом. На песке у самого берега поставлена батарея, направо от неё верфь, ещё младенец, с остовом нового судна, дальше целый лагерь палаток, две-три юрты, и между ними кочки болот. Вот и весь Аян.

Это не город, не село, не посад, а фактория²³ Американской компании. Она возникла лет десять назад для замены Охотского порта, который неудобен ни с морской, ни с сухопутной стороны. С моря он гораздо открытее Аяна, а с сухопутной дорога от него к Якутску представляет множество неудобств, между прочим так называемые Семь хребтов, от раслей Станового хребта, через которые очень трудно пробираться. Трудями преосвященного Иннокентия, архиепископа камчатского и курильского, и бывшего губернатора камчатского, г-на Завойки, отыскан нынешний путь к Охотскому морю и положено основание Аянского порта.

<...>

Чиновники компании помещаются в домах, казаки в палатках, а якуты в юртах. Казаки исправляют здесь военную службу, а якуты статскую. Первые содержат караул и смотрят за благочинием; одного из них называют даже полицеймейстером; а вторые занимаются перевозкой пассажиров и клади, летом на лошадах, а зимой на собаках. Якуты все оседлые и христиане, все одеты чисто и, сообразно климату, хорошо. И мужчины и женщины носят фризковые капоты, а зимой – олений или нерпичий мех, вывороченный наизнанку. От русских у них есть всегда работа, следовательно, они сыты, и притом, я видел, с ними обращаются ласково.

«Отдай якорь!» – раздалось для нас в последний раз, и серд-

²³ Фактория – торговый и заготовительный пункт в отдалённых промысловых районах.

це замерло и от радости, что ступаешь на твёрдую землю, чтоб уже с нею не расставаться, и от сожаления, что прощаешься с морем, чтобы к нему не возвращаться более...

Вопросы и задания:

1. Сравните характер повествования «Записок...» В. М. Голловина и И. А. Гончарова. В чём их сходство и различие?

2. О каких исторических фактах пишет И. А. Гончаров в приводимом отрывке «Фрегата “Паллада”»? Что вы знаете об этом?

3. Какие топонимы упоминаются И. А. Гончаровым во «Фрегате “Паллада”»? По возможности сравните хронотопы во «Фрегате “Паллада”» и в романах писателя «Обыкновенная история», «Обломов» и «Обрыв». Как столичное противопоставляется провинциальному в указанных произведениях? И наблюдается ли аналогичное противопоставление во фрагментах «Фрегата “Паллада”»?

4. Какой резонанс книга «Фрегат “Паллада”» имела в России и за рубежом во времена И. А. Гончарова? Найдите информацию, как отзывались о книге «Фрегат “Паллада”» писатели и литературоведы: В. П. Попов и А. И. Герцен, В. Б. Шкловский и др.

5. Какие ещё произведения русской и зарубежной литературы XVIII–XIX веков написаны в жанре путевых впечатлений (очерков, записок)? В чём их сходство и отличие от книги И. А. Гончарова?

Литература:

Котельников, В. А. Иван Александрович Гончаров / В. А. Котельников. — М., 1993 ; Краснощёкова, Е. А. Гончаров: Мир творчества / Е. А. Краснощёкова. — СПб.: Пушкинский фонд, 1997 ; Орнатская, Т. И. История создания «Фрегата “Паллада”» // И. А. Гончаров. Фрегат «Паллада» ; Очерки путешествия: в 2-х т. / Д. В. Ознобишин. — Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1986. — С. 763–787 ; и др.

§ 6. РАССКАЗ КОНСТАНТИНА СТАНЮКОВИЧА «УЖАСНЫЙ ДЕНЬ»

1. Биографические сведения о писателе

Константин Михайлович Станюкович (1843–1903) родился в семье, принадлежавшей к старинному дворянскому роду. Его отец был потомственным моряком, дослужившимся до должности командира порта и военного губернатора в Севастополе. Основное образование Станюкович должен был получить в Пажеском корпусе, выйдя из стен учебного заведения в звании офицера гвардии. Однако смерть брата заставила молодого человека по ходатайству отца перевестись в Морской кадетский корпус, чтобы «сохранить во флоте» фамилию Станюковичей.

В конце 1860 года Станюкович отправляется в учебное плавание, совершая первое в своей жизни морское путешествие на винтовом корвете «Калевала» под командованием Василия Фёдоровича Давыдова (1831–1897). Но летом 1861 года Станюкович заболевает лихорадкой и определяется командованием во Владивостокский лазарет. После выздоровления весь последующий год Станюкович, произведённый из кадетов²⁴ в гардемарины²⁵, ходит на различных судах в акватории Тихого океана. Немногим позже он начинает сотрудничать с газетами и журналами, помещая на их страницах «очерки морской жизни».

Особенно остро интерес к морской тематике обнаружился у писателя после выхода в отставку. В 1884 году обвинённый в антиправительственной деятельности Станюкович оказывается в Петропавловской крепости, а в дальнейшем отправляется с семьёй на три года в сибирскую ссылку. Именно там, вдали от морских просторов, он напишет те произведения о русских путешественниках, которые принесут ему известность в России и за её пределами. Морские рассказы Станюковича стали образцом писательского мастерства для таких авторов, как Алексей Сильч Новиков-Прибой (1877–1944) и Леонид Сергеевич Соболев (1898–1971).

²⁴ Кадет — здесь: воспитанник кадетского корпуса (военно-учебного заведения).

²⁵ Гардемарин — звание унтер-офицера в царской России.

2. Образ Сахалина в творчестве Станюковича

Станюкович хорошо знал Дальний Восток. В произведениях писателя часто присутствуют различные дальневосточные топонимы, в том числе и географические понятия, имеющие отношение к Сахалину.

В рассказе писателя «Из-за пустяков» (1881) эпизодически возникает образ Сахалина, ассоциирующийся со ссылкой. Сахалинская каторга отчасти напоминала писателю и положение моряков на российских кораблях того времени. Многие моряки в прошлом были мирными крестьянами-земледельцами. Их двадцатипятилетняя служба на флоте была непростой: матросов поджидали не только морские опасности, но и установившиеся на суднах порядки — издевательства старшего состава или разные наказания за провинность.

Но Сахалин у Станюковича связывался не только с каторгой. 28 августа 1861 года на Дуйском рейде произошло крушение клипера «Гайдамак»²⁶. Через тридцать лет хорошо известные в среде морских офицеров воспоминания о драматическом происшествии в порту Дуэ нашли своё воплощение в произведениях Станюковича: в рассказе «Ужасный день» (1893) и в небольшом фрагменте повести «Вокруг света на “Коршуне”» (1895). Известно, что не ранее чем в 1863 году Станюкович служил на клипере «Гайдамак» и, конечно же, общался с участниками крушения морского судна в Дуэ.

Названный писателем «неприветным» Дуйский рейд был воссоздан в художественном произведении как злое место, где безудержная морская стихия вступает в схватку с экипажем быстроходного корабля — покорителя тихоокеанских просторов. Авторский вымысел в рассказе касается только имён персонажей и некоторых деталей (например, Станюкович изменил название корабля с «Гайдамака» на «Ястреб»). Писатель оставил художественное описание реального исторического события.

Рассказ «Ужасный день», вошедший в сборник «Морских рассказов» Станюковича, впервые был опубликован в газете «Русская жизнь» в декабре 1893 года. В состоящем из шести глав произведении описывается история клипера «Ястреб», пытавшегося противостоять «водяным громадам беснующегося

²⁶ *Гайдамак* — участник повстанческого движения в XVII–XVIII веках на территории Правобережной Украины; украинский казак.

моря» вблизи сахалинского побережья. Единственным выходом из создавшейся критической обстановки, в которую попадает военный корабль, становится возвращение в еле видимую лагуну, к берегам ненавистного и «проклятого», на взгляд героев, острова. Станюкович правдиво и увлекательно описывает образы русских моряков — мужественных и находчивых людей, готовых смириться со своей судьбой только в самой отчаянной ситуации. Прототипами героев рассказа, безусловно, могли являться знакомые Станюковичу люди.

Образ Сахалина в «Ужасном дне» складывается из множества негативных характеристик островной земли каждым из героев. В представлении экипажа «Ястреба» каторжный остров — это «дыра», остановка в которой была вынужденной. Судно должно было запастись «даровым углём» из поста Дуэ, после чего отправиться к берегам Японии, а затем доплыть до Америки. Весь экипаж мечтает поскорее покинуть остров: длительное пребывание вдали от суши не пугает моряков, а, напротив, становится желанным. И поэтому накануне непредвиденных трагических событий моряки веселы и беззаботны.

Но покинуть Сахалин оказывается непросто. Неприязнь моряков к каторжному острову возвращается к ним непредсказуемой погодой, буйством ветров и безудержностью морских волн. Военному кораблю и всему экипажу грозит страшная и неминуемая гибель. Поэтому чудесное спасение клипера и возможность провести зиму на «проклятой» земле теперь воспринимается героями как неожиданное счастье.

3. Реальные лица и их художественные образы

Факт крушения «Гайдамака» известен для сахалинского краеведения, и именно с берегов Дуэ началась миссия святителя **Иннокентия (Иван Евсеевич Попов-Вениаминов; 1797–1879)**, с которым был знаком **Иван Александрович Гончаров**. Встреча писателя и священника произошла в 1854 году, когда Гончаров вместе с членами экипажа фрегата «Паллада» возвращался через Сибирь в Петербург. Имя святителя Иннокентия упоминается писателем в книге «Фрегат “Паллада”».

В рассказе Станюковича «Ужасный день» эпизодически очерчен образ корабельного священника. Однако это описание абсолютно не совпадает с той миссией, которую нёс святитель Иннокентий. Вместе с этим, согласно документам, на «Гайдамаке» плыл не только святитель Иннокентий, но и псаломщик **Симеон Казанский (Семён Никанорович; ?–начало 1890-х годов)**.

Примечательно, что имя Симеона Казанского упоминается **Антоном Павловичем Чеховым** в «Острове Сахалин» (1895). Вме-

сте с этим Чехов был знаком с рассказом писателя, публициста и журналиста **Александра Яковлевича Максимова** (1851–1896) «Поп Симеон. Быль об одном забытом подвиге» (1890). В рассказе Максимова главным героем стал известный своим подвижничеством сахалинский священник Симеон Казанский, совершивший не оценённый современниками «скромный подвиг».

Клипер «Гайдамак», согласно морской хронике, покинул Сахалин весной 1862 года и с того времени до 1886 года находился в списках флота Российской империи.

УЖАСНЫЙ ДЕНЬ

I

Весь чёрный, с блестящей золотой полоской вокруг, необыкновенно стройный, изящный и красивый со своими чуть-чуть наклоненными назад тремя высокими мачтами военный четырёхпушечный клипер²⁷ «Ястреб» в это хмурое, тоскливое и холодное утро пятнадцатого ноября 186_ года одиноко стоял на двух якорях в пустынной Дуйской бухте неприветного острова Сахалина. Благодаря зыби клипер тихо и равномерно покачивался, то поклёвывая острым носом и купая штаги²⁸ в воде, то опускаясь подзором своей круглой кормы.

«Ястреб», находившийся уже второй год в кругосветном плавании, после посещения наших, почти безлюдных в то время портов Приморской области зашёл на Сахалин, чтобы запастись даровым углём, добытым ссыльно-каторжными, недавно переведёнными в Дуйский пост из острогов Сибири, и идти затем в Нагасаки, а оттуда – в Сан-Франциско, на соединение с эскадрой Тихого океана.

<...>

С обычной на военных судах торжественностью, на «Ястребе» только что подняли флаг и гюйс²⁹, и с восьми часов на клипере начался судовый день. Все офицеры, выходившие к подъёму флага наверх, спустились в кают-компанию³⁰ пить чай. На мостике только оставались закутанные в дождевики капитан, старший офицер и вахтенный начальник, вступивший на вахту.

– Позвольте отпустить вторую вахту в баню? – спросил старший офицер, подходя к капитану.

– Первая вахта вчера ездила... Второй будет обидно... Я уж обещал... Матросам баня – праздник.

– Что ж, отпустите. Только пусть скорее возвращаются назад. После погрузки мы снимемся с якоря. Надеюсь, сегодня кончим?

– К четырём часам надо кончить.

– Четыре часа я, во всяком случае, ухажу, – спокойно и в то же время уверенно и властно проговорил капитан. – И то мы промешкались в этой дыре! – прибавил он недовольным тоном, указывая своей белой, выхоленной маленькой рукой по направлению к берегу.

<...>

Тем временем к мостику подбежал вызванный боцман Фикитин, или Егор Митрич, как почтительно звали его матросы. Приложив растопыренные засмолённые пальцы своей здоровенной мозолистой и шершавой руки к сбитой на затылок намокнутой шапке, он внимательно выслушивал приказание вахтенного офицера.

Это был коренастый и крепкий, небольшого роста, сутуловатый пожилой человек самого свирепого вида: с заросшим волосами некрасивым рябым лицом, с коротко подстриженными щетинистыми, колючими усами и с выкаченными, как у рака, глазами, над которыми торчали чёрные взъерошенные клочья. Перешибленный ещё давно марса-фалом³¹ нос напоминал тёмно-красную сливу. В правом ухе у боцмана блестела медная серёжка.

...Егор Митрич был простодушнейшим и кротким существом с золотым сердцем и притом лихим, знающим своё дело до тонкости боцманом³². Он никогда не обижал матросов – ни он, ни матросы не считали, конечно, обидой его ругательных импровизаций. Сам прежде выученный битём, он, однако, не дрался и всегда был представителем и защитником матросов. Чего и прибавлять, что простой и незаносчивый Егор Митрич пользовался среди команды уважением и любовью. «Правильный человек Егор Митрич!», – говорили про него матросы.

Выслушав приказание вахтенного лейтенанта, боцман

²⁷ Клипер – трёхмачтовый быстроходный военный корабль.

²⁸ Штаг – снасть, удерживающая мачту.

²⁹ Гюйс – флаг, поднимаемый во время стоянки корабля на якоре.

³⁰ Кают-компания – салон на судне для офицеров.

³¹ Марса-фал – снасть, поднимающая марсель. Марсель – большой прямой парус, второй снизу.

³² Боцман – старший унтер-офицер, отвечающий за судовые работы и чистоту на корабле.

вприпрыжку понёсся на бак и, вынув из кармана штанов висевшую на длинной медной цепочке такую же дудку, засвистал в неё соловьём. Свист был энергичный и весёлый и словно бы предупреждал о радостном известии. Отсвистав и проделав трели с мастерством заправского боцмана, свиставшего в дудку полонину своей долгой морской службы, он нагнулся над люком в жилую палубу и, расставив фертом³³ свои цепкие, слегка кривые, короткие ноги, весело зыкнул во всю силу...

— Вторая вахта в баню! Баркасные на баркас!

<...>

Весёлые и довольные, что придётся попариться в бане, в которой не были уже полтора года, матросы и без понуканий своего любимца, Егора Митрича, торопливо доставали из своих парусинных мешков по смене чистого белья, запасались мылом и кусками наципанной пеньки, обмениваясь замечаниями насчёт предстоящего удовольствия.

— По крайности матушку-Расею вспомним, братцы. С самого Кронштадта не парились.

<...>

Матросы выходили один за другим наверх с узелками под бушлатами и выстраивались на шканцах³⁴. Вышел старший офицер и, снова повторив мичману Чыркуву приказание быть к одиннадцати часам на клипере, велел сажать людей на баркас, который уже покачивался у левого борта с поставленными мачтами.

Матросы весело спускались по верёвочному трапу, прыгали в шлюпку и рассаживались по банкам. Старший офицер наблюдал за посадкой.

Минут через пять баркас, полный людьми, с поставленными парусами, отвалил от борта с мичманом Чыркувым на руле, понёсся стрелой с попутным ветром и скоро скрылся в туманной мгле, всё ещё окутывавшей берег.

II

В кают-компании все были в сборе за большим столом, покрытым белоснежной скатертью. Две горки свежих булок, изделия офицерского кока (повара), масло, лимоны, графинчик с коньяком и даже сливки красовались на столе, свидетельствуя о хозяйственных талантах и запасливости содержателя кают-компании молодого доктора Платона Васильевича, выбранного

³³ Расставить фертом — стать, расставив широко ноги.

³⁴ Шканцы — помост или палуба на парусном судне.

на эту хлопотливую должность во второй раз. Только что истопленная железная печка позволяла всем сидеть без пальто. Пили чай и болтали, поругивая главным образом проклятый Сахалин, куда судьба занесла клипер. Ругали и открытый рейд с его зыбью, и собачью погоду, и местность, и холод, и медленную грузку угля. Всем, начиная со старшего офицера и кончая самыми юными членами кают-компании, только что произведённым в мичмана, руляным и свежим, как яблочко, Арсфьевым, эта стоянка в Дуэ была очень неприятна. Подобный берег не манил к себе моряков. Да и что могло манить?.. Неприветен был этот несчастный посёлок на оголённом юру бухты, с унылым лесом сзади без конца, с несколькими казармами мрачного вида, в которых жили пятьдесят человек ссыльно-каторжных, выходивших с утра на добычу угля в устроенную вблизи шахту, да полурота солдат линейного сибирского батальона.

Когда старший офицер объявил в кают-компании, что сегодня «Ястреб» непременно уйдёт в четыре часа, хотя бы и не весь уголь был принят, все по этому случаю выразили свою радость. Молодые офицеры вновь замечтали вслух о Сан-Франциско и о том, как они там «протрут денежки». Деньги, слава богу, были! В эти полтора месяца плавания с заходами в разные дыры нашего побережья на Дальнем Востоке при всём желании некуда было истратить денег, а впереди ещё недели три-четыре до Сан-Франциско — смотришь, и можно спустить всё трёхмесячное содержание, а при случае и прихватить вперёд...

<...>

В кают-компании продолжалась весёлая болтовня моряков, ещё не надоевших друг другу до тошноты, что случается на очень длинных переходах, когда нет новых впечатлений извне. Мичмана расспрашивали лейтенанта Сниткина о Сан-Франциско, кто-то рассказывал анекдоты о «беспокойном адмирале». Все были веселы и беспечны.

Один только Лаврентий Иванович, старший штурман клипера, не принимал участия в разговоре и посасывал свою манилку, постукивая сморщенными, костлявыми пальцами по столу далеко не с тем добродушно-спокойным видом, с каким он это делал, когда «Ястреб» был в открытом океане или стоял на якоре на хорошем, защищённом рейде.

<...>

Видимо, чем-то озабоченный, он то и дело выходил из кают-компании наверх, поднимался на мостик и долго, недоверчивым взглядом своих маленьких, зорких, как у коршуна, глаз глядел на море и озирался вокруг. Туманная мгла, закрывавшая берег, рас-

сеялась, и можно было ясно видеть седые буруны, грохотающие в нескольких местах бухты, в значительном отдалении от клипера. Поглядывал старый штурман и на надувшийся вымпел, не изменявший своего направления, указывающего, что ветер прямо, как говорят моряки, «в лоб», и на небо, на свинцовом фоне которого начинали прорезываться голубые кружки...

— Что это вы, Лаврентий Иванович, всё посматриваете?.. Мы, кажется, не проходим опасных мест? — шутливо спросил Чирков, подходя к штурману.

— Не нравится мне горизонт-с! — отрезал старый штурман.

— А что?

— Как бы в скорости не засвежело.

— Эка беда, если и засвежеет! — хвастливо проговорил молодой человек.

— Очень даже беда-с!! — внушительно и серьёзно заметил старший штурман. — Этот свирепый норд-вест коли заревёт всюю, то надолго, и уж тогда не выпустит нас отсюда... А я предпочёл бы штормовать в открытом море, чем здесь, на этом подлеце-рейде. Да-с!

— Чего нам бояться? У нас — машина. Разведём пары, в помощь якорям, и шутя отстоимся! — самоуверенно воскликнул Чирков.

III

Опасения старого штурмана оправдались.

Только что подняли баркас в ростры³⁵ и принаитовили (привязали) его, как после трёх, последовательно налетевших жестоких шквалов заревел шторм, один из тех штормов, которые смущают даже и старых, опытных моряков.

Картина озверевшей стихии была действительно страшная. По небу, с едва пробивающимися на свинцовом фоне голубыми кусочками, бешено и, казалось, низко неслись чёрные клочковатые облака и покрывали весь небосклон. Несмотря на утро, кругом стоял полусвет, точно в сумерки. Море, что называется, кипело. Громадные волны шумно и яростно нагоняли одна другую, сталкивались и рассыпались в своих верхушках алмазной пылью, которую подхватывал вихрь и нес дальше. Страшный рёв бушующего моря сливался с рёвом дьявольского ветра.

<...>

³⁵ Ростры — специальный настил, предназначенный для размещения шлюпок и хранения запасного рангоута на парусных судах.

Словно обезумевший, освирепевший зверь, бросался он на маленький клипер, как будто грозя его уничтожить со всеми его обитателями. И «Ястреб», встретивший грудью врага, то и дело вздрагивал на своих вытравленных канатах, и, казалось, вот-вот сорвется с натянувшихся, гудевших цепей. Его дёргало на них всё больше и больше, и он, бедный, точно от боли, скрипел всеми своими членами и стремительно качался, уходя бугшпритом³⁶ в воду и отряхиваясь при подъёме, точно великан-птица, от воды.

<...>

Теперь уже капитан не вглядывался, как раньше, вперёд, в даль моря, на просторе которого ему бы так хотелось быть в настоящую минуту, штормуя с крепкими и добрыми своим «Ястребом» под штормовыми парусами, задраивши люки и носясь по волнам, как закупоренный бочонок, пока шторм не пройдёт. Он часто оборачивался и тревожно посматривал по направлению к берегу — туда, где среди беснующегося моря выделялась широкой извивающейся белой лентой сплошная седая пена бурунов на длинной каменистой гряде, чуть-чуть влево от посёлка. Эта гряда, беспоконившая капитана, несмотря на свою отдалённость, лежала как раз против моря, в глубине открытого для норд-веста рейда. По двум другим его сторонам тянулись прямые обрывистые берега, вблизи которых там и сям тоже грохотали буруны. И только направо был маленький заливчик, омывающий устье небольшой ложины, свободный, по видимому, от подводных камней.

<...>

Прошло пять, необыкновенно долгих для капитана, минут. Сейчас пары будут готовы, и мучительное беспокойство пройдёт. «Ястреб», несмотря на усиливающийся шторм, пока держался на якорях и не дрейфовал.

Но в ту же секунду, как капитан об этом подумал, клипер необыкновенно сильно вздрогнул, рванувшись назад, с бака донёсся какой-то резкий, отрывистый лязг, и в то же мгновение боцман Егор Митрич стрелглав подбежал к шканцам и прокричал громовым голосом:

— Цепи лопнули!

<...>

Вдруг корма дрогнула, словно коснувшись какого-то препятствия. Винт перестал буравить воду, сломанный в тот мо-

³⁶ Бугшприт — брус, выступающий впереди носа корабля.

мент, когда «Ястреб» прочертил кормой, вероятно, у камня.

Теперь, совсем беспомощный, без винта, без якорей, не слушая более руля, став лагом³⁷ поперёк волнения, клипер стремительно нёсся на длинную гряду камней, к седой пене бурунов, грохотающих в недалёком расстоянии.

Машина, теперь бесполезная, застопорила.

IV

Крик ужаса вырвался из сотни человеческих грудей и застыл на искажившихся лицах и в широко раскрытых глазах, устремлённых с каким-то бессмысленным вниманием на белеющую вдали, точно вздутую, ленту. Все сразу поняли и почувствовали неминуемость гибели и то, что всего какой-нибудь десяток минут отделяет их от верной смерти. Не могло быть никакого сомнения в том, что на этой длинной гряде камней, к которой иторм нёс клипер с ужасающей быстротой, он разобьётся вдребезги, и нет никакой надежды спастись среди водяных громад беснующегося моря. При этой мысли отчаяние и тоска охватывали души, отражаясь на судорожно подёргивающихся, смертельно бледных лицах, на неподвижных зрачках и вырывающихся вздохах отчаяния.

Казалось, сама смерть уже глядела с бесстрастной жестокостью на эту горсть моряков из этих рокоцущих, веющих ледяным холодом, высоких свинцовых волн, которые бешено скачут вокруг, треплют бедный клипер, бросая его с бока на бок, как щепку, и вкатываются своими верхушками на палубу, обдавая ледяными брызгами.

Матросы снимали фуражки, крестились и побелевшими устами шептали молитвы. По некоторым лицам текли слёзы. На других, напротив, стояло выражение необыкновенно суровой серьёзности. Один, совсем молодой матрос, Опарков, добродушный, весёлый парень, попавший прямо от сохи в «дальнюю» и страшно боявшийся моря, вдруг громко ахнул, захохотал безумным смехом и, размахивая как-то наотмашь руками, подбежал к борту, вскочил на сетки и с тем же бессмысленным хохотом прыгнул в море и тотчас же исчез в волнах.

Ещё другой, такой же молодой, обезумевший от отчаяния матрос хотел последовать примеру товарища и с диким воплем бросился было к борту, но боцман Егор Митрич схватил его за шиворот и угостил самой отборной руганью. Эта ругань привела матросика в сознание. Он виновато отошёл от бор-

та, широко крестясь и рыдая, как малый ребёнок.

— Так-то лучше! — ласково проговорил Егор Митрич дрогнувшим голосом, чувствуя бесконечную жалость к этому матросику. — Бога вспомни, а не то, чтобы самому жизни решаться, глупая твоя башка, так твою так! А ты, матросик, не плачь, господь, может, ещё и вызволит, — прибавил, утешая, старый боцман, сам не имевший никакой надежды на спасенье и готовый, казалось, безропотно покориться воле божией, посылавшей смерть.

Несколько старых матросов, соблюдая традиции, спустились на кубрик, спешно надели чистые рубахи и, подойдя к большому образу Николая-чудотворца, что находился в жилой палубе, прикладывались к нему, молились и уходили наверх, чтоб гибнуть на людях.

Несмотря на весь ужас положения, среди команды не было той паники, которая охватывает обыкновенно людей в подобные минуты. Привычка к строгой морской дисциплине, присутствию на мостике капитана, старшего офицера, вахтенного начальника и старого штурмана, которые не покидали своих мест, точно клипер не стремился к гибели, сдерживали матросов. И они, словно испуганные бараны, жались друг к другу, сбившись в толпу у грот-мачты, и с трогательной покорностью отчаяния переводили взгляды с моря на капитана.

На шканцах и под мостиком стояли офицеры с бледными, искажёнными ужасом лицами. Ещё недавно весёлый, смеющийся толстый лейтенант Сниткин вздрагивал всем своим рыхлым телом, точно в лихорадке, едва удерживаясь на ногах от охватившего его страха. Он торопливо крестился, как-то жалобно и растерянно глядел на других и, словно стыдясь своего малодушия, пробовал улыбаться, но вместо улыбки выходила какая-то страдальческая гримаса. Доктор Платон Васильевич то и дело жмурился, точно у него вдруг заболели глаза, и затем с какой-то жадной внимательностью впивался глазами в море и снова жмурился. Бесконечно скорбное выражение светилось на его умном, симпатичном лице. В голове его проносилась мысль о горячо любимой им молодой жене и позднее раскаяние, что он ушёл в плавание, вместо того чтоб выйти в отставку. И он, сам не замечая, громко повторял: «Зачем?.. Зачем?.. Зачем?» — и опять жмурил глаза. Чырков, только что радовавшийся, что избавился от опасности потонуть на баркасе, старался скрыть свой ужас и страх перед надвигающейся несомненной смертью. Стыд показаться перед бесстрашным, казалось ему, капитаном, офицерами и матросами заставлял этого доброго, славного молодого мичмана делать

³⁷ Стать лагом — стать боком.

невероятные усилия, чтоб казаться спокойным, готовым умереть, «как следует доблестному моряку». А между тем он чувствовал, что сердце его замирает в жгучей тоске и холодные струйки пробегают по спине. «Стыдно, стыдно!» — думает он, с безнадежной, безмолвной мольбой поднимая свои бархатные тёмные глаза на небо, по которому несутся чёрные, мрачные тучи. Но в них он видит всё ту же смерть, которая, казалось, витает над клипером. Совсем юный мичман Арсеньев, почти мальчик, не хотел верить, что приходится умирать... За что же? Он так молод, так полон жизни... «Только что произвели в мичмана, и вдруг умирать? Нет, это невозможно!» — думает он, вспоминая в это мгновение и мать-старушку, и сестру Соню, и гимназиста брата Костю, и эту маленькую столовую с кукушкой на стене, в которой так уютно и славно и где все его так любят, и чувствуя, как непроизвольно текут по его лицу слёзы. Он отворачивается, чтобы другие не видели этих слёз, и напрасно старается удержать их. Старший артиллерист и старший механик, оба пожилые люди, выбежав наверх и увидав положение клипера, бросились в свои каюты и стали прятать в карманы деньги и ценные вещи. У обоих у них семьи в Кронштадте... Оба они отказывали себе во всём, редко съезжали на берег, чтобы не тратиться и кое-что скопить в плаванье для близких. Наполнив карманы и как будто сделав самое главное дело, они вернулись наверх и только тогда, казалось, сознали, что не спасти им ни скопленных денег, ни ценных вещей и что семьи их осиротеют. И они с каким-то диким ужасом в глазах озирались вокруг, машинально в то же время ощупывая карманы.

<...>

...офицеры, сбившиеся в кучу на шканцах, и матросы, толпившиеся у грот-мачты, то и дело взглядывали на капитана.

И взгляды эти точно говорили: «Спаси нас!»

V

Словно затравленный волк, бледный и озлобленный, с горящими глазами, всё ещё не теряя самообладания, капитан, точно приросший к мостику, жадно и сердито озирался вокруг, ища спасения людей и клипера. Казалось, он чувствовал эти взгляды, полные мольбы и укора, устремлённые на него, и мысль, что он виноват в гибели, снова пронеслась в его голове, заставив болезненно дрогнуть мускулы его напряжённого, страшно серьёзного в эту минуту лица. Спасения, казалось, не было. Прошло не более минуты, как клипер понёсся на гряде, и капитан, переживший в эту минуту целую вечность, к ужасу своему, не находил исхода... Ещё десяток минут, и клипер вскочит на камни, и там общая смерть...

Но вдруг глаза его впелись в небольшой заливчик, вдавшийся в берег справа, впелись и блеснули радостным блеском, озарив всё его лицо. И в то же мгновение он крикнул в рупор громким, уверенным и повелительным голосом:

— Паруса ставить! <...>

Этот уверенный голос пробудил во всех какую-то смутную надежду, хотя никто и не понимал пока, к чему ставятся паруса.

Только старый штурман, уже приготовившийся к смерти и по-прежнему спокойно стоявший у компаса, весь встрепенулся и с восторженным удивлением взглянул на капитана.

«Молодчага! Выручил!» — подумал он, любуясь, как старый морской волк, находчивостью капитана и догадавшись, в чём дело.

И штурман снова оживился и стал смотреть в бинокль на этот самый заливчик, почти закрытый возвышенными берегами.

— Я выбрасываюсь на берег! — отрывисто, резко и радостно проговорил капитан, обращаясь к старшему офицеру и к старшему штурману. — Кажется, там чисто... Камней нет? — прибавил он, указывая закостеневшей рукой, красной, как говядина, на заливчик, омывающий лоцинку.

— Не должно быть! — отвечал старый штурман.

— А как глубина у берега?

— По карте двадцать фута.

— И отлично... В полветра лигом долетим...

— Как бы в эдакий шторм не сломало мачт! — вставил старший офицер.

— Есть о чём говорить теперь, — небрежно кинул капитан и, подняв голову, крикнул в рупор: — Живо, живо, молодцы!

<...>

Наконец минут через восемь, во время которых клипер приблизился к бурунам настолько близко, что можно было видеть простым глазом черневшие по временам высокие камни, паруса были поставлены, и «Ястреб», с марсельями в четыре рифа и под стакселем³⁸, снова, как послушный конь на доброй узде, бросился к ветру и, накренившись, почти чертя воду бортом, понёсся теперь к берегу, оставив влево за собой страшную пенящуюся ленту бурунов.

Все перекрестились. Надежда на спасение засветилась на всех лицах, и боцман Егор Митрич уж ругался с прежним оду-

³⁸ Стаксель — треугольный парус.

шевлением за невытянутый шкот³⁹ у стакселя и с заботливой тревогой поглядывал наверх, на гнувшиеся мачты.

<...>

Паруса затрепыхались, и «Ястреб» со всего разбега выскочил носом в устье ложины, глубоко врезавшись всем своим корпусом в мягкий песчаный грунт.

Все, как один человек, невольно обнажили головы.

VI

— Спасибо, ребята, молодцами работали!.. — говорил капитан, обходя команду.

— Рады стараться, вашескорodie! — радостно отвечали матросы.

— За вас вечно будем бога молить! — слышались голоса.

Капитан приказал выдать людям по две чарки водки и скорей варить им горячую пищу. Вслед за тем он вместе с старшим офицером спустился вниз осматривать повреждения клипера. Повреждений оказалось не особенно много, и воды в трюме почти не было. Только при ударе тронуло машину да своротило калбуз.

— А молодец «Ястреб», крепкое судно, Николай Николаич.

— Доброе судно! — любовно отвечал старший офицер.

— Сегодня пусть отдохнёт команда, да и здесь стоять нам хорошо... шторм нас не беспокоит, — продолжал капитан, — а с завтрашнего утра станем помаленьку выгружать тяжести и провизию и ещё вытянем подальше клипер, чтобы спокойнее зимовать и не бояться ледохода...

— Есть, — проговорил старший офицер.

— Провизию у нас ведь довольно до весны?

— На шесть месяцев...

— И, значит, отлично прозимует в этой дыре, — заметил капитан, поднимаясь из машины.

<...>

Весной за клипером пришёл сам «беспокойный адмирал» на корвете «Резвый» и отдал в приказе благодарность капитану за его находчивость и мужество, «с какими он спас в критические минуты экипаж и вверенное ему судно». Через несколько дней «Ястреб» был приведён на буксире в Тонконг и, починившись в доке, через месяц, по-прежнему стройный, красивый и изящный, плыл к берегам Австралии.

Вопросы и задания:

1. Познакомьтесь с содержанием рассказа «Из-за пустьков» (1881) и повести «Вокруг света на “Коршуне”» (1895) К. М. Станюковича. В каком контексте возникает упоминание о Сахалине в этих произведениях? С чем ассоциируется Сахалин в представлении героев Станюковича?

2. В образе кого из героев рассказа «Ужасный день» можно увидеть свойственные К. М. Станюковичу черты?

3. Какими эпитетами характеризуется Сахалин героями К. М. Станюковича? Чему противопоставляется Сахалин и почему весь экипаж корабля «Ястреб» как можно скорее хочет покинуть остров?

4. А. Я. Максимов в рассказе «Поп Симеон. Быль об одном забытом подвиге» так описывает Сахалин и его суровую природу: «Среди вскипевшего моря остров Сахалин тянется длиною, мрачною полосой, вздымаясь почти отвесной стеной над пенящимся прибоем. Хлопья снега лежат в виде причудливых шапок, на вершинах отвесных скал и кекур⁴⁰, придавая общей картине необыкновенно суровый колорит. Таинственный, девственный лес раскинулся почти по всему острову, покрывая щетинистою одеждой все склоны и вершины малоизведанных холмов; безмолвный и мрачный, он угнетает своею безжизненностью: ни звука, ни шороха». Однако при описании поста Дуэ А. Я. Максимов использует такие эпитеты, как «неприветливый», «мёртвый», «холодный», «пустынным» и «безжизненным». Совпадает ли эта позиция писателя с тем, каким видят остров герои рассказа «Ужасный день» К. М. Станюковича?

5. В 1857–1860 годах в порту Дуэ оказался врач и писатель А. В. Вышеславцев (1831–1888), впоследствии издавший «Очерки пером и карандашом из кругосветного плавания в 1857, 1858, 1859 и 1860 годах» (1862). В «Очерках...», нередко сравниваемых с «Фрегатом “Палладой”» И. А. Гончарова, Сахалин назван «сокровищницей» Дальнего Востока. А как описан порт Дуэ в очерках Вышеславцева? Наблюдается ли у Вышеславцева присутствие негативных эпитетов и названий как для порта Дуэ, так и для всего Сахалина в целом?

Литература:

Вильчинский, В. П. Константин Михайлович Станюкович /

³⁹ Шкот — снасть для оттягивания углов у паруса.

⁴⁰ Кекур — столбовидная или конусообразная скала в реках, морях или берегах.

В. П. Вильчинский. — М. ; Л., 1963 ; Вильчинский, В. П. Русские писатели-маринисты / В. П. Вильчинский. — М. ; Л., 1966 ; Волков, В. П. Романы Станюковича 1870-х годов / В. П. Волков. — Л., 1963 ; Крившенко, С. Ф. Берег отечества / С. Ф. Крившенко. — М., 1988 ; Крившенко, С. Ф. Дорогами землепроходцев / С. Ф. Крившенко. — Хабаровск, 1984 ; Лозовик, Г. Ф. К. М. Станюкович / Г. Ф. Лозовик. — Симферополь, 1953 ; Максимов, С. В. Литературные путешествия / С. В. Максимов. — М., 1986 ; Свиридова, З. И. Станюкович К. М. / З. И. Свиридова. — М., 1955 ; Станюкович, К. М. Избранные произведения / К. М. Станюкович ; вступ. ст. и прим. В. Вильчинского. — Л., 1954 ; Степанов, А. И. Русский берег / А. И. Степанов. — Владивосток, 1976 ; и др.

§ 7. РАССКАЗ ВЛАДИМИРА КОРОЛЕНКО «СОКОЛИНЕЦ»

1. Биографические сведения о писателе

Владимир Галактионович Короленко (1853—1921) — известный русский прозаик и публицист. Он родился в семье уездного судьи, старинный род которого происходил от украинских казаков. Когда будущему писателю исполнилось 15 лет, умер его отец. Многодетная семья Короленко, в которой было четверо детей, оказалась в отчаянном положении. Мать писателя, полька Эвелина Иосифовна, воспитывала своих трёх сыновей и дочь на мизерное пособие.

В школьные годы Короленко учился в польском пансионе, затем в Житомире, а позже окончил Ровенскую реальную гимназию. На фоне скучных уроков и распространённой в то время слежки надзирателей и инспекторов за учениками единственным светлым воспоминанием стали занятия русским языком и литературой. Русская и украинская культура определили мировоззрение будущего писателя.

В 1871 году, окончив гимназию с серебряной медалью, Короленко поступает в Петербургский технологический институт. Однако недостаток денег вынуждает его оставить учёбу. Захваченный народническими идеями, он попадает в поле зрения полиции, а после предъявленного обвинения проводит шесть лет в тюрьмах и ссылках. Отбывая наказание за свою политическую деятельность в Сибири, он занимается крестьянским трудом, шьёт сапоги, общается с людьми, живущими в суровом крае. Именно там формируется писательское мастерство Короленко. В своих записных книжках и дневниках он делает заметки о знакомстве с интересными людьми и произошедшими с ними историями, впоследствии составившими сюжеты его многочисленных очерков, рассказов и повестей.

2. История создания рассказа и его композиция

Рассказ Короленко «Соколинец» написан и опубликован в 1885 году в журнале «Северный вестник». В основе этого произведения лежат события, поведанные писателю одним якутским поселенцем, который когда-то совершил побег с каторжного Сахалина (в просторечии называемого арестантами Соколиным островом). После издания рассказ имел большой успех: его высоко оценил **Антон Павлович Чехов** (1860—1904),

назвавший «Соколинца» «самым выдающимся произведением последнего времени» и отметивший его необычную музыкальную композицию.

«Соколинец» состоит из девяти небольших глав и представляет собой так называемый «рассказ в рассказе». Главный герой книги, бродяга Василий, делится сокровенной тайной своего спасения от каторги — бегством с неё. В образе повествователя — молодого политического ссыльного в Якутии — узнаются черты самого автора. **Валентин Петрович Катаев** (1897—1986), вслед за Чеховым размышлявший о сложной внутренней композиции произведения, описывал развитие событий в рассказе следующим образом: «Вначале явственно звучит мелодия народная, русская, с её тоской и удалью. Зачин рассказа “соколинца” — как в народных песнях о добром молодце, который “ослушался родителей”, и о его разбитой жизни. История о прибытии партии арестантов на Сахалин, о созревшем решении бежать даётся вначале в литературном пересказе. Потом, в рассказе о побеге, “инструментовка” повествования меняется. Голос “соколинца” словно окреп, звучит сам, без посредников. Короленко искусно передаёт все оттенки речи человека бывалого, решительного, до конца привязанного памятью к родным краям и способного на безоглядную дерзость в своём стремлении к свободе».

Старательно выстроенная композиция рассказа наглядно воспроизводит процесс осознания главным героем истории своей жизни, полной не только собственной горести и страданий, но и отравленной насилием над другими людьми. Особенно проникновенно это описывается Короленко в сцене убийства беглыми каторжанами нескольких солдат из кордона⁴¹ — заградительного отряда, охранявшего побережье острова.

3. Главные герои рассказа

Герои рассказа Короленко — каторжники, оказавшиеся на Сахалине и решившиеся на побег с острова. В галерее типичных персонажей того времени писатель выделяет, прежде всего, Василия и много повидавшего на своём пути старика Бурана.

Прозвище Василия «соколинец» связывается с образом сокола — вольной и смелой птицей, способной в исключительных обстоятельствах проявить свой хищный нрав. В героях рассказа Короленко также уживаются свойственные гордой птице природ-

ные склонности. Каторжане не только свободолюбивы, но и жестоки. Об этом свидетельствует и ночная казнь «отступников» на пароходе, и кровавая расправа с солдатами из кордона.

Ещё один важный персонаж «Соколинца» — старик Буран, дважды совершавший побег с Сахалина. Именно он соглашается сопровождать новую партию беглецов. В последний момент перед побегом старик пытается отказаться от задуманного, но законы арестантского мира понуждают его вновь идти на отчаянный поступок. Буран готов расстаться с жизнью в любой момент, чем вернуться к жалкому существованию в серых халатах и кандалах на далёком от родных мест острове.

Не менее значимые персонажи рассказа Короленко — коренные жители Сахалина, гиляки (современный вариант — нивхи). Живущие в единении с природой, лишённые благ цивилизации, они разделяют страстное желание арестантов к побегу. Оркун и его соплеменники без страха вступают в контакт с каторжанами, бескорыстно предлагая им свои лодки.

В приводимых ниже фрагментах рассказа говорится о прибытии партии арестантов на остров и о совершённом побеге с него.

СОКОЛИНЕЦ

Из рассказов о бродягах

III

В летнюю ночь 187 года пароход «Нижний Новгород» плыл по водам Японского моря, оставляя за собой в синем воздухе длинный хвост чёрного дыма. Горный берег Приморской области уже синел слева в серебристо-сизом тумане; справа в бесконечную даль уходили волны Лаперузова пролива. Пароход держал курс на Сахалин, но скалистых берегов дикого острова ещё не было видно.*

На пароходе всё было спокойно и тихо. На рубке виднелись освещённые луной фигуры лоцманов и дежурных офицеров. Огни из люков трепетали, отражаясь на тёмной поверхности океана.

«Нижний Новгород» шёл с «грузом арестантов», назначенных на Сахалин. Морские уставы вообще очень строги, а на корабле с подобным грузом они ещё строже. Днём арестанты поменно гуляли по палубе, оцеплённые крепким караулом. Остальное время они проводили в своих помещениях под палубой.

<...> Вся жизнь серых пассажиров парохода проходит на виду, за этою решёткой. Стоит ли над морем яркое тропическое солнце, свистит ли ветер, скрипят и гнутся снасти, ударит ли волной непогода, разыграется ли грозная буря и па-

⁴¹ Кордон — растянутое расположение войск; небольшой отряд.

роход весь застонет под ударами шторма, — здесь, всё так же взаперти, прислушиваются к забыванию ветра сотни людей, которым нет дела до того, что происходит там, наверху, и куда несётся их плавучая тюрьма.

Арестантов гораздо больше на пароходе, чем конвоя, но зато каждый шаг, каждое движение серой толпы введены твёрдой рукой в заранее намеченную железную колею, и экипаж обеспечен против всякой возможности бунта.

Впрочем, здесь принято во внимание всё, даже и невероятное: если бы в толпе прорвался ожесточённый разъярившийся зверь и она в отчаянии стала бы кидаться на явную опасность, если бы выстрелы сквозь решётку не оказали действия и зверь грозил бы сломать свою железную клетку, — тогда в руках командира оставалось бы ещё одно могучее средство. Ему стоило только крикнуть в машинное отделение несколько слов:

— Рычаг такой-то... отдать!

— Есть! — и вслед за этим ответом в арестантское помещение были бы пущены из машины струи горячего пара, точно в щель с тараканами. Это страшное средство предотвращало всякую возможность общего бесчинства со стороны серого населения пароходного трюма.

<...>

IV

Обогнув высокий мыс, пароход вошёл в залив. Арестанты толпились у люков и с тревожным любопытством смотрели на горные высокие берега острова, всё выраставшие среди сумрака приближавшегося вечера.

Тёмною ночью подошёл пароход к порту. Очертания берега надвинулись и встали чёрною громадой. Пароход остановился, команда выстроилась; стали выводить арестантов.

На берегу в темноте виднелись кое-где огни; море плескалось в берег, на небе висели тучи, а на сердце у всех такая же тёмная, такая же мрачная нависла тоска.

— Порт это, — тихо говорил Буран, — Дуя* называемый. Тут на первое время в казармах жить придётся.

После проверки в присутствии местного начальства вывели партию на берег. Проведя несколько месяцев на море, арестанты впервые чувствовали под ногами твёрдую почву. Пароход, на котором они прожили столько времени, покачивался в

* Порт Дуэ на западном берегу Сахалина (прим. В. Г. Короленко).

темноте и вздыхал среди ночи клубами белого пара.

Впереди задвигались огни. Послышались голоса:

— Партия, что ли?

— Партия.

— Ступай сюда, в седьмую казарму!

Арестанты двинулись на огонь. Шли вразброд, в беспорядке, и всех поражало то обстоятельство, что сбоку никто не толкает их прикладами.

— Братицы, — слышались удивлённые голоса, — никак, караулу-то с нами нету?

— Молчи! — угрюмо проворчал в ответ на это Буран. — Зачем тебе здесь караул? Чёбось и без караулу не убежишь. Остров этот большой да дикой. В любом месте с голоду поколеешь. А кругом острова море. Не слышишь, что ли?

Действительно, среди влажной ночи подымался ветер; огни фонарей неровно мерцали под его порывами, и глухой гул моря доносился с берега, точно рёв просыпающегося зверя.

— Слышь, как реёт? — обратился Буран к Василию. — Вот оно: кругом-то вода, посередке беда... Беспременно море переплыть надо, да ещё до переправы островом сколько идти придётся... Тольцы, да тайга, да кордоны!.. Ча сердце у меня что-то плохо; нехорошо море-то говорит, неблагоприятно. Не избыть мне, видно, Соколиного острова, не избыть будет — стар! Два раза бегал; раз в Благовещенске, другой-то раз в Расее поймали, — опять сюда... Видно, судьба мне на острову помереть.

<...>

...на следующий день, когда <...> стали снаряжать рабочих на мельницу, они стали в число выкликаемых. В тот же день с постройки все они ушли в кусты. Не было только Бурана.

Отряд подобрался удачно. С Васильем пошёл его приятель, который «по бродяжеству» носил кличку Володьки, Макаров, силач и хват, безавиший два раза с Кары, два черкеса, народ решительный и незаменимый в отношении товарищеской верности, один татарин, плут и проныра, но зато изобретательный и в высшей степени ловкий. Остальные были тоже бродяги, искусившиеся в путешествиях по Сибири.

Артель⁴² просидела в кустах уже день, переночевала, и другой день клонился к вечеру, а Бурана всё не было. Послали татарина в казарму; пробравшись туда тихонько, он вызвал

⁴² Артель — здесь объединение с целью бегства с острова.

старого арестанта Боброва, приятеля Василья, имевшего в среде арестантов вес и влияние. На следующее утро Бобров пришёл в кусты к беглецам.

<...>

Со времени прибытия партии на остров прошло тринадцать дней.

На следующее утро Бобров доставил Бурана в кусты вместе с запасом. Беглецы «стали на молитву», отслужили нечто вроде молебна на этот случай по особому арестантскому уставу, попрощались с Бобровым и двинулись в дорогу.

V

<...> Как изошли из кустов да тайга-матушка над нами зашумела <...> таково всем радостно стало. Один только Буран идёт себе впереди, голову повесил, что-то про себя бормочет. Невесело вышел старик. Муяло, видно, Бураново сердце, что не далеко уйти ему.

Видим мы с первого разу, что командер у нас не очень надёжный. Он хоть бродяга опытный и даже с Соколиного острова два раза бегал, да и дорогу, видно, знает: идёт, знай, покачивается, по сторонам не глядит, ровно собака по следу, — ну, а всё же нас с Володькой, с приятелем, сомнение берёт.

<...>

Вот вошли мы в тайгу, а на ту пору шли мы падью по речке; по одну сторону горы и по другую тоже горы, лиственью поросли густо. С весны с самой по Соколиному острову туманы тёплые ходят, и в тот день с утра тоже туман был. А как взобрались мы на гору да прошли малое место верхами, —дохнул из пади ветер, туман, как нарочно, в море и ушло. Смотрим мы: внизу за горкой кордон, как на ладонке, солдаты по двору ходят, собаки лежат, дремлют. Все мы тут ахнули: ведь без малого волку в пасть свою охотой не полезли.

— Как же, говорим, дядя Буран. Ведь это кордон.

— Кордон, — отвечает Буран. — Самые это Варки.

— Ну, — говорим мы ему, — уж ты, дядя, не прореквайся: хоть ты и старше нас всех, однако, видно, нам самим о себе промышлять надо. С тобой как раз беды наживешь.

Заплакал старик.

— Братцы! — говорит, — стар я, простите ради Христа. Сорок лет хожу, весь исходился, видно, память временами отшибать стало: кое помню, а кое вовсе забыл. Не взыщите! Надо теперь поскорей уходить отсюда: не дай бог, за ягодой кто к кордону пойдёт или ветер бродяжьим духом на собаку пахнет — беда будет.

Пошли мы дальше. Дорогой поговорили меж собой и все так

порешили, чтобы за Бураном смотреть. Меня ребята выбрали вожатым; мне, значит, привалами распорядиться, порядки давать; ну, а Бурану всё же впереди идти, потому что он с дороги-то не сбивается. Ноги у бродяги привычные: весь изомрёт, а ноги-то всё живы, — идёт себе, с ноги на ногу переваливается. Плак ведь до самой смерти все старик шёл.

Или мы большие горами; оно хоть труднее, да зато безопаснее: на горах-то только тайга шумит да ручьи бегут, по камню играют. Житель, гиляк⁴³, в долинах живёт, у рек да у моря, потому что питается рыбой, которая рыба в реки ихние с моря заходит, кыта называемая. И столь этой рыбы много, так это даже удивлению подобно. Кто не видал, поверить трудно: сами мы эту рыбу руками добывали.

Плак всё и идём, нос-то по ветру держим. Где этак безопаснее, к морю аль к речке спустился, а чуть малость сомневаться станем, сейчас опять на верхи. Кордоны-то обходим со всякою осторожностью, а кордоны-то стоят разное: где двадцать вёрст расстояние, а где и все пятьдесят. Угадать никак невозможно. Ну, всё же как-то нас бог милловал, обходили все кордоны благополучно, вплоть до последнего...

VI

<...>

...Или мы уже двенадцать дён⁴⁴ и всё ещё с Соколиного острова не вышли, а по-настоящему надо бы на восьмой день уже на амурскую сторону перебраться. И всё потому, что опасаемся, на командера своего надежды не имеем. Где бы ровным местом идти, берегом, а мы по верхам рыщем, по оврагам, по гольцам, да тайгой, да по бурелому... Много ли тут уйдёшь? Вот и стала у нас провизия кончатся, потому что всего на двенадцать дён и запасали. Стали мы поначалу порции уменьшать; сухарей понемногу отпускали, и промышляй всяк для своей утробы как знаешь: ягоды-то по тайге много. И пришли мы таким родом к заливчику, лиман называемый. Вода в том заливчике солёная, а как припрёт ину пору с Амуру, то и пресная бывает. Вот хорошо: надо в этом месте лодки добывать, на амурскую сторону переправу иметь.

Стали мы тут думать-гадать: где нам взять лодки? При-

⁴³ Гиляки — современный вариант «нивхи». В настоящее время слово считается устаревшим.

⁴⁴ Дён — устаревшая разговорная форма родительного падежа слова «день» во множественном числе.

ступили к Бурану: советуй! А Буран-старик притомился у нас вовсе: глаза потускли, осунулся весь и никакого совету не знает. «У гиляков, говорит, лодки добывать надо», а где они, гиляки эти, и какими, например, способом лодки у них получить, этого не объясняет.

Вот и говорим мы с Володькой ребятами: «Погодите-ка вы здесь, а уж мы по берегу пойдём, может, на гиляков наткнёмся: как-нибудь лодку ли, две ли промыслим. А вы тут, ребята, смотрите, ходите с опаской, потому что кордон, надо быть, поблизости находится».

Остались ребята, а мы втроём пошли по берегу. Шли-шли, вышли на утёсик, глядим, а внизу, над речкой, гиляк стоит, снасть чинит. Бог нам его, Оркуна этого, послал.

<...>

...стали с ним разговаривать. Володька взял в руки палочку и начертил на земле лодку; значит: вот нам от тебя какой предмет требуется! Гиляк сообразил сразу; замотал головой и начинает нам пальцы казать: то два покажет, то пять, то все десять. Не могли мы долго в толк взять, что такое он показывает, а потом Макаров догадался:

— Братцы, говорит, да ведь это ему надо знать, сколько нас, какую лодку готовить.

— Верно! — говорим и показываем гиляку, что, мол, двенадцать нас всех человек. Замотал головой, — понял.

Потом велит себя к остальным товарищам вести. Взяло нас тут маленько раздумье, да что станешь делать? Плешком по морю не пойдёшь! Привели.

Возроптали на нас товарищи: «Это вы, мол, зачем гиляка сюда-то притащили? Казать ему нас, что ли?..» — «Молчите, говорим, мы с ним дело делаем». А гиляк ничего, ходит меж нас, ничего не опасается; знай себе халаты пощупывает.

Отдали мы ему запасные халаты, он их ремнём перевязал, вскинул на плечи и пошёл себе вниз. Мы, конечно, за ним. А внизу-то, смотрим, юртёнки гиляцкие стоят, вроде как бы деревушка.

— Что ж теперь? — сумлеваются ребята. — Ведь он в деревню пошёл, народ сгонять станет!..

— Ну, так что ж, — говорим мы им. — Их всего-то четыре юрты — много ли тут народу наберётся? А ведь нас двенадцать человек, ножи у нас по три четверти аршина, хороши. Да и где же гиляку с русским человеком силой равняться? Русский человек — хлебной, а он рыбу одну жрёт. С рыбы-то много ли он силы наест? Куда им!

Ну, всё-таки, надо правду говорить, маленько и у меня по

сердцу скребнуло: не было бы какого худа. Вот, мол, и край Соколиного острова стоим, а приведёт ли бог на амурской-то стороне побывать? А амурская-то сторона за проливом край неба горали синееет. Так бы, кажись, птицей снялся да полетел. Да, вишь, локоть и близок, а укусить — не укусишь!..

Вот хорошо. Подождали мы маленько, смотрили, идут к нам гиляки гурьбой. Оркун впереди, и в руках у них копьё. «Вот видите, — ребята говорят, — гиляки биться идут!» — Ну, мол, что будет... Готовь, ребята, ножи. Смотрите: живьём никому не сдаваться, и живого или в руки никого не давать. Кого убьют, делать нечего — значит, судьба! А в ком дух остался, за того стоять. Либо всем уйти, либо всем живым не быть. Стой, говорю, ребята, крепче!

Однако на гиляков мы это подумали напрасно. Увидел Оркун, что мы сумлеваемся, обобрал у своих копьё, одному на руки сдал, а с остальными к нам идёт без оружия. Тут уж и мы увидали, конечно, что у гиляков дело на чести, и пошли с ними к тому месту, где у них лодки были спрятаны. Выволокли они нам две лодки: одна побольше, другая поменьше. В большую Оркун приказывает восьмерым садиться, в маленькую — остальными.

Вот мы, значит, и с лодками стали, а только переправляться-то сразу нельзя. Повеял с амурской стороны ветер, волна по проливу пошла крупная, прибой так в берег и хлещет. Чикак нам в этих лодочках по этой погоде переехать невозможно.

И пришлось нам из-за ветру прожить на берегу ещё два дня. Припасы-то между тем все прикончились, ягодой только брюхо набиваем, да ещё Оркун, спасибо ему, четыре юколы дал — рыба у них такая. Так вот юколой этой ещё сколько-нибудь питались. Честных правил, отличный гиляк был, дай ему, господи! И по сию пору о нём вспоминаю.

День прошёл, все мы на берегу томились. И до чего досадно было, так и сказать невозможно. Ночь переночевали, на другой день — всё ветер. Пуска донимает, просто терпеть нельзя. А амурская-то сторона из-под ветру-то ещё явственнее выступает, потому что туман с моря согнало. Буран наш как сел на утёсике, глазами на тот берег уставился, так и сидит. Не говорит ничего и ягод не собирает; сжалится кто над стариком, принесёт ему ягоды в шапке — ну он поест, а сам ни с места. Загорелось у старика бродяжье сердце. А может, и то: смерть свою увидал... Бывает!..

Наконец всем уже невтерпёж стало, и стали ребята говорить: ночью как-никак едем! Днём невозможно, потому что

кордонные могут увидеть, ну, а ночью-то от людей безопасно, а бог авось помилует, не потопит. А ветер-то всё гуляет по проливу волна так и ходит; белые зайцы по гребню играют, старички (птица такая вроде чайки) над морем летают, криком кричат, ровно черти. Каменный берег весь стоном стонет, море на берег лезет.

– Давайте, говорю, ребята, спать ляжем. Луна с полночи взойдёт, тогда что бог даст, поплывём. Спать уж тогда немало придётся, надо теперь силы наспать.

Послушались ребята, легли. Выбрали мы место на высоком берегу, близ утёсу. Снизу-то, от моря, нас и не видно: деревья кроют. Один Буран не ложится: всё в западную сторону глядит. Легли мы, солнце-то ещё только-только склоняться стало, до ночи далеко. Перекрестился я, послушал, как земля стонет, как тайгу ветер качает, да и заснул.

Спили себе, беды и не чаем.

Долго ли, коротко ли спали, только слышу я: Буран меня окликает. Проснулся от сна, гляжу: солнце-то садиться хочет, море утихло, морюки над берегом залегают. Надо мною Буран стоит, глаза у него дикие.

– Вставай, говорит, пришли уж... по душу, говорит, пришли!.. – рукой этак в кусты показывает.

Вскочил я тут на ноги, гляжу: в кустах солдаты...

Один, поближе, из ружья целится, другой, подальше, подбегает, а с горки этак ещё трое спускаются, ружья поднимают. Мигом сон с меня соскочил; крикнул я тут громким голосом, и поднялись ребята сразу все, как один. Только успел первый солдат выстрелить, мы уж на них набежали...

Тлухое волнение сдавило голос рассказчика; он понурил голову. Вюрте стояла полутьма, так как бродяга забыл подкладывать поленья.

– Не надо бы рассказывать, – сказал он тоном, в котором слышалось что-то вроде просьбы.

– Нет уж, всё равно, кончайте! Что же дальше?

– А дальше... да что уж тут... сами подумайте: ведь их всего-то пять человек, а нас двенадцать. Да ещё думали они нас сонных накрыть, всё равно как тетеревей, а вместо того мы им и оглянуться-то и собраться в кучу не дали... Чужи у нас длинные...

Выстрелили они по разу наспех – промахнулись. Бегут с горки, и удержаться-то трудно. Сбежит вниз, а тут внизу мы его и принимаем...

– Верите вы? – как-то жалостливо проговорил рассказчик, поднимая на меня глаза с выражением тоски, – и оборониться-

то они нисколько не умели: со штыками этак, как от собак, отмахиваются, а мы на них, мы на них, как лютые волки!..

Плхнул один солдат штыком меня в ногу, оцарапал только, да я споткнулся, упал... Он на меня. Сверху ещё Макаров навалился... Слышу: бежит по мне кровь... Мы-то с Макаровым встали, а солдатик остался...

Поднялся я на ноги, гляжу – последние двое на пригорок убежали. Впереди-то Салтанов, начальник кордона, лихой, далеко про него слышно было; гильяки – и те его пуце шайтана⁴⁵ боялись, а уж из нашего-то брата не один от него смерть себе получил. Ну, на этот раз не пришлось... Сам себя потерял...

Было у нас два черкеса, проворны, как кошки, и храбрость имели большую. Кинулся один к Салтанову навстречу, в половине пригорка сошлись. Салтанов в него из револьвера выпалил; черкес нагнулся, оба упали. А другой-то черкес подумал, что товарищ у него убит. Как бросится туда же... Оглянуться мы не успели, он уж Салтанову голову напрочь ножом отмахнул.

<...>

И солдатик последний на пригорке стоит, остановился. Потом ружьё бросил, закрыл лицо руками и убежал. Мы и не гонимся: беги, бог с тобой! Один он, бедняга, на всём кордоне остался, потому что было двадцать человек. Тринадцать на амурскую сторону за провизией поехали, да из-за ветру не успели ещё вернуться, а шестерых мы уложили.

Кончилось всё, а мы испугались, никак сообразиться не можем, друг на друга глядим: что же, мол, это такое – во сне али вправду? Только вдруг слышим: сзади, на том месте, где спали мы, под деревом, Буран у нас стонет...

А Бурана нашего первый солдат из ружья убил. Не вовсе убил, – помаялся старик ещё малое время, да недолго. Пока солнце за гору село, из старика и дух вон. Страсть было жалко!..

Подошли мы к нему, видим: сидит старик под кедрой, рукой грудь зажимает, на глазах слёзы. Поманил меня к себе. «Вели, говорит, ребятам могилу мне вырыть. Всё одно вам сейчас плыть нельзя, надо ночи дожждаться, а то как бы с остальными солдатами в проливе не встретиться. Так уж похороните вы меня, ради Христа».

– Что ты, что ты, дядя Буран! – говорю ему. – Чешто живому человеку могилу роют? Мы тебя на амурскую сторону

⁴⁵ Шайтан – тёмный дух, мифическое существо.

свезём, там на руках понесём... Бог с тобой.

— Нет уж, братец, — отвечает старик, — против своей судьбы не пойдёшь, а уж мне судьба лежать на этом острове, видно. Так пусть уж... чуяло сердце... Вот всю-то жизнь, почитай, всё из Сибири в Расею рвался, а теперь хоть бы на сибирской земле помереть, а не на этом острове проклятом...

Плодился я тут на Бурана — совсем не тот старик стал: говорит как следует, в полной памяти, глаза у него ясные, только голос слабый. Собрал нас всех вокруг себя и стал наставлять.

— Слушайте, говорит, ребята, что я стану рассказывать да запоминайте хорошенько. Придётся теперь вам без меня по Сибири идти, а мне здесь оставаться. Дело ваше теперь очень опасно — пуще всего, что Салтанова убили. Слух теперь пройдёт об этом деле далеко: не то что в Иркутске, в Расее об этом деле узнают. Станут вас в Николаевском сторожить. Смотри, ребята, идите опасно; голод, холод терпите, а уж в деревни-то заходите поменьше, города обходите подалее. Гиляки и гольды⁴⁶ не бойтесь — эти вас не тронут. Чу, теперь замечайте хорошенько, стану вам про дорогу по амурской стороне рассказывать. Будет тут перед Николаевским городом заишка, в той заишке наш благодетель живёт, приказчик купца Парханова. Торговал он раньше на Соколином острове с гиляками, заехал с товарами в горы, да и сбился с дороги, заблудился. А с гиляками у него нелады были, ссора. Увидели они, что забрался он в глухое место, и застукали его в овраге; совсем было убили, да как раз на ту пору шли мы самым тем оврагом, соколинские бродяжки... В первый раз ещё тогда я с Соколина уходил. Вот слышали мы, что русский человек в тайге голосом голосит, кинулись в овраг и приказчика от гиляков избавили; с тех самых пор он нашу добродетель помнит. «Должен я, говорит, по гроб моей жизни соколинских ребят наблюдать...». И действительно, с тех пор нашим от него всякое довольствие идёт. Разыщите его — счастливы будете и всякую помощь получите».

Вот рассказал нам старик все дороги, наставления дал, а потом говорит:

— Теперь, — говорит, — ребята, вам времени-то терять незачем. Прикажи-ка, Василий, на этом месте домовину мне вырыть, потому что место хорошее. Пусть хоть ветер

с амурской стороны долетает, да море оттуда плещет. Не мешкайте, полно, ребята! Принимайтесь за работу живее!

Послушались мы.

Шут старик под кедрой сидит, а тут мы ему могилу роём; вырыли могилу ножами, помолились богу, старик уж у нас молчит, только головой качает, слёзно плачет. Село солнце, старик у нас помер. Стемнело, мы уж и яму сровняли.

Как выплыли мы на середину пролива, луна на небо взошла, посветлело.

Оглянулись все, сняли шапки... За нами, сзади, Соколиный остров горами высится, на утёсике-то Буранова кедр стоит...

Вопросы и задания:

1. В чём проявляется особая музыкальность, по словам А. П. Чехова, рассказа В. Г. Короленко?
2. Чему противопоставляется Соколиный остров в рассказе В. Г. Короленко «Соколинец»?
3. Осознаёт ли Василий, что, решившись на бегство с острова, герой совершает новое преступление?
4. Почему гиляки из рассказа В. Г. Короленко «Соколинец» активно помогают беглым арестантам? Обратите внимание, что В. Г. Короленко, как и А. П. Чехов, использует уже устаревшее (а иногда и обладающее уничижительным характером) для современного русского языка слово «гиляк».
5. Какие фольклорные образы представлены в рассказе? Как часто в поговорках или пословицах возникают образы родных мест и мест далёких?

Литература:

В. Г. Короленко : монография / Г. А. Бялый. — М., 1983 ; В. Г. Короленко в воспоминаниях современников. — М., 1962 ; Азадовский, М. К. Якутия в творчестве Короленко / М. К. Азадовский // В. Г. Короленко в Амгинской ссылке (Материалы для биографии). — Якутск, 1947. — С. 5—25 ; Гущина-Закирова, Н. Н., Труханенко, А. В. Этюды о жизни и творчестве В. Г. Короленко. — Львов, 2009 ; Закирова, Н. Н. В. Г. Короленко и русская литература : семинарий. — Глазов, 2010 ; и др.

⁴⁶ Гольды — тунгусский народ, живущий в районе Амура.

§ 8. ИЗ ПУТЕВЫХ ЗАПИСОК АНТОНА ЧЕХОВА «ОСТРОВ САХАЛИН»

1. Идея поездки на Сахалин и её претворение

Поездка **Антон Павловича Чехова** (1860—1904) на Сахалин вызывает разнообразные споры в среде чеховедов. Многие исследователи полагают, что желание писателя посетить каторжный остров возникло внезапно и достаточно быстро реализовалось. Это доказывается в воспоминаниях брата писателя — **Михаила Павловича Чехова** (1865—1936), утверждавшего, что Чехов собрался «на Дальний Восток как-то вдруг неожиданно, так что в первое время трудно было понять, серьёзно ли он говорит об этом или шутит». И действительно, в самом начале 1890 года писатель улаживает в Петербурге связанные с предстоящей поездкой дела, изучает специальную литературу о каторге и уголовному праву, делает наброски своей новой книги. Другие специалисты по наследию и биографии Чехова полагают, что замысел поездки и его воплощение в жизнь были длительными и стали результатом многолетних раздумий и исканий. Факт предстоящего путешествия писателя обсуждался и в столичной печати, и в письмах Чехова к родственникам, и в разговорах с ближайшими знакомыми.

21 апреля 1890 года Чехов выехал из Москвы, в течение нескольких месяцев ему предстояло проделать огромный путь: проехать Сибирь и только потом увидеть Дальний Восток. От Москвы до Ярославля писатель добирался поездом, от Ярославля мимо Нижнего Новгорода и Казани до Перми и от Среднекамска до Сахалина — пароходом; остальные шесть тысяч километров — на лошадях. Время в пути от Москвы до Сахалина заняло у писателя восемьдесят дней.

Итогом знакомства с каторжным островом стали очерки «Из Сибири» (1890), рассказы «Гусев» (1890), «Бабы» (1891), «В ссылке» (1894), «Убийство» (1895), путевые записки «Остров Сахалин» (1895). Но главные результаты поездки состояли не в прямом отражении впечатлений от дальней дороги в литературном творчестве, а в перемене характера последующих произведений Чехова.

2. Чехов на Сахалине

Пребывание Чехова на Сахалине охватывает три месяца и два дня — с 11 июля по 13 октября 1890 года. Ранним утром в

середине лета писатель пересел с парохода «Байкал» на небольшой катер, который доставил его к берегам Сахалина, открывшегося для Чехова Александровской слободкой (в настоящее время на этом месте располагается город Александровск-Сахалинский). А осенью этого же года, попрощавшись со своими новыми знакомыми, писатель стал пассажиром парохода «Петербург», отбывавшего из поста Корсаковский во Владивосток.

За время своей сахалинской жизни Чехов побывал практически в каждом каторжном селении, продвигаясь по острову с севера на юг. Из шестидесяти пяти сахалинских поселений периода каторги писатель лично посетил около сорока населённых пунктов. Позже в книге «Остров Сахалин» он упомянул не менее пятидесяти мест.

С целью «познакомиться поближе с жизнью большинства ссыльных» Чехов составил около десяти тысяч карточек, в которые занесены данные о сахалинских поселенцах. В условиях сахалинского бездорожья проведение переписи за три месяца представляется тяжёлой (для одного человека) и кропотливой работой. Каждая из заполненных Чеховым карточек содержит важные сведения о конкретных людях, живших на Сахалине: место их рождения, возраст, звание, вероисповедание, род занятий, наличие образования и другие. Эти переписные листы стали для Чехова важным материалом при подготовке его рукописи о Сахалине. Большое значение чеховские карточки имеют и для современных филологов, изучающих процесс творческой работы писателя, и историков, воссоздающих портрет дореволюционного острова.

3. «Остров Сахалин»: история публикации, особенности жанра и объект описания

8 декабря 1890 года Чехов вернулся в Москву после восьмимесячного путешествия и начал плодотворно работать над содержанием своей книги о Сахалине. Почти через год он опубликовал одну из написанных глав, посвящённую беглым арестантам. В 1893—1894 годах книга Чехова печаталась в нескольких номерах журнала «Русская мысль», и только летом 1895 года «Остров Сахалин» Чехова вышел отдельным изданием.

Эта книга стала основным творческим результатом поездки писателя на каторгу и её изучения. В чеховском произведении, состоящем из двадцати трёх глав, просматривается хронологический принцип: повествование начинается с 5 июля 1890 года в Николаевске-на-Амуре. Однако прямая хронология строго не выдерживается автором, который завершает свою книгу описанием «болезненности и смертности ссыльного населения» на каторге.

Определение жанра книги, имеющей подзаголовок «из путевых записок», крайне сложно. В ней нашли своё место авторские размышления, научные наблюдения, зарисовки природы, специальные комментарии, лирические отступления и самостоятельные рассказы. Поэтому в художественном отношении «Остров Сахалин» сочетает в себе черты произведений разных жанров с преобладанием очеркового характера.

Основным объектом художественного исследования у Чехова выступили люди на каторжном острове. Это арестанты, ссыльно-поселенцы, крестьяне, чиновники, представители коренных народов Дальнего Востока — айны, нивхи, уйльта (в чеховской книге — гиляки и ороки соответственно) и многие другие. В центре внимания писателя — проблема личности каторжника, простого и во многом несчастного человека. В книге даются описания острова, условий жизни приговорённых к каторге и поселенцев, быта и нравов инородцев, видов принудительного труда и наказаний, состояния тюрем, больниц и школ.

В 1904 году в Ялте во время светской беседы Чехову задали вопрос: «...а почему вы ничего не написали по мотивам сахалинских впечатлений, кроме “Острова Сахалин” и “Гусева”?» В ответ Чехов произнёс небольшую шутку. А позже, отойдя к окну и ни к кому не обращаясь, вдруг произнёс: «А вы знаете, кажется всё просахалинено...». Это замечание Чехова позволяет предположить значимость сахалинской поездки для писателя, критически оценивающего своё творчество.

4. Память о Чехове на Сахалине

Имя Чехова, память о его книге являются неотъемлемой частью культурной, научной и общественной жизни современной Сахалинской области. На Сахалине действуют два музея, отражающие путешествие русского писателя: Александровск-Сахалинский историко-литературный музей «А. П. Чехов и Сахалин» (основан в 1896-м, открыт в 1990 году) и Литературно-художественный музей книги А. П. Чехова «Остров Сахалин» (основан в 1995 году). Именем Чехова назван Сахалинский областной драматический театр, на сцене которого в разные годы ставились и инсценировались чеховские произведения. В 1977 году в стенах театра состоялась премьера пьесы сахалинского писателя, поэта и драматурга **Михаила Петровича Финнова** (1937—1989) «На всю жизнь». В своей пьесе Финнов попытался раскрыть мотивы поездки Чехова на Сахалин.

Начиная с 1950-х годов, сахалинские учёные занимались исследованием творчества Чехова. Серьёзный вклад в чеховедение внёс **Марк Вениаминович Теплинский** — автор нескольких

книг о русском писателе и его поездке на каторжный остров. Вопросы преподавания произведений Чехова в школе поднимались в научно-методических работах **Роберта Робертовича Маймана**, **Юрия Дмитриевича Проклова** и **Руслана Витальевича Якименко**. Детальным изучением прозы Чехова занимаются на Сахалине **Виктория Ивановна Чудинова** и **Анастасия Александровна Степаненко**.

Различные аспекты исследования творчества Чехова ежегодно освещаются на Чеховских чтениях, организатором которых выступают сотрудники Литературно-художественного музея книги А. П. Чехова «Остров Сахалин». Участие в чтениях принимают не только профессиональные историки и филологи, но и библиотекари, учителя средних школ, студенты и школьники.

Память о пребывании Чехова на острове отмечена в географических названиях на карте современной Сахалинской области. Имя писателя носят два населённых пункта — село Чехов (Холмский район) и посёлок Чеховское (Александровский район), река Чеховка (Холмский район), несколько гор, а также мыс и пик. В Южно-Сахалинске, Александровске-Сахалинском и других городах острова есть улицы Чехова.

ОСТРОВ САХАЛИН (отрывок из книги)

...Начитавшись о бурях и льдах Татарского пролива, я ожидал встретить на «Байкале» китобоев с хриплыми голосами, брызгающих при разговоре табачною жвачкой, в действительности же нашёл людей вполне интеллигентных. Командир парохода г. Л., уроженец западного края, плавает в северных морях уже более 30 лет и прошёл их вдоль и поперёк. На своём веку он видел много чудес, много знает и рассказывает интересно. Покружив полжизни около Камчатки и Курильских островов, он, пожалуй, с большим правом, чем Отелло, мог бы говорить о «бесплоднейших пустынях, страшных безднах, утёсах неприступных». Я обязан ему многими сведениями, пригодившимися мне для этих записок. <...>

8 июля, перед обедом, «Байкал» снялся с якоря. С нами шли сотни три солдат под командой офицера и несколько арестантов. Одного арестанта сопровождала пятилетняя девочка, его дочь, которая, когда он поднимался по трапу, держалась за его кандалы. Была, между прочим, одна каторжная, обращавшая на себя внимание тем, что за нею добровольно следовал на каторгу её муж. Кроме меня и офицера, было ещё несколько классных пассажиров обоего пола и, между прочим, даже одна

баронесса. Читатель пусть не удивляется такому изобилию интеллигентных людей здесь, в пустыне. По Амуру и в Приморской области интеллигенция при небольшом вообще населении составляет немалый процент, и её здесь относительно больше, чем в любой русской губернии. На Амуре есть город, где одних лишь генералов, военных и штатских, насчитывают 16. Теперь их там, быть может, ещё больше.

День был тихий и ясный. На палубе жарко, в каютах душно; в воде +18°.

Такую погоду хоть Чёрному морю впору. На правом берегу горел лес; сплошная зелёная масса выбрасывала из себя багровое пламя; клубы дыма слились в длинную, чёрную, неподвижную полосу, которая висит над лесом... Пожар громадный, но кругом тишина и спокойствие, никому нет дела до того, что гибнут леса. Очевидно, зелёное богатство принадлежит здесь одному только богу.

После обеда, часов в шесть, мы уже были у мыса Пронге. Пут кончается Азия, и можно было бы сказать, что в этом месте Амур впадает в Великий океан, если бы поперёк не стоял о. Сахалин. Перед глазами широко расстилается Лиман, впереди чуть видна туманная полоса — это каторжный остров; налево, теряясь в собственных извилинах, исчезает во мгле берег, уходящий в неведомый север. Кажется, что тут конец света и что дальше уже некуда плыть. Душой овладевает чувство, какое, вероятно, испытывал Одиссей, когда плывал по незнакомому морю и смутно предчувствовал встречи с необыкновенными существами. И в самом деле, справа, при самом повороте в Лиман, где на отмели приютилась гилляцкая деревушка, на двух лодках несутся к нам какие-то странные существа, вопяют на непонятном языке и чем-то машут.

Трудно понять, что у них в руках, но когда они подплывают поближе, я различаю серых птиц.

— Это они хотят продать нам битых гусей, — объясняет кто-то.

Поворачиваем направо. На всём нашем пути поставлены знаки, показывающие фарватер⁴⁷.

<...>

Чтобы не сесть на мель, г. Л. не решился плыть ночью, и мы после захода солнца бросили якорь у мыса Джаоре. На самом мысу, на горе, стоит одиноко избушка, в которой живёт мор-

ской офицер г. Б., ставящий знаки на фарватере и имеющий надзор за ними, а за избушкой непроходимая дремучая тайга. Командир послал г. Б. свежего мяса; я воспользовался этим случаем и поплыл на шлюпке к берегу. Вместо пристани куча больших скользких камней, по которым пришлось прыгать, а на гору к избе ведёт ряд ступеней из брёвнышек, врытых в землю почти отвесно, так что, поднимаясь, надо крепко держаться руками. Но какой ужас! Пока я взбирался на гору и подходил к избе, меня окружали тучи комаров, буквально тучи, было темно от них, лицо и руки мои жгло, и не было возможности защищаться. Я думаю, что если здесь остаться ночевать под открытым небом, не окружив себя кострами, то можно погибнуть или, по меньшей мере, сойти с ума.

Изба разделяется сенями на две половины: налево живут матросы, направо — офицер с семьёй. Хозяина дома не было. Я застал изящно одетую, интеллигентную даму, его жену, и двух дочерей, маленьких девочек, искусанных комарами. В комнатах все стены покрыты еловой зеленью, окна затянуты марлей, пахнет дымом, но комары, несмотря ни на что, всё-таки есть и жалят бедных девочек. В комнате обстановка не богатая, лагерная, но в убранстве чувствуется что-то милое, вкусное. На стене висят этюды и, между прочим, женская головка, набросанная карандашом. Оказывается, что г. Б. — художник.

— Хорошо ли вам тут живётся? — спрашиваю я даму.

— Хорошо, да вот только комары.

Свежему мясу она не обрадовалась; по её словам, она и дети давно уже привыкли к солонине и свежего мяса не любят.

— Впрочем, вчера варили форелей, — добавила она.

Провожал меня до шлюпки угрюмый матрос, который, как будто догадавшись, о чём мне хочется спросить его, вздохнул и сказал:

— По доброй воле сюда не заедешь!

— На другой день рано утром пошли дальше при совершенно тихой и тёплой погоде. Татарский берег горист и изобилует пиками, то есть острыми, коническими вершинами. Он слегка подёрнут синеватой мглой: это дым от далёких лесных пожаров, который здесь, как говорят, бывает иногда так густ, что становится опасен для моряков не меньше, чем туман. Если бы птица полетела напрямик с моря через горы, то, наверное, не встретила бы ни одного жилья, ни одной живой души на расстоянии пятисот вёрст и больше... Берег весело зеленеет на солнце и, по-видимому, прекрасно обходится без человека.

В шесть часов были в самом узком месте пролива, между

⁴⁷ Фарватер — безопасный проход по водному пространству.

мысами Логоби и Лазарева, и очень близко видели оба берега, в восемь проходили мимо Шапки Невельского — так называется гора с бугром на вершине, похожим на шапку.

Утро было яркое, блестящее, и наслаждение, которое я испытывал, усиливалось ещё от гордого сознания, что я вижу эти берега.

Во втором часу вошли в бухту де-Кастри. Это единственное место, где могут во время бури укрываться суда, плавающие по проливу, и не будь её, судоходство у сахалинских берегов, которые сплошь негостеприимны, было бы невымыслимо. Даже есть такое выражение: «удирать в де-Кастри». Бухта прекрасная и устроена природой точно по заказу. Это круглый пруд, версты три в диаметре, с высокими берегами, защищающими от ветров, с нешироким выходом в море. Если судить по наружному виду, то бухта идеальная, но, увы! — это только кажется так; семь месяцев в году она бывает покрыта льдом, мало защищена от восточного ветра и так мелка, что пароходы бросают якорь в двух верстах от берега. Выход в море сторожат три острова, или, вернее, рифа, придающие бухте своеобразную красоту; один из них назван Устричным: очень крупные и жирные устрицы водятся на его подводной части.

На берегу несколько домиков и церковь. Это Александровский пост. Тут живут начальник поста, его делопроизводитель и телеграфисты. <...> Священника при церкви нет, и он, когда нужно, приезжает из Маршинска. Хорошая погода бывает здесь очень редко, так же как в Чиколаевске. Говорят, что весною этого года здесь работала промерная экспедиция и во весь май было только три солнечных дня. Извольте работать без солнца!

<...>

Вспоминается и ещё одна подробность: едва мы бросили якорь, как потемнело небо, собралась гроза и вода приняла необыкновенный, ярко-зелёный цвет.

«Байкалу» предстояло выгрузить четыре тысячи пудов казённого груза, и потому остались в де-Кастри ночевать. Чтобы скоротать время, я и механик удили с палубы рыбу, и нам попадались очень крупные, толстоголовые бычки, каких мне не приходилось ловить ни в Чёрном, ни в Азовском море. Попадались и камбала.

<...>

Переночевавши в де-Кастри, мы на другой день, 10 июля, в полдень пошли поперёк Татарского пролива к устью Дуйки, где находится Александровский пост. Погода и в этот раз была

тихая, ясная, какая здесь бывает очень редко. По совершенно гладкому морю, пуская вверх фонтаны, гуляли парочками киты, и это прекрасное, оригинальное зрелище развлекало нас на всём пути. Но настроение духа, признаюсь, было невесёлое, и чем ближе к Сахалину, тем хуже. Я был непокоен. Офицер, сопровождавший солдат, узнав, зачем я еду на Сахалин, очень удивился и стал уверять меня, что я не имею никакого права подходить близко к каторге и колонии, так как я не состою на государственной службе. Конечно, я знал, что он не прав, но всё же от слов его становилось мне жутко, и я боялся, что и на Сахалине, пожалуй, я встречу точно такой же взгляд.

Когда в девятом часу бросали якорь, на берегу в пяти местах большими кострами горела сахалинская тайга. Сквозь потёмки и дым, стлавшийся по морю, я не видел пристани и построек и мог только разглядеть тусклые постовые огоньки, из которых два были красные. Страшная картина, грубо скроенная из потёмнок, силуэтов гор, дыма, пламени и огненных искр, казалась фантастической. На левом плане горят чудовищные костры, выше них — горы, из-за гор поднимается высоко к небу багровое зарево от дальних пожаров; похоже, как будто горит весь Сахалин. Вправо тёмною тяжёлою массой выдаётся в море мыс Жонкьер, похожий на крымский Аю-Даг; на вершине его ярко светится маяк, а внизу, в воде, между нами и берегом стоят три остроконечных рифа — «Три брата». И всё в дыму, как в аду.

К пароходу подошёл катер, таща за собою на буксире баржу. Это привезли каторжных для разгрузки парохода. Слышались татарский говор и брань.

— Не пускать их на пароход! — раздался крик с борта. — Не пускать! Они ночью весь пароход обокрадут!

— Тут в Александровске ещё ничего, — сказал мне механик, заметив, какое тяжёлое впечатление произвёл на меня берег, — а вот вы увидите Дуэ! Там берег совсем отвесный, с тёмными ущельями и с угольными пластами... мрачный берег! Бывало, мы возили на «Байкале» в Дуэ по 200—300 каторжных, так я видел, как многие из них при взгляде на берег плакали.

— Не они, а мы тут каторжные, — сказал с раздражением командир. — Теперь здесь тихо, но посмотрели бы вы осенью: ветер, пурга, холод, волны валяют через борт, — хоть пропадай!

— Я остался ночевать на пароходе. Рано утром, часов в пять, меня шумно разбудили: «Скорее, скорее! Катер в последний раз уходит к берегу! Сейчас снимаемся!» Через минуту я уже сидел в катере, а рядом со мной молодой чиновник с сердитым заспанным лицом. Катер засвистел, и мы пошли к бере-

гу, таща за собой две баржи с каторжными. Изморённые ночью работой и бессонницей, арестанты были вялы и угрюмы; всё время молчали. Лица их были покрыты росой. Мне припоминается теперь несколько кавказцев с резкими чертами и в меховых шапках, надвинутых до бровей.

<...>

Солнце стояло уже высоко. То, что было вчера мрачно и темно и так пугало воображение, теперь утопало в блеске раннего утра; толстый, неуклюжий Жонкьер с маяком, «Три брата» и высокие крутые берега, которые видны на десятки вёрст по обе стороны, прозрачный туман на горах и дым от пожара давали при блеске солнца и моря картину недурную.

<...>

Александровский пост, или, короче, Александровск, представляет из себя небольшой благообразный городок сибирского типа, тысячи на три жителей. В нём нет ни одной каменной постройки, а всё сделано из дерева, главным образом из лиственницы: и церковь, и дома, и тротуары. Здесь резиденция начальника острова, центр сахалинской цивилизации. Тюрьма находится близ главной улицы, но по внешнему виду она мало отличается от военной казармы, и потому Александровск совсем не носит того мрачного острожного характера, какой я ожидал встретить.

Возница привез меня в Александровскую слободку, предместье поста, к крестьянину из ссыльных Л. Мне показали квартиру. Небольшой дворик, мощённый по-сибирски брёвнами, кругом навесы; в доме пять просторных, чистых комнат, кухня, но ни следа мебели. Хозяйка, молодая бабёнка, принесла стол, потом минут через пять табурет.

— Эта квартира у нас ходила с дровами 22 рубля, а без дров 15, — сказала она.

А когда час спустя вносила самовар, сказала со вздохом:

— Заехали в эту пропасть!

Она девушкой пришла сюда с матерью за отцом-каторжным, который до сих пор ещё не отбыл своего срока; теперь она замужем за крестьянином из ссыльных, мрачным стариком, которого я мельком видел, проходя по двору; он был болен челом, лежал на дворе под навесом и кряхтел.

— Теперь у нас в Тамбовской губернии, чай, жнут, — сказала хозяйка, — а тут глаза бы мои не глядели.

И в самом деле неинтересно глядеть: в окно видны грядки с капустной рассадой, около них безобразные канавы, вдали маячит тощая, засыхающая лиственница.

Вопросы и задания:

1. Познакомьтесь с «Комментарием к книге А. П. Чехова «Остров Сахалин»» (2010) М. С. Высокова к приводимой части книги А. П. Чехова. Какие слова детально характеризуются учёным? Почему, на ваш взгляд, возникает необходимость комментирования чеховского текста?

2. Имена кого даны у А. П. Чехова только по начальной букве? Кто такие «командир парохода г. Л.» и «ссылный П.»? Почему автор не называет имена полностью?

3. Отличается чеховское восприятие Сахалина (в представленном выше отрывке — Александровска) от описания острова у К. М. Станюковича и В. Г. Короленко?

4. Можно ли по приводимому отрывку из «Острова Сахалин» А. П. Чехова определить жанровую природу повествования?

5. Какие топонимы приводятся в отрывке из «Острова Сахалин» А. П. Чехова? Есть ли у А. П. Чехова противопоставление Сахалина другому миру и, прежде всего, центральной части России?

Литература:

Высоков, М. С. Комментарий к книге А. П. Чехова «Остров Сахалин» / М. С. Высоков. — Владивосток—Южно-Сахалинск, 2010 ; Катаев, В. Б. Чехов плюс... / В. Б. Катаев // Предшественники, современники, преемники. — М., 2004. — С. 62—69 ; Летопись жизни и творчества А. П. Чехова / сост.: Л. Д. Громова-Опульская, Н. И. Гитович. — Т. 1. — М., 2000 ; Паперный, З. С. А. П. Чехов. Очерк творчества / З. С. Паперный. — М., 1960 ; Семанова, М. Л. Чехов-художник / М. Л. Семанова. — М., 1976 ; Сухих, И. Н. Остров Сахалин в творчестве Чехова / И. Н. Сухих // Русская литература. — 1985. — № 3. — С. 72—84 ; Теплинский, М. В. А. П. Чехов на Сахалине / М. В. Теплинский. — Южно-Сахалинск, 1990 ; Теплинский, М. В. «Главное — надо быть справедливым...». Культурологическое значение поездки А. П. Чехова на Сахалин / М. В. Теплинский // «А. П. Чехов и Сахалин на пороге третьего тысячелетия»: материалы международной научной конференции 29—30 сент. 2000 г. — Южно-Сахалинск, 2001. — С. 17—21 ; Чудинова, В. И. Поэтика прозы А. П. Чехова / В. И. Чудинова. — Южно-Сахалинск, 2013 ; и др.

§ 9. «ПЕСНИ КАТОРГИ» ВЛАСА ДОРОШЕВИЧА

1. Биографические сведения о писателе

Влас Михайлович Дорошевич (1865–1922) родился в творческой семье: его мать была журналисткой, отец занимался мелкой литературной работой. Ещё в школьные годы в характере Дорошевича обнаружились остроумие и нетерпимость к казённым порядкам. Поэтому в шестнадцатилетнем возрасте он вынужден был покинуть одну из московских гимназий и начать самостоятельную жизнь. Поиски интересной работы увенчались сотрудничеством Дорошевича с «Московским листком». Анонимно будущий писатель выступал в этой газете как автор юмористических сенок и небольших репортажей. В дальнейшем первые литературные опыты Дорошевича в «Московском листке» определили его профессию — журналиста, пишущего в художественно-публицистических жанрах.

В 1897–1898 годах Дорошевич отправился в путешествие: побывал на Ближнем Востоке, в Китае, Индии и Японии. Маршрут знакомства писателя с новыми местами проходил и через Сахалин. После возвращения в Россию Дорошевич издал книгу очерков о Сахалине и островной каторге.

Дорошевичу принадлежат критические и мемуарные статьи о его современниках. В их числе **Владимир Галактионович Короленко** (1853–1921), **Антон Павлович Чехов** (1860–1904), **Максим Горький** (1868–1936), небольшая часть литературного наследия которых имеет тематическое отношение к Сахалину. Примечательно, что именно Дорошевич написал «сенсационную» заметку в московской газете «Новости дня» за январь 1890 года. В одной из рубрик газеты того времени сообщалось о предстоящем путешествии по Сибири и посещения Сахалина Чеховым. Через семь лет после этой публикации Дорошевич увидел Сахалин собственными глазами, опровергнув своё же мнение о том, что «русский пишущий человек <...> отличается полнейшей неподвижностью» в поиске сюжетов для своих произведений.

2. Сахалинские очерки

Книга Дорошевича «Сахалин (Каторга)» (1903) выдержала несколько изданий. Параллельно с этой книгой появилось ещё одно произведение автора — «Как я попал на Сахалин» (1905).

Вскоре после первой публикации «Сахалина» писателю было отправлено более сотни писем, в которых выражалась благодарность читателей за увлекательные рассказы в книге и пожелания к её улучшению. Кроме этого, Дорошевич получил по почте и множество фотографий. Именно поэтому в 1907 году в свет вышла новая версия «Сахалина» с исправленным, дополненным и проиллюстрированным текстом.

Главная «сахалинская» книга писателя состоит из двух частей. Она включает в себя разнообразные очерки: например, о «первых впечатлениях», о кандалной тюрьме, о «смотрителях тюрем», о «телесных наказаниях», о «нравах» и «законах» каторги, о её «языке» и «песнях». Очерки сахалинской жизни открыли перед читателями неизвестный им мир. Жизнь каторжан и свободных поселенцев острова была описана Дорошевичем ёмко и красочно. Сахалинские зарисовки отличались точностью наблюдений, правдивым характером и увлекательными авторскими комментариями.

В своей сахалинской книге Дорошевич показал галерею психологических типов разных людей, по решению суда оказавшихся на острове. Описал он и чиновничий состав каторги, назвав конкретные имена. Это было воспринято как вызов. Один из задетых в очерках тюремных надзирателей даже возбудил против Дорошевича судебное дело, обвинив писателя в клевете.

3. Сахалинский фольклор в книге Дорошевича

Представление бытующего на Сахалине фольклора не было специальной задачей писателя. Однако на протяжении всей книги «Сахалин (Каторга)» автор обращается к различным жанрам народного творчества. В самом начале своих очерков он приводит широко известные в различных вариантах примеры пословиц и поговорок каторжан об острове. «Кругом — вода, а в середине — беда!», «Кругом — море, а в середине — горе!» — такими народными выражениями определяется характер Сахалинской каторги.

К островному фольклору Дорошевич предписывает и следующую поговорку: «Нет суше дерева, чем человек». Содержание этой поговорки фиксирует существовавшие во времена каторги чуждые и во многом враждебные отношения между людьми.

Наиболее полно в книге Дорошевича «Сахалин (Каторга)» представлен песенный фольклор. Частично в очерке «Каторжный театр» и более обстоятельно в «Песнях каторги» описаны услышанные писателем на острове песни и различные куплеты

народного (а в редких случаях и литературного) происхождения. Так, в одном из фрагментов своей книги Дорошевич пишет следующее: «Нарочно для меня песельники пели не обыкновенные, а специально тюремные песни». И действительно, основная направленность песен каторжан по книге «Сахалин (Каторга)» тематически была связана с мотивами тюрьмы и неволи, желания скорейшего освобождения и избавления от физических мучений.

Антон Павлович Чехов, который побывал на каторге ещё до Дорошевича, в своей книге «Остров Сахалин» (1895) отметил отсутствие песенного творчества. «Некоторые авторы видели в Рыковском хоромы и слышали здесь гармонику и разудалые песни, — писал Чехов, — я же ничего подобного не видел и не слышал и не могу себе представить девушек, ведущих хоромы около тюрьмы. Даже если бы мне случилось услышать, кроме звона цепей и крика надзирателей, ещё разудалую песню, то я почёл бы это за дурной знак, так как добрый и милосердный человек около тюрьмы не запоёт».

«Песни каторги» Дорошевича — это один из немногочисленных источников информации о русском дореволюционном фольклоре на Сахалине. Песенное творчество каторжан на Сахалине почти не систематизировано и не исследовано.

САХАЛИН (КАТОРГА) ПЕСНИ КАТОРГИ

Замечательно, — даже страшная сибирская каторга былых времен, мрачная, жестокая, создала свои песни. А Сахалин — ничего. Пресловутое:

*«Прощай, Одесса,
Славный (?) карантин,
Меня посылают
На остров Сахалин...»*

кажется, — единственная песня, созданная сахалинской каторгой. Да и та почти совсем не поётся. Даже в сибирской каторге был какой-то оттенок романтизма, что-то такое, что можно было выразить в песне. А здесь и этого нет. Плакая ужасная проза кругом, что её в песне не выразишь. Даже ямщики, эти исконные песенники и балагуры, и те молча, без гиканья, без прибауток правят несущейся тройкой маленьких, но быстрых сахалинских лошадей. Словно на козлах погребальных дорог сидит. Разве пристыжная забалует, так прикрикнет:

— Ч-но, ты, каторжная!

И снова молчит всю дорогу, как убитый. Не поётся здесь.

— В сердце скука! — говорят каторжане и поселенцы.

«Не поётся» на Сахалине даже и вольному человеку. Помню, — в праздничный какой-то день из ворот казарм выходит солдат — конвойный. <...> В руках гармония и поёт во всё горло. Чо, что это за песня? Крик, вопль, стон какой-то. Словно вопит человек «от зубной боли в душе». Не видя, что человек «веселится», подумать можно, что режут кого. Да и не запоёшь, когда перед глазами тюрьма, а около неё уныло, словно тень, в ожидании «заработка» бродит старый палач Коллев.

В тюрьме поют редко. Не по заказу. Слышал я раз пение в Рыковской «кандальной».

Дело было под вечер. Поверка кончилась, арестантов заперли по камерам. Начальство разошлось. Тюремный двор опустел. Надзиратели прикурнули по своим уголкам. Сгустились вечерние тени. Вот-вот наступит полная тьма. Иду тюремным двором, остановился, как вкопанный. Что это, стон? Нет, поют.

Кандальники от скуки пели песню сибирских бродяг «Милосердные»... Чо что это было за пение! Словно отпевают кого, словно похоронное пение несётся из кандальной тюрьмы. Словно отходную какую-то пела эта тюрьма, смотревшая в сумрак своими решётчатыми окнами, отходную заживо похороненным в ней людям. Становилось жутко...

«Славится» между арестантами, как песенник, старый бродяга Мушаков, в селении Дербинском, — и я отыскал его, думая «позаимствоваться». Чо Мушаков не поёт острожных песен, отзывается о них с омерзением.

— Этой пакостью и рот поганить не стану. А вот что знаю — спою.

Он поёт тенорком, немного старчески, но ещё звонким. Поёт «пригорюнившись», подпершись рукою. Поёт песни своей далёкой родины, вспоминая, быть может, дом, близких, детей. Он уходил с Сахалина «бродяжить», добрался до дому, шёл Христовым именем два года. Лето целое прожил дома, с детьми, а потом «поймался» и вот уж 16 лет живёт в каторге. Он поёт эти грустные, протяжные, тоскливые песни родной деревни. И плакать хочется, слушая его песни. Сердце сжимается.

— Будет, старик!

Он машет рукою:

— Эх, барин! Запоёшь, и раздумаешься.

Это не человек, это «горе поёт!»

Чо у каторги есть всё-таки свои любимые песни. Всё шире и шире развивающаяся грамотность в народе сказывается и здесь, на Сахалине. Словно слышимый всплеск какого-то всё

шире и шире разливающегося моря. В каторге очень распространены «книжные» песни. Каторге больше всех по душе наш истинно народный поэт, — чаще других вы услышите: «По не ветер ветку клонит», «Долю бедняка», «Ветку бедную», — все стихотворения Кольцова.

А раз еду верхом, в сторонке от дороги мотыгой поднимает новь поселенец, потом обливается и поёт: «Укажи мне такую обитель» из некрасовского «Парадного подъезда». Поёт, как и обыкновенно поют это, мотив из «Луcreции Борджиа».

— Стой. Ты за что?

— По подозрению в грабеже с убийством, ваше высокоблагородие.

— Что ж эту песню поёшь? Чравится она тебе, что ли?

— Чичаво. Промзительно.

— А выучился-то ей где?

— В тюрьме сиделши. Научили.

Приходилось мне раза три слышать:

«Хорошо было Ванюшке сыпать» переделку некрасовских «Коробейников».

— Ты что же, прочитал её где, что ли? — спросил я певшего мне сапожника Алфилова.

— Чикак нет-с. В тюрьме обучился.

<...>

Из специально тюремных песен из Сибири на Сахалин пришли немногие. Если в тюрьме есть 5–6 старых «ещё сибирских» бродяг, они под вечерок сойдутся, поговорят о «привольном сибирском житье»:

«Сибирь-матушка благая, земля там злая, а народ бешеный!»

И затянута под наплывом нахлынувших воспоминаний любимую бродяжескую: «Милосердные наши батюшки»... Поют, и вспоминается им свобода, беспредельная тайга, «саватейки», бешеный, но добрый сибирский народ. А сахалинская каторга, не знающая ни Сибири, ни её отношений к каторге, смеётся над ними, над их воспоминаниями, над их песней.

— Чешто это возможно, чтоб чалдон (по-нашему обыватель) был к варнаку добрый! Чи в жисть не поверю! — говорил мне один, — да и не один, — «сахалинец».

Есть ещё излюбленная «сибирская» песня, которую время от времени затягивает каторга:

«Вслед за буйными ветрами,
Бог защитник — мой покров,
В тундрах нет зелёной тени,
Нет ни солнца ни зари,

Вдруг являются, как тени,

По утёсам дикари.

От Ангары к устью моря

Вижу дикие скалы, —

Вдруг являются, как тени,

По утёсам дикари.

Дикари, скорей, толпою

С гор неситесь ко мне, —

Помиритесь со мною:

Я — ваш брат, — боюсь людей»...

Когда эту песню, рождённую в Якутской области, поёт каторга, — от песни веет какою-то мрачною, могучею силой. Сколько раз я жалел, что не могу записать мотивов этих песен! Интересно было бы записать напев и этой, когда-то любимой, а теперь умирающей каторжной песни:

«Идёт он усталый, и цепи гремят,

Закованы руки и ноги.

Покойный и грустный он взгляд устремил

По долгой, пустынной дороге...

Полдневное солнце бесщадно палит,

Дышать ему трудно от боли,

И каплет по капле горячая кровь

Из ран растравленных цепями...»

Эта песня — отголосок теперь упрямых «этапов».

И пела мне каторга свою страшную песню, которую я назвал бы «гимном каторги». Что за заунывный, как стон осеннего ветра, мотив. Всю душу истомившуюся вложила каторга в этот напев. И когда вы слышите эту песню, вы слышите душу каторги.

«Посреди палат каменных, ты подай, подай!

Ты подай восточку в Москву каменную,

В Москву каменну, белокаменну...

Ты воспой, воспой, жаворончек,

Ты воспой, воспой! Ты воспой, воспой

Про ту горькую да неволюшку.

Кабы весть подать да отцу рассказать

Про то, что со мною случилось

Ча чужой на той сторонюшке...

Я не вор ведь был, не убивец,

Но послали меня, добра молодца,

Попроедать каторги, распроклятой долюшки.

Ча чужой на той сторонюшке

Больно тяжко ведь жить!

Эх, невеста моя!.. А ты, матушка!

*Позабыла меня, словно сгинул я,
Что ведь будет пора, и вернусь снова я,
За все беды и зло уж я вам отплачу, —
Будет время, вернусь...*

*Ты о том подай, жавороночек,
Подай весточку, — ты подай, подай!..»*

Мне пели её в тюрьме под вечер, после поверки. Пели все. Здоровый парень, сидя на нарах и глядя куда-то вверх, покрывал хор своим заливым тенором и уныло выводил про жавороночка, пел про обиду и месть, словно мечтал вслух. А из тёмных углов неслось это надрывающее душу:

— Ты подай, подай...

Унылое, безнадёжное. Горло себе перерезать можно, слушающая такое пение.

Что все эти песни, в Сибири рождённые, на Сахалин привезённые, как я уже говорил, не любит каторга. Они «бередят». И если уж петь, — она предпочитает другие, — «весёлые». Их нельзя передать в печати. И что это за песни! Это даже не цинизм... Это совсем уж чёрт знает что: бессмысленнейший набор слов, из сочетания которых выходит что-то похожее на неприличные слова.

Вот вам что поёт каторга. Говорят, что песня — это «душа народа». И каторга поёт песни, от которых то веет сентиментальностью, этим «суррогатом чувства», который часто заменяет у людей настоящее чувство, то вечно ноющей раной — тоскою по родине, то злобой, то пережитыми страданиями, то напускным «куражом», то цинизмом и каторжной «оголтелостью».

А чаще всего каторга молчит.

Вопросы и задания:

1. Как вы думаете, почему песни стали предметом исследования В. М. Дорошевича как репортёра? О чем могли рассказать исполняемые на Сахалине песни? Что такое песня в условиях каторги и почему свой сахалинский очерк В. М. Дорошевич заканчивает словами: «...чаще всего каторга молчит»?

2. Какие типы песен выделяет В. М. Дорошевич? Что можно сказать о содержании этих песен? Отражает ли оно общее настроение каторги?

3. В. М. Дорошевич пишет, что слышал на каторге несколько переделанных на мотив песен стихотворений Н. А. Некрасова и Н. М. Рубцова. Как вы думаете, стихи каких русских поэтов могли быть также популярны у каторжан, как и поэзия Н. А. Некрасова и Н. М. Рубцова?

4. Цитируя одну из песен Сахалинской каторги, В. М. Дорошевич рядом со словом «славный» ставит знак вопроса. Как вы думаете, чем это вызвано? Может ли «карантин» быть «славным»?

Литература:

Букчин, С. В. Влас Дорошевич. Судьба фельетониста / С. В. Букчин. — М., 2010 ; Дорошевич, В. М. Сахалин / В. М. Дорошевич / вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. С. В. Букчина. — Т. 1. — Южно-Сахалинск, 2005. — С. 488—526 ; Иконникова, Е. А. Влас Дорошевич: «Восток своеобразен» / Е. А. Иконникова // Азия и Африка сегодня. — 2012. — № 4. — С. 45—46 ; и др.

§ 10. РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР НА САХАЛИНЕ

1. Становление и специфика русского фольклора

Известно, что устное народное творчество предшествовало литературе, возникшей с появлением письменности. Первые произведения устного поэтического творчества на Сахалине зародились ещё в древности, но, бережно сохранённые предками, они просуществовали до наших дней. Для современного человека фольклор продолжает оставаться важным источником сведений о духовной жизни коренных жителей острова — нивхов, айнов и уйльта. Но бытующие на Сахалине мифы, предания, легенды, сказки и многие другие фольклорные жанры отражают национальную культуру не только коренных народов.

Начиная со времени первых русских поселений, на Сахалине формировался русский фольклор, который имеет свои специфические особенности. Первоначально устное народное творчество было привезено поселенцами, а позже ссыльнокаторжными из разных регионов России. Содержание известных народных песен и сказаний частично варьировалось, а иногда и изменялось применительно к новым условиям жизни русских людей. Так называемый «местный колорит», связанный с географическими, природно-климатическими условиями, культурными традициями и социальным устройством жизни русских людей на острове, неизменным образом пронизывал большую часть фольклорных произведений.

Эта тенденция свойственна и городскому фольклору, продолжающему развиваться и сегодня. Многим островитянам известны сочинённые в народе слова на мотив одной популярной в советское время песни:

*Сахалин — вторые Сочи,
Солнце светит, но не очень.*

2. Фольклор Сахалина в научных исследованиях

До начала XX столетия фольклорное творчество русских поселенцев практически не привлекало внимание учёных, обратившихся в первую очередь к устному наследию коренных народов Сахалина. Первые записи песенных текстов русского фольклора на острове состоялись только в 1958–1959 годах благодаря диалектологической экспедиции **Константина Макаровича Браславца**, занимавшегося изучением говоров старожилов Камчатки и Сахалина. Но в научную деятельность учёного

подробное описание собранных текстов народного творчества не входило.

Специальное систематическое исследование народных произведений началось с 1973 года. Студенты филологического факультета Южно-Сахалинского государственного педагогического института (в настоящее время — Сахалинский государственный университет) в период летней практики встречались со старожилами и делали записи известных им преданий, легенд, песен, поговорок и пословиц. Во время такой практики фиксировалось ещё и большое количество частушек, которые возникли в России в конце XIX века и являются одним из жанров городского фольклора. Однако студентам и курирующим их преподавателям требовалось выделить собственно сахалинский фольклор в системе общероссийского, имевшего повсеместное распространение на острове. Доля сахалинского (или местного) фольклора, в котором бы использовались топонимы острова или иные определяющие принадлежность к Дальнему Востоку детали, была незначительна и требовала тщательного отбора.

Инициатором изучения фольклора на Сахалине стала **Наталья Ивановна Казакова** — преподаватель кафедры русской литературы Южно-Сахалинского педагогического института. По материалам фольклорных экспедиций 1973–1984 годов Казакова защитила кандидатскую диссертацию, посвящённую народным песням.

Среди исполнителей общероссийских текстов русского фольклора на острове особое место принадлежит **Варваре Николаевне Штряниной** (из пос. Дуэ Александровского района) и **Анне Ивановне Гребенюк** (из пос. Оноп Смирныховского района). С их слов были записаны многие народные песни, входившие в репертуар русских поселенцев.

В настоящее время интересный материал устного народного творчества Сахалина составляет значимую часть общероссийского фольклора. Однако русский фольклор Курильских островов практически не собран и не описан.

3. Жанры сахалинского фольклора

Сахалинский фольклор отличается от общероссийского. И, прежде всего, это касается жанрового своеобразия. В островном фольклоре отсутствуют календарная обрядовая поэзия, сказки, народный театр, былины и некоторые другие формы народного творчества. Однако в период каторги на острове существовали песни, пословицы и поговорки, отражающие ежедневный уклад жизни русских людей. Таковы, например, возникшие ещё в дореволюционное время примеры малых жанров

фольклора, общеизвестные и многократно цитируемые в литературе о Сахалине пословицы: «Внутри беда, а кругом вода» («Внутри горе, а вокруг море»), «Кто на Сахалине не бывал, тот и горя не видал».

Примечательно, что сахалинский фольклор проникал и в авторскую литературу. В рассказе **Владимира Галактионовича Короленко** (1853–1921) «Соколинец» (1885) читатели находят следующую народную пословицу, в которой иносказательно описывается Сахалинская каторга, расположенная на окружённом со всех сторон острове: «...кругом-то вода, посередке беда» — такими словами характеризует Сахалин много повидавший на своём веку каторжанин Буран, обращаясь к молодому арестанту Василию, впервые оказавшемуся на острове.

Появившиеся на Сахалине в советские годы лаконичные высказывания, сочинённые в народе, отличались идеологическим характером. Несмотря на удалённость Сахалина от центральной России, жители островов старались думать, что их проблемы понятны и знакомы правительству:

*Далека сахалинская земля,
Да нас видят из Кремля.*

Нередко в пословицах и поговорках подчеркивались обобщённые черты характера жителей Дальнего Востока:

*У сахалинцев есть нефть, уголь каменный,
Светлый ум и характер пламенный.*

Образцам народной прозы Сахалина свойственно простое по форме и не перегруженное художественными деталями содержание. В немногочисленных преданиях и легендах, сложенных поэтическим языком, рассказывается о происхождении островов, гор, рек и озёр. Нередко сюжеты произведений русского фольклора дублируют аналогичные истории в народном творчестве нивхов, айнов или уйльта. В прозаические тексты русского фольклора иногда включаются и этнические понятия, присущие быту и культуре коренных народов Сахалина, например, юкола или шаман.

4. Народные песни Сахалина

Во времена каторги и после неё в праздники и во время отдыха звучали на Сахалине многие старинные песни, широко известные в словесно-музыкальном репертуаре всей России — «По Муромской дороге», «Скакал казак через долину» или «Шумел камыш». Значимое место в народных песнях отводилось теме тюрьмы, каторги и ссылки. Главным мотивом этих произведений становился лирический рассказ о неволе.

Особую популярность в предреволюционный период имела

тюремная песня «Глухой неведомой тайгою», в которой есть упоминание о Сахалине. Предположительно эта песня была сочинена неизвестным автором в Сибири во второй половине XIX века. В современных песенниках предлагается не только считающийся «каноническим» текст «Глухой неведомой тайгою», но и его вариант — «Густой неведомой тайгою», исполняемый в Сибири в первой четверти XX столетия. Кроме того, существуют и другие видоизменения стихов этой песни.

В последней книге писателя **Геннадия Николаевича Машкина** (1936–2005) «Бродяги с Сахалина» (2004) строчки известной песни звучат иначе. Они откорректированы под личность исполнителя — главного героя повести сахалинца Василия Гнездова, задумавшего найти счастье для себя и своей семьи в Сибири:

*Шумит, лютует непогода,
Далёк, далёк бродяге путь.
Укрой, тайга, меня густая,
Бродяга хочет отдохнуть...*

В советские годы народная песня на острове уступила свои позиции авторской песне. Разные поэты и композиторы касались в своём творчестве темы Сахалина, их песни исполнялись участниками художественной самодеятельности. Однако только немногие из авторских произведений смогли стать более популярными, чем сложенные народом песни.

САХАЛИНСКИЕ ПРЕДАНИЯ И ЛЕГЕНДЫ (из архива русского фольклора Н. И. Казаковой)

...Было это в далёкие времена. Над землёй летал хозяин тайги и осматривал свои владения. Куда ни посмотрит, всё безжизненно. И решил он тогда оживить землю. При нём была корзина с сокровищами. Стал хозяин разбрасывать богатство направо, налево, через себя. По одному, по два камешка бросал, чтобы всем хватило. Но вот видит: впереди море-океан, а в середине остров. Тянул хозяин, а корзина совсем пустая, одни крошки остались. Погоревал-погоревал, да делать нечего: собрал крошки в ладонь и высыпал как попало. Потекли чистые реки, выросли угольные горы, забили нефтяные фонтаны, в море появилось много рыбы, а в лесах много зверей. Так остров Сахалин стал богатым краем неповторимой природы.

...На берегу жил юноша. Был он красив, силен и ловок. Всё было у него: и мех, и юкола, и дом. Не было только красивой жены. Однажды, ловя рыбу, юноша заплыл в лодке на другой бе-

рег, где услышал пение девушки. По песне понял, что она должна быть той, которую он ищет. И пошёл юноша к отцу девушки с просьбой отдать ему дочь в жёны. Отец согласился, но сказал, чтобы он приехал через три лунных месяца. Юноша, возвращаясь домой, пел от счастья. Услышал эту песню морской владыка и решил расстроить свадьбу. Когда юноша пошёл на охоту, владыка морей поднял ветер. Казалось, небо спустилось на землю. Вода смывала всё. Люди ушли в горы, но и туда пришла беда. Юноша увидел это и решил плыть на помощь любимой. А девушка в это время погибала в волнах моря, чтобы не стать женой ненавистного владыки. Она уходила всё дальше от берега и пела сквозь слёзы, и от её доброго голоса море становилось ласковым и покорным. Юноша плыл к любимой и кричал: «Я иду, слышишь, я иду!». Все жители посёлка вышли встречать смелого человека. Подойдя к берегу, он воскликнул: «Пришёл один!», то есть без шамана. С тех пор здесь всегда спокойно, никогда не бывает шторма, а залив люди назвали Анива, что значит «он пришёл».

...Красива была Тунайча и любила такого же красивого юношу, какой была сама. Но шаман решил, что не бывать их счастливой свадьбе. Пригланулась ему самому красавица Тунайча. В горе бросилась бедная девушка с крутого обрыва, чтобы не покориться злему духу. Верный возлюбленный горько оплакивал потерю невесты. Его слёзы превратились в солёное озеро. А длинные волосы Тунайчи ветер донёс до моря. Появилось великое множество протоков, которые слились с озером.

...Туманным утром в Татарском проливе о невидимые рифы разбился старинный корабль «Михаил». Холодные волны моря поглотили много жизней. Не пощадили они и трёх братьев-революционеров. День и ночь плакали люди на берегу о погибших. А когда рассеялся туман, увидели перед собой три скалы, удивительно похожие друг на друга. Успокоенное море подарило людям в окаменевших скалах память о героях революции.

ПЕСНЯ

*Глухой, неведомой тайгою,
Сибирской дальней стороной
Бежал бродяга с Сахалина
Звериной узкою тропой.*

*Шумит, бушует непогода,
Далёк, далёк бродяге путь.
Укрой, тайга его глухая, —
Бродяга хочет отдохнуть.*

*Там далеко за тёмным бором
Оставил родину свою,
Оставил мать свою родную,
Детей, любимую жену.*

*Умру, в чужой земле зарюют,
Заплачет маменька моя,
Жена найдёт себе другого,
А мать сыночка — никогда.*

Вариант

*Густой неведомой тайгою
Сибирской дальней стороной
Бежал бродяга с Сахалина
Звериной узкою тропой.
Шумит, бушует непогода,
Далёк бродяги путь лежит,
Укрой, тайга, его густая,
Бродяга хочет отдохнуть.
Помру я, в чужой земле зарюют,
Заплачет маменька родна,
Жена найдёт себе другого,
А мать сыночка никогда.*

Вопросы и задания:

1. Какие образцы бытующего на Сахалине фольклора (в том числе и городского) вы знаете? Какие истории о происхождении озёр, рек или гор приходилось вам слышать в родных местах?

2. В чём отличие тюремной песни «Глухой неведомой тайгою» от тех песен, которые цитирует в своих очерках В. М. Дорошевич?

3. Прочитайте сахалинские предания и легенды из архива Н. И. Казаковой. Как вы думаете, почему в текстах русского фольклора, созданного на Сахалине, используются слова нивхского происхождения или слова, относящиеся к бытовой культуре народов Севера?

4. В каких ещё произведениях литературы можно встретить

созданный в песенной культуре образ «бродяги с Сахалина»? Для ответа на вопрос обратитесь к «сахалинским» произведениям Г. Н. Машкина, А. А. Кима и других авторов.

Литература:

Казакова, Н. И. Поэзия тюрьмы, каторги и ссылки / Н. И. Казакова // VII Чеховские чтения. — Южно-Сахалинск, 2004. — С. 27–30 ; Казакова, Н. И. Сахалинский фольклор / Н. И. Казакова. — Южно-Сахалинск, 2011 ; и др.

§ 11.
РОМАН АЛЕКСЕЯ НОВИКОВА-ПРИБОЯ
«ЦУСИМА»

1. Биографические сведения о писателе

Алексей Сильч Новиков-Прибой (настоящая фамилия — Новиков, а отчество — Силантьевич; 1877–1944) родился в селе Матвеевское Спасского уезда Тамбовской губернии. Он окончил церковно-приходскую школу. В детские годы много читал, отдавая предпочтение религиозной литературе. Мать писателя хотела, чтобы её сын стал монахом, но случайная встреча с матросом заронила в душе мальчика мечту о море. В 1899 году после призыва на военную службу Новиков-Прибой пошёл добровольцем на флот.

Начало литературной деятельности относится к 1901 году, когда в печати вышла небольшая статья Новикова-Прибой без подписи автора. Во время Русско-японской войны 1904–1905 годов при разгроме 2-й Тихоокеанской эскадры недалеко от острова Цусима писатель попал в плен. В течение восьми месяцев плена он фиксировал в тетради личные впечатления и услышанные рассказы матросов с других кораблей. Эти записи в форме заметок публиковались в журнале для военнопленных «Япония и Россия».

Жизнь автора была наполнена разными событиями. Скрываясь от преследования властей за свою революционную деятельность, он бежал в Англию, где работал молотобойцем, конторщиком, матросом. Позже по приглашению **Максима Горького** (1868–1936) жил на Капри. Вернувшись в Россию, стал заведующим хозяйством в «Книгоиздательстве писателей в Москве», а в первые послереволюционные годы служил вместе с женой на санитарных поездах Земского союза, печатал рассказы и очерки о флотской службе, о тяжёлом положении моряков, о людях, искалеченных войной, и многом другом.

Наиболее известны сборники малой прозы Новикова-Прибой, такие, как: «Морские рассказы» (1914, 1917), «Две души» (1919), «Вековая тяжба» (1919), «Во власти моря» (1925).

2. Роман «Цусима» в творческом наследии писателя

Книга «Цусима» (1932–1935) является вершиной творчества Новикова-Прибой. Это эпический роман в жанре военно-исторической хроники, материалы которой собирались, по словам автора, около 30 лет. Последняя редакция этого произведения

была сделана Новиковым-Прибоем в 1940 году, незадолго до получения Государственной премии. Основу книги составили не только собственные воспоминания автора о Цусимском сражении (в мае 1905 года), но и архивные источники, исторические документы и свидетельства очевидцев. Систематизированная в художественной форме история о цусимских событиях изложена в двух частях (о походе и гибели русской эскадры в годы войны с японцами): первая — «Поход» и вторая — «Бой».

Роман «Цусима» вскоре после публикации попал в разряд наиболее востребованной читателями литературы. Яркие сцены героического сражения русских моряков, описанные доступным языком, простота повествования и неожиданные повороты в сюжетном развитии произведения способствовали популярности книги.

Завершив работу над «Цусимой», Новиков-Прибой выступал в печати с очерками и статьями, посвящёнными хроникам Второй мировой войны, публиковал главы незавершённого романа «Капитан 1-ого ранга». Но эпический талант мастера военно-исторической прозы наилучшим образом отразился именно в «Цусиме». По словам **Константина Александровича Федина** (1892–1977), для Новикова-Прибоя «“Цусима” была одновременно плодом жизни и целью жизни».

3. Сахалин и Курильские острова в книге «Цусима»

В предлагаемых для чтения фрагментах из романа «Цусима» изображаются события июня 1905 года, когда русский бот⁴⁸ с членами экипажа, отбившегося от своей эскадры, устремился из пограничных вод в сторону острова Уруп, а затем — к берегам Сахалина.

В описании островов Курильской гряды автор стремится к необходимой точности, вводя в повествование указания на рыбное богатство дальневосточного края, на сохранившиеся летом в ложбинах остатки снега, на горные уступы и скалистые почвы. Охотское море описывается как грозная стихия с «мглистыми далями», в которых экипаж небольшого бота подстерегают различные опасности — от бороздящего холодные воды кита и непредсказуемых течений до японских рыбаков, готовых в любой момент пленить русских моряков. Примечательны и упоминаемые в романе «Цусима» топонимы. Наименования некоторых островов Курильской гряды (Уруп, Иту-

руп, Кунашир), пролив Фриза, Кунаширский пролив, Анива, Корсаковский пост — это названия конкретных географических мест на картах периода Русско-японской войны. Природно-климатические и историко-топонимические факты Сахалина и Курильских островов свидетельствуют о реалистическом подходе автора к повествованию.

Интересны рассуждения героев книги о Сахалинской каторге, вызванные следующим происшествием. Командир корабля арестовывает боцмана Гоцку за непослушание во время укрепления судна и помещает строптивого героя в землянку, похожую на карцер. Это действует угнетающе на экипаж небольшого судна. В действиях командира видится сознательное желание устроить «тюрьму», и в этой связи вспоминается каторжный Сахалин. Матросы убеждены, что жизнь на корабле уже является своеобразной тюрьмой, обрекающей их на отсутствие свободы передвижений. Неразумным кажется персонажам книги Новикова-Прибоя делать каторгу в том месте, которое географически ещё больше, чем Сахалин, удалено от большой земли.

Впрочем, экипажу отважного бота будет суждено преодолеть все тяжести морского пути и в действительности оказаться на Сахалине. Первым человеком, который принесёт нерадостные вести экипажу о разгроме русского флота, станет сахалинский политзаключённый, оставшийся после освобождения на каторжном острове как поселенец.

ЦУСИМА

<...> Лагерь принял вид импровизированной судостроительной верфи. Тщес матросов, которые уставали, боцман сейчас же заменял другими. Работа ни на одну минуту не прекращалась. И всё же дело медленно двигалось вперёд. К вечеру люди с удивлением увидели, что бревно мало убавилось в своей толщине.

В то время когда часть команды была занята выделкой мачты, другая распарывала широкие шлюпочные чехлы. Из них ворсой, раскрученной из пенькового каната, шили паруса. Из этой же ворсы вили шкоты.

Наконец, через четыре дня бот номер первый был оснащён для дальнего плавания. Всё население лагеря, обрадованное окончанием работ, вышло на берег. Ветер надул самодельные паруса, и окрылённое судёнышко плавно вышло в море на испытание. Оно прошло мимо «Олдгамши», которая ещё продолжала гореть, и вернулась к берегу. Командир, убедившись, что их работа не пропала даром, тут же назначил своего помощника,

⁴⁸ Бот — небольшое парусное, гребное или моторное судно.

прапорщика Леймана, начальником первой партии в составе десяти матросов. Отплывающие вооружились, запаслись пресной водой и провизией на две недели. Условились, что командир будет ждать на острове от Леймана вестей в течение пятнадцати-двадцати дней.

За ночь туманная погода сменилась на ясную. Утром 4 июня опять все вышли на берег провожать бот. Прощаясь с Лейманом, командир сказал:

— Постарайтесь захватить какую-нибудь встречную японскую шхуну. Тогда мы сможем все сразу сняться с острова. Если в пути никто не попадётся, то спешите на Сахалин и скорее за нами судно присылайте. Ну, желаю вам попутного ветра!

Командир был серьёзен. Пожимая руку своему помощнику, он строго, по-начальнически смотрел на него чёрными глазами. Прапорщик Лейман улыбался, точно ему предстояло только прогуляться в море.

Бот дрогнул, когда лёгкий ветерок надул его паруса, и направился к проливу Буссоля. В лагере осталось ещё тридцать человек. Все они стояли и смотрели на удалявшихся своих товарищей, переживая смешанное чувство: и зависть к тем, кто скоро будут на родине, и боязнь за них, что они могут погибнуть в волнах, и пробуждающуюся надежду, что только от них можно ждать помощь. Так люди не расходились до тех пор, пока бот не скрылся совсем.

На острове Уруп несколько дней отдыхали. Любопытные слонялись по берегу, присматриваясь к диким местам. Ещё раз организовалась партия для розысков жилья на острове, но и она вернулась ни с чем. От неё только узнали, что в трёх милях от лагеря имеется речка, поразившая обилием рыбы. Матросы часто стали ходить туда и всё придумывали, как бы воспользоваться водяной живностью. У них не было ни удочек, ни сетей. Выручил всех матрос Леконцев. У него в чемодане случайно сохранились сетки, которыми на вахте кочегары вытирают пот. Из этих сеток был тайно связан и м сачок, по бокам которого он надвезал две простыни. Получился почти бредень⁴⁹. Когда Леконцев объявил во всеуслышание, что он наверняка поймает рыбу, ему не поверили и его осмеяли. Командир, усмехаясь, заявил:

— Если хоть одну штуку поймаешь, дарю тебе бутылку рома.

Леконцев пригласил с собою трёх товарищей и ушёл на рыбную ловлю. Часа через четыре рыбаки вернулись, встреченные радостными восклицаниями. Рыбы было притащено около двух с половиной пудов, и какой рыбы! Здесь была форель и сёмга. Это было очень кстати: запасы провизии убавлялись с каждым днём, а пополнить их было неоткуда. Все благодарили Леконцева за изобретательность. И сам командир дивился, но слово своё сдержал — охотно выдал ему бутылку рома. Уха была жирная и вкусная. Часть рыбы была зарыта в снег, сохранившийся в лощинах. С этого дня рыбные запасы в природном холодильнике лагеря не выводились.

По распоряжению командира начали сооружать второй бот. Опять посменно одними ножами матросы выстругивали из бревна мачту. У них уже в этом был кое-какой опыт. На этот раз прочнее и лучше сшили паруса и скрутили из ворсы шкоты. И когда работа подходила к концу, у боцмана вышло столкновение с командиром. Тоцка уверенным тоном доказывал, что бот в таком виде не годится для дальнего плавания — при сильной волне он может развалиться. Нужно под киль пропустить стальной трос и закрепить его вокруг мачты. Таким образом, и бот будет более надёжный, и мачта прочнее будет держаться. Прегубов возражал, что эти меры увеличат трение и убавят ход. Долго спорили, горячились. Боцман всё-таки поступил по-своему. А на следующий день группа матросов в уступе горы копала землянку. Но никто из них не мог догадаться — для чего она вдруг потребовалась командиру. Это стало ясно для всех, когда в эту землянку, вместо карцера, был заключён боцман Тоцка. У её входа стоял часовой. Арест боцмана на команду произвёл угнетающее впечатление. Вечером у костра машинист Кучеренко, разговаривая с товарищами, возмущался несправедливостью командира.

— Ведь вот что обидно — человек дело советовал. Можно сказать, о жизни своего же начальника заботился. А он на чужой земле под арест его. Ну, там, скажем, в Петербурге, веками каменные тюрьмы понастроены. Власть илмущих, понятно, подмывает выскивать жильцов за эти решётки. А здесь зачем тюрьму делать? Ведь и без того мы находимся дальше, чем сам Сахалин, куда каторжан ссылают. И вообще неизвестно, будем ли мы живы?

— Да, нам и так здесь хуже, чем в тюрьме, — проговорил кто-то хмуро. Кучеренко, подумав, добавил: — Неужели люди нигде и никогда не могут обойтись без тюрьмы? И всего-то нас тут три десятка. А если бы двое остались на острове — значит, опять один для другого устроил бы тюрьму?

⁴⁹ Бредень — небольшой невод, которым ловят рыбу, идя бродом.

Прошло две недели с того дня, как расстались с первым ботом, а из России не было никакой помощи и никаких вестей. В лагере всех тревожил вопрос — что с ним случилось? Либо он попал к японцам в плен, либо погиб в море. Командир решил сам испытать счастье и отправиться в рискованный рейс. Он знал, что в боте будет тесно, и всё-таки взял с собою тринадцать матросов. В его расчёты входило, чтобы оставшихся было как можно меньше, иначе на двух остающихся маленьких шлюпках они, если понадобится, не смогут даже перебраться с одного острова на другой. Вечер прошёл в сборах к отплытию. На бот погрузили провизию, анкерок⁵⁰ и банки из-под керосина, налитые пресной водой, запаслись компасом, хронометром, секстантом⁵¹ и биноклем. Кроме того, взяли четыре винтовки и пять револьверов. Выпущенный на свободу боцман хлопотал около бота, стараясь так уложить разные предметы, чтобы они не мешали работать гребцам.

До поздней ночи в офицерской палатке были слышны возбуждённые голоса. Это спорили между собою командир Прегубов и прапорщик Потапов. Оказалось, Потапов был недоволен командирским предписанием. В нём говорилось, что начальником лагеря на берегу остаётся прапорщик по механической части Зайончковский — по старшинству лет, а Потапову вручалось командование на море, как более опытному судоводителю. С раннего утра 22 июня началась посадка на бот.

В это время разгорячённый прапорщик Потапов догнал командира на берегу и вручил ему бумагу. Прегубов на ходу молча прочитал её, сел на бот и оттуда, махая бумагой, резко выкрикивал:

— Это вам, прапорщик Потапов, так не пройдёт. Ваш возмутительный рапорт я представлю в Петербурге в главный морской штаб.

— Я этого только и хочу — там нас рассудят, — ответил Потапов и, отвернувшись, зашагал к лагерю.

Вслед боту неслись с берега прощальные приветствия, а он, подгоняемый лёгким ветерком, под парусами направился вдоль острова к югу. Командир надеялся через пролив Фриза пройти в Охотское море. Все четырнадцать соплателей почувствовали облегчение. Давно уже не было такого весёлого настроения. Другими глазами и без грусти они в последний

раз посмотрели на то место, где так печально оборвался их рейс и где было пережито столько горьких минут. «Олдгамия» издали оставалась в прежнем положении, но уже обглоданная пожаром и представляющая собою обезображенный скелет. Капитанский мостик, штурманская рубка и другие верхние надстройки, раньше блестевшие эмалевой краской, превратились в груды обгорелого железа с торчащими мачтами и трубами. Подожжённая месяц тому назад, она всё ещё дымилась, огонь ещё находил горючее в огромных трюмах этого океанского парохода.

Сырые тучи, как бы оседая, ниже опустились над океаном. Ветер слабел. Бот сложил свои парусиновые крылья, но продолжал двигаться вперёд. Восемь гребцов, сгибая спины, старательно наваливались на вёсла. Матросы отсидели ноги, согнутые в тесноте, но все были бодры. Ведь с каждым взмахом вёсел укорачивался путь, ведущий этих людей к их цели. Так гребли моряки до позднего вечера, пока не попаласть им удобная бухточка, куда они и завернули.

Что выходя на берег, они ночевали в боте — по очереди дежуря, чтобы не вынесло их в море. На рассвете проснулись, позавтракали и тронулись дальше в путь. Утро было туманное, безветренное, с проливным дождём. Бот под вёслами медленно подвигался вперёд и, боясь пройти мимо пролива, держался ближе к берегу.

В полдень заметили, что высокий горный кряж острова Уруп становился всё ниже, потом скат его обрывался мысом. Дальше начинался пролив Фриза.

— Чобунотс, — сообщил командир название этого мыса по лоции⁵². — Тут на милю тянется подводный каменистый риф. Не будем сразу сворачивать в пролив, гребите прямо на противоположный берег острова Итуруп.

Справа внимание всех привлекла своим чётким рисунком отдельно возвышавшаяся скала. К северо-западу за милю от мыса на проливе она стояла, как на постаменте. По своей причудливой форме она представляла собою огромный макет старинного корабля. Казалось, не природа, а искусная рука скульптора высекла из каменной глыбы и корпус его и высокие, надутые ветром паруса над ним. Вероятно, такое впечатление от этой скалы, как от настоящего корабля, поразило

⁵⁰ Анкер — крепёжное средство.

⁵¹ Секстант — навигационный измерительный прибор.

⁵² Лоция — предназначенное для мореплавателей описание морей, океанов и прибрежной полосы.

воображение первого увидевшего её мореплавателя, и за ней навсегда сохранилось и вошло в лоцию самое подходящее название: «Парус».

Пролив имел около тридцати миль ширины. На его просторе сразу изменилась погода: подул норд-вестовый ветер, он заметно усиливался и свежел. Моряки обрадовались ему и поставили паруса. Идти стало легче. С моря клоками сгоняло туман.

Вдруг с левого борта возник сильный шум, распознать причину которого сразу не могли даже опытные моряки. Он приближался со стороны океана.

– Не поймёшь, что!

– Неужели японский катер?

Эти испуганные возгласы заглушил громким выкриком сидевший на носу матрос Кошелев:

– Кит! Прямо на нас прёт!

Из тумана на бот надвигалась чёрная лоснящаяся гряда, длиною в большую баржу, спереди над ней веером высоко хлестал шумный фронтан брызг.

– Держи вправо! – командовал Трегубов рулевому.

Близость морского чудовища, в сравнении с которым бот казался игрушкой, утратила людей. Некоторые схватились за винтовки, но стрелять не пришлось. Кит сделал крутой поворот влево, взметнув мощным хвостом. Высокий вал захлестнул бот, обдав людей холодной солёной водой. Некоторые ахнули не то от испуга, не то от изумления, но все сразу почувствовали, что холод доходит до колен. Бот наполнился водой до банок. Все бросились вычерпывать воду, кто чем попал: чайниками, кружками и корцол.

Кит скрылся в туманной дали океана, а бот, повернувшись от кита вправо, оказался на своём курсе и продолжал путь вдоль пролива Фриза. Показалась северо-восточная оконечность острова Итуруп. Командир сразу узнал её по высокому и обрубистому мысу с приметными тремя сосками горных утёсов, обозначенных в лоции.

Ветер свежел и, достигнув пяти баллов, развёл крупную зыбь. Чем больше бот углублялся в пролив, тем труднее становилось плавание. Приходилось лавировать в бурлящей толчее, происходившей от столкновения приливно-отливных течений, быстрин и сулов⁵³. Боясь, как бы ветром не сломало

мачту, убавили площадь паруса, но вместе с тем, чтобы не уменьшился ход бота, опять матросы заработали на вёслах. К вечеру кое-как преодолели пролив и вышли в Охотское море. Но в этой отчаянной борьбе бот был искалечен: толчеей и зыбью его так расшатало, что он по пазам дал течь. Да и сверху через его борта захлестывало волнами. Вода поднялась выше колен. Матросы непрерывно её отливали, но она всё прибывала. Часть команды укачалась и ничего не могла делать.

Боцман Тоцка остался на острове Уруп, но теперь о нём вспоминали с благодарностью.

– Молодец боцман – заставил тросом скрепить бот. Без этого наше судёнышко развалилось бы, как старое корыто, – первый заговорил машинист Кучеренко.

Леконцев, оглянувшись на командира, углубившегося в морскую карту, поддакнул:

– Да, если бы не трос – давно бы нам быть на дне моря.

Командир как будто не слышал этих разговоров. Повидимому, он и сам теперь сознавал, что боцман был прав, и, оторвавшись от карты, взглянул вперёд. Перед ним, волнуясь, грозно расстилалось Охотское море, с мгlistыми далями. Пускаться в большое плавание на протекающем боте было рискованно. Вода в нём, прибывая, скоро может соединиться с уровнем моря, и тогда – всем конец. Трегубов, обращаясь к команде, мирно заговорил:

– Смотрел сейчас по карте. На всём северном берегу острова Итуруп нет ни одного залива, где бы можно нам было укрыться от ветра и отдохнуть. Да и бот нужно починить. Попробуем в Кунаширском заливе своё счастье. За это время, может быть, погода улучшится.

Обратно по проливу бот понёсся почти с попутным ветром. Вёсла были уже не нужны. У людей теперь была одна забота – борьба с течью. Кроме Леконцева и Кучеренко, воду начали отливать ещё двое: рулевой Рекстен и матрос Кошелев. Так плыли около двух часов. Северо-восточную оконечность острова Итуруп огибали уже в темноте. Здесь расположена удобная Медвежья бухта, где можно было бы переночевать. Но, приближаясь к ней, моряки заметили сверкнувший огонь на берегу. Несомненно, это были японские рыбаки. Чтобы не попасть в плен, бот прошёл дальше и скрылся за выступом скалы. Защищённый от ветра, он остановился. Командир приказал направить его ближе к берегу, но подойти к нему не удалось – мешали подводные камни. Всю эту тихую и тёмную ночь по очереди отливали воду. С рассветом 24 июня все принялись за ремонт бота, законопачивая пазы лоскутьями от одежды, сиг-

⁵³ Сулой – взброс воды на поверхности моря.

нальными флажками и носовыми платками.

К восьми утра борьба за плавучесть судна была закончена — течь прекратилась. Люди принялись завтракать. Вдруг с северо-востока набежал шквал, надул парус, бот выбрался из-за прикрытия скалы и направился на юг вдоль острова Итуруп. Печи больше не было. Это утешало людей. Весь день стояла хорошая погода. Люди могли отдохнуть и восстановить силы. Но вечером ветер совершенно стих, и моряки опять взялись за вёсла. Бот пошёл тише.

Ночью наплыл густой туман. Перемежаясь с дождём, он не прекращался ещё два дня, которые без ветра были очень мучительными для людей. Расстояние вдоль острова Итуруп более ста миль было пройдено. Они поравнялись с юго-восточным мысом этого острова, обрывавшегося скалистой возвышенностью. Здесь начинался вход в Северный Кунаширский пролив. Люди сперва обрадовались, но тут же они с ужасом увидели, что течение пролива их относит в океан. Для них это означало гибель. Люди напрягли последние усилия, но желанный пролив от них удалялся. Течение было значительно быстрее, чем ход бота. Люди догадались стороной подойти к прежнему месту, но при попытке войти в пролив их опять подхватило тем же течением и понесло на восток. Так повторялось несколько раз. Состояние моряков напоминало людей, карабкающихся по крутому подъёму ледяной горы — они поскальзывались и катились вниз. Измученным гребцам ничего больше не оставалось, как переночевать под берегом острова.

Утро 27 июня принесло несчастным скитальцам облегчение: подул южный ветер. Они обогнули мыс и при попутном ветре, преодолевая течение, вошли в Северный Кунаширский пролив. Слева, на северном берегу острова Кунашир, вблизи которого они держались, возвышалась величественная гора. Она имела форму двух срезанных сопок, выходящих одна из другой, и напоминала собою искусственный обелиск.

— Это известный пик Антония, высотой больше семи тысяч футов, — пояснил командир, глядя на карту.

Матрос, сидевший сложа руки под парусом, ответил ему:

— Вот гора! Как настоящий памятник!

— Смотрите — маяк перед ней торчит, как спичка перед телеграфным столбом, — сказал его сосед, указывая рукой на шестиугольную белую башню.

Сидевший на носу вперёдсмотрящий матрос Леконцев негромко вскрикнул:

— На берегу вижу сигналы флажками. Час заметили японцы.

— Это, вероятно, их телеграфный пост, — заметил командир.

При этих словах все люди, как по команде, пригнулись на сиденьях, а бот, как бы выполняя их желание, продолжал идти своим путём. Но почему-то погони за ним не было. Очевидно, японцам и в голову не могла прийти мысль, что русские могут очутиться в таком глубоком их тылу, в необжитой, суровой местности.

Опасность встречи с японцами миновала. Бот, подгоняемый попутным ветром и течением, мчался по волнам, как на гоночных соревнованиях. Всех удивило — почему при входе в пролив течение было в обратную сторону, а теперь, словно смилостивившись над моряками, оно несло их вперёд.

— Как на тройке скачем по ухабам! — воскликнул кто-то на носу, а голос с кормы ему ответил:

— Так мы через два дня будем на Сахалине чай пить.

Скоро маяк остался позади едва заметной белой вышкой, и только огромный пик Антония, упиравшийся в небо, всё ещё хорошо был виден издали. Проходя мимо северного берега острова Кунашир, моряки смотрели на голые отроги трёх горных кражей, на лесистые ущелья между ними и долины.

Отдыхая под парусами и развлекаясь открывающимися новыми видами природы, люди начали забывать о перенесённых испытаниях трудного пути, но невзгоды как будто подстерегали их каждый раз внезапно. Началось странное явление — ветер постепенно слабел, а зыбь ещё больше увеличивалась. На середине пути в воздухе наступило полное затишье, паруса повисли, как тряпки, и бот совсем остановился. Но кругом, на всем пространстве пролива между островами, вода бурлила, как кипяток в кастрюле на жарком огне. Здесь не было правильного чередования волн, какие обычно ходят по морю. Короткие и крутые, как будто выталкиваемые снизу, они дыбились на высоту до двадцати пяти футов и, как лохматые великаны, с яростью обрушивались друг на друга, дробясь и обдавая людей солёными брызгами.

Всё это происходило оттого, что здесь сталкивались два противоположных течения: холодное — с Охотского моря, другое — тёплое — со стороны Великого океана. Таким образом, океан и море вели здесь вековую борьбу. Много морей уже поглотил Великий океан и ещё хотел поглотить одно, но оно отгородилось от него Курильской грядой.

В этом сражении море выдвинуло против океана острова, точно неприступные крепости, а проливы между ними были ареной ожесточённой схватки. Утлый бот с русскими моря-

ками попал здесь в спор стихий и на себе ощущал бушующую войну течений, напиравших друг на друга с двух сторон — от моря и океана. Он повертывался, крутился, плясал на волнах, но не двигался с места, как будто стоял на приколе.

— Опять мы в мёртвом пространстве! — с досадой сказал командир.

Моряки поняли, что дело их плохо, и начали усиленно грести. Однако они не могли на вёслах справиться с напором воды, чтобы направить бот по своему пути: он болтался, как чурка в проруби. Многих из команды это приводило в отчаяние, они не знали, что делать, как не знали и того, долго ли будут находиться в таком положении. Была угроза, что бот может развалиться. Часть людей отливала воду, другие поправляли те места в пазах, где ослабла конопатка.

<...>

В море бот шёл под одними парусами. Ветер разгуливался, а через три часа плавания достиг шести баллов. Волны, усиливаясь, вкатывались через бот. Ночью люди не гребли, но устали больше, непрерывно отливая воду.

Утром, оглядываясь, они с удивлением заметили, как недалеко от них были берега. Вершины гор издали казались ещё выше, чем они были вблизи. А с левого борта заманчиво и близко виднелась большая земля. Командир знал, что это был остров Иезо⁵⁴ с удобными бухтами, где можно укрыться и запастись пресной водой. Но подойти к нему, густо населённому японцами, означало верный плен.

Бот шёл дальше. Берега скрывались с глаз. Впервые люди очутились в открытом море. И для них, обессиленных уже раньше, медленно зачередовались дни и ночи, без сна и отдыха, то обнадеживающие, то угрожающие. Жизнь на боте, у которого не была окончательно устранена течь, зависела от капризов погоды, а она постоянно менялась. Когда окутывал море густой туман, плавание продолжалось вслепую, и не было возможности определить своё место. Ветер, меняя своё направление, иногда как бы сочувствовал несчастным скитальцам и гнал их по курсу, а иногда как бы становился поперёк дороги и не пускал их вперёд. В особенности им досталось в нордовый шторм. Обдавая ледяной стужей, он отбросил их назад на десятки миль. Всем казалось, что наступил конец. Эта мысль особенно пугала их потому, что им ничего не было известно о

первой партии, отправившейся на Сахалин, и они считали её погибшей. Они тоже ждали такой же участи. Но бот каким-то чудом пока уцелел, и окоченевшие на нём люди всё ещё копошились, находясь по пояс в воде и не переставая отливать её за борт. Не было покоя и во время затишья — приходилось грести. В тесноте нельзя было прилечь, ни вытянуть одеревеневших ног. Даже в те редкие часы, когда можно было бы соснуть, люди сидели и, скорчившись, только дремали. С тех пор как они оставили остров Уруп, на них ни разу не просохла воглая⁵⁵ одежда, и они мокли в солёной воде, как в рассоле. Тела их сморщились, посинели.

Команда угрюмо молчала. А если кто начинал говорить, то другие не сразу поддерживали его, словно не понимая, о чём речь. В словах слышались думы об иной жизни, чем на этом жутком боте.

<...>

С каждым днём положение команды ухудшалось. Истощались последние силы. А кругом ничего не было видно, кроме мутного неба и колышущейся поверхности моря. Напрасно взоры, устремлённые вперёд, искали землю. Остров Сахалин, служивший только местом ссылки за тяжкие преступления, а этих моряков манивший как желанный приют, не показывался, словно навсегда исчез в бесконечном водном пространстве. Холодом, греблей, жаждой, недоеданием, бессонницей, постоянным отливанием воды из бота, ожиданием гибели в волнах люди были доведены до иступлённого отчаяния. Они потеряли представление о времени и, очнувшись от забытья, не знали, какая часть дня проходит пред ними — вечер, утро или полдень. Некоторые из них начинали бредить.

Командир не работал, но и у него был вид замученного насмерть человека. Он ел и пил наравне с командой, нисколько не увеличивая себе порции, а спал меньше других, боясь сбиться с курса. Плохое лицо его посерело, обросло чёрной щетиной, глаза потеряли прежний блеск и потускнели, словно налились мутной водой. С трудом открывая тяжелевшие веки, он подбадривал своих подчиненных, доказывая, что скоро покажется на горизонте Сахалин.

И бот даже при затихшей погоде, под одними только вёслами, хоть медленно, но двигался вперёд. Лунной ночью 1 июля заметили черноту на горизонте. Это была земля. Неясный вид

⁵⁴ Иезо, Иедзо — так называли в XIX веке остров Хоккайдо.

⁵⁵ Воглый — сырой, влажный.

её возвращал людей к жизни. Бот подходил ближе, и командир пояснил:

— Вот и Сахалин. Узнаю мыс Анива, Корсаковск — за ним недалеко. Надо взять левее. Обойдём его, и мы — дома.

Бот начал под парусами огибать два высокие утёса, разделённые отлогими ущельем. От этого мыс выдавался в море седлом. Когда он оказался на правом траверзе⁵⁶, командир приказал повернуть вправо и направиться в глубь залива. Свежий встречный ветер не унимался, и бот, лавируя, очень медленно шёл вперёд. Это шатание из стороны в сторону увеличивало расстояние до Корсаковского поста в несколько раз. Люди видели берега родины, они казались такими близкими, но только около шести часов вечера 3 июля бот под вёслами приблизился к мысу Эндум. Отсюда было видно, что на рейде стоят суда. Все были уверены, что тут могут быть только русские корабли. Надеждой загорелись глаза — не напрасно люди перенесли столько мучений и страданий. Мечтали они были уже на берегу, но командир вернул их к действительности, громко выкрикнув:

— *Табань*⁵⁷! Назад! Вижу японские флаги! Корабли не наши!

Матросы с тревогой молча всматривались в корабли, на которых можно было различить флаги Восходящего солнца.

Повернув обратно, бот пошёл в сторону вдоль берегов — подалее от Корсаковского поста, и приткнулся на отмели против Савиновой пади. С кормы поднялся командир Трегубов. Сделав шаг от борта, он упал в воду и растянулся на ней лягушкой. От долгого неподвижного сидения его ноги свело судорогой. Помочь подняться ему было некому, матросы были ещё слабее его от непосильной работы. По мелкой воде от бота до берега большая часть людей ползла на четвереньках, некоторые пробовали брести вброд, но и они скоро валились с ног. За двенадцать дней плавания на боте в неподвижности и тесноте у них распухли ноги.

В момент их высадки на берегу никого не было видно. Но через несколько минут от посёлка в четыре избы к ним направился человек.

— Сейчас от него узнаем, почему тут очутились японские корабли, — сказал командир, вставая, и тут же шатнулся, беспомощно опускаясь опять на землю.

Высадившаяся команда с удивлением рассматривала при-

ближавшегося к ним человека в странном одеянии. Особенно поражало всех птичье оперение этого высокого, кудлатого и горбоносого старика. На нём были портки из птичьих ишурок, на ногах — бахилы из горла морских львов. Быстрой и лёгкой походкой он шёл к морякам, глядя на них чёрными глазами, игривый блеск которых очень оживлял его бородатое лицо типичного южанина.

— Черкес, наверно. Как его сюда занесло? — проговорил тихо матрос Кучеренко.

Старик ласково поздоровался с командой, улыбнулся и поспешно с кавказским акцентом заговорил:

— Видал, как выпалзывали на берег. Тадал, гадал, думаю, так и есть. Наши матросы, раненые. Конечно, под Цусимой искалечены. Полтора месяца прошло, а вы всё плыли. Как это оттуда на лодке вы могли сюда добраться? Удивительно.

— О какой Цусиме вы говорите? — спросил командир.

— А как же! Вы же в Цусимском бою были? Говорят, ужасное дело было!

— С нами хуже боя получилось. Еле выжили. А ты, дедушка, скорей скажи нам, не слыхал ли что-нибудь о нашей эскадре?

Этот вопрос мучил команду во время всего пути. И сейчас, ожидая ответа, моряки напряжённо уставились на старика. А он настороженно оглядывал незнакомых ему людей. Очень подозрительна была их худоба — кожа да кости, в морской форме. По тому, как некоторые из них таранили на него лихорадочно блестящие глаза, а другие замерли в застывших позах с мертвенно бледными, изнеможёнными, грязными и обросшими щетиной лицами, — они могли ему показаться безумцами. Но тут же, как бы что-то сообразив, старик покачал седой головой и заговорил:

— Эге, да вы, видать, ничего не знаете. А ведь большой морской бой был при Цусиме. Наши разбиты. Два адмирала — Рожественский и Чебогатов — в плену. Только три корабля дошли до Владивостока. Народу-то нашего сколько погибло! Сперва никто не верил. Потом уже в газетах прочли.

Эта страшная весть ошеломила моряков. Они долго молчали, не в силах выговорить слова от потрясения. Оправившись от первого впечатления, моряки начали расспрашивать о подробностях боя. Вторым, не менее сильным ударом для них было сообщение старика о занятии японцами неделю тому назад Сахалина.

О себе старик рассказал, что он — грузин, политический ссыльный. С молодости он отбывал на Сахалине долговременную каторгу. Остался здесь поселенцем...

⁵⁶ Траверз — направление, перпендикулярное курсу судна.

⁵⁷ От глагола «табанить» — грести в обратную сторону.

Вопросы и задания:

1. Какие топонимы Сахалинской области обнаруживаются в приведённом отрывке? Каково их назначение в художественном повествовании?

2. Какие морские термины и понятия использует в художественном повествовании А. С. Новиков-Прибой? Ясны ли эти слова из контекста или требуют специального уточнения? В книгах писателя очень много технических подробностей и разного рода пояснений. Усложняет ли это восприятие художественного материала?

3. В романе «Цусима» упоминается русский флотоводец З. П. Рожественский (1848–1909). Как описан флотоводец А. С. Новиковым-Прибоем и чем знаменит этот человек?

4. Познакомьтесь выборочно с такими произведениями, как «На японской войне» (1906–1907) В. В. Вересаева и «Трилогия Цусимы» (1906–1909) В. И. Семёнова. В чём близость восприятия событий Русско-японской войны разными писателями?

5. В каких ещё произведениях русской и зарубежной культуры описывается Цусимское сражение? По возможности посмотрите два японских фильма, посвящённых этому событию: «Битва в Японском море» (1969) Сэйдзи Маруямы и «Цусимская битва» (1975) Нагисы Осимы. В чём отличие трактовки Цусимского сражения в описании А. С. Новикова-Прибоя и японских кинематографистов?

Литература:

Анисарова, Л. А. Новиков-Прибой / Л. А. Анисарова. — М. : Молодая гвардия, 2012 ; Красильников, В. А. А. С. Новиков-Прибой: Жизнь и творчество / В. А. Красильников. — М., 1966 ; Щербина, В. А. С. Новиков-Прибой (1877–1944) : критико-биографический очерк / В. Щербина. — М. : Советский писатель, 1951 ; и др.

§ 12. РАССКАЗ АНАТОЛИЯ ТКАЧЕНКО «МЫС РАМАНОН»

1. Биографические сведения

Анатолий Сергеевич Ткаченко (1926–2009) родился в селе Грибское Амурской области в казачьей семье, затем жил в эвенкийском посёлке Тугур на Охотском побережье. В годы войны Ткаченко служил в армии радистом. В 1958 году он приехал на Сахалин, где работал редактором книжного издательства. Пришёл в литературу Ткаченко как поэт, а позже целиком посвятил себя прозе, сделав своим любимым жанром рассказ. Рассказы и повести Ткаченко с удовольствием читаются и детьми, и взрослыми. Несмотря на то, что большую часть своей жизни А. С. Ткаченко провёл за пределами острова, Сахалин он называет своей «литературной родиной». Именно на Сахалине были изданы его первые книги, именно сахалинская природа и её люди вдохновляли писателя.

2. Главный герой рассказа

«Мыс Раманон» был написан в 1961 году. Герой рассказа — Петька Трушин, который учится в поселковой школе и живёт вместе с семиклассником Глебом Самохиным у бабки Сидорченки. Семья мальчика далеко: его отец служит на маяке начальником. Только летом Петька может жить на маяке. Он очарован всем, что его окружает. В представлении Петьки Татарский пролив и каменистый утёс — Старики, враждующие друг с другом при молчаливом свидетеле — Маяке. Мальчик рад описать в школьном сочинении всё, что видел и испытал летом. Но рассказ о летних каникулах учительница оценила двойкой.

Сможет ли Петька Трушин написать сочинение «как положено», где море будет «именем существительным неодушевлённым»? Или мыс Раманон и Татарский пролив останутся живыми? На эти вопросы ответит рассказ Ткаченко.

3. Географическое название рассказа

Место, где живёт семья Петьки Трушина, действительно существует на карте Сахалина и Курильских островов. Мыс Ламанон (а не Раманон, как в рассказе) находится на западной стороне Сахалина и омывается водами Татарского пролива. Своё название эта географическая точка получила от француз-

ского мореплавателя **Жана Лаперуза** (1741–1788) в 1787 году в честь натуралиста **Поля Ламанона** (1752 –1787).

Мыс Ламанон образует выступ, на котором и расположен маяк – высокая башня на берегу, которая своими огнями служит ориентиром для судов. Маяки удалены от крупных поселений, но на них всегда живут люди. Смотрители маяков предельно внимательны во время морских бурь – ведь свет маяка может быть необходим для спасения больших и малых кораблей. Маяк на мысе Ламанон был построен ещё японцами, которые из-за особенностей своего языка называли это место Раманонем, как и в рассказе Ткаченко.

МЫС РАМАНОН

Стелла Ивановна сказала:

– Ребята, напишите сочинение. Расскажите, как вы провели лето, что видели, где жили.

Она села и раскрыла книжку, но читать раздумала. Вырвала из тетради листок и стала рисовать. Она всегда что-нибудь рисовала: чаек, деревья, горы...

Летька Тпрушин смотрел на её чёрные опущенные ресницы, розовые губы, щурился маленькому солнцу на её золотых часах и думал. Думал, что очень красивая досталась пятиклассника учительница, пожалуй, такая же, как у капитана с «Оскола» жена, только та в голубых брючках ходит и папиросу курит.

И звать Стелла Ивановна. Что такое Стелла? Наверное, очень красивое что-нибудь. Потом думал Летька о сочинении, и, когда, учительница понемногу забылась, он начал писать.

«Татарский пролив – старик, он из воды весь и с белой бородой. Мыс Раманон – тоже старик, только каменный и зелёные волосы (из травы) имеет. Третий – Маяк, белый, высокий и светит по ночам сильным прожекторным глазом. Старик Татарский пролив – шумливый, как пьяный мужик, и кидается всегда на старика Раманона. Бьёт его кулаками и опутывает белой бородой. Старик Раманон ворчит, кричит и не сдаётся. <...> Дерутся эти два старика, чего они делают – никто не знает. Не знает и старик Маяк. Он всё смотрит по ночам одним глазом, старается распознать что-то и никак не может и мигает парходам, чтобы знали, что здесь дерутся два старика, и не подходили близко. <...> Скоро, на эту или другую ночь, старик Татарский пролив сначала зашумит, заворчит, а потом набросится на каменного Раманона, будто вспомнит какую-то злость. А Маяк про себя улыбается – он-то всегда не верил – и смотрит на двух страшных стариков и, наверное, догадывается про что-то...».

Зазвенел звонок, резко, громко, так, что Летька Тпрушин вздрогнул и ткнул в тетрадь пером – получилась жирная точка. Летька глянул на Стеллу Ивановну – она медленно поднималась, не отрывая глаз от книжки и одёргивая рукой кофточку. Маленькое солнце на золотых часах мигало, как луч крошечного маяка. Сейчас она скажет: «Дежурный, собери тетради!» И Летька быстро дописал: «Вот так я прожил лето».

<...>

Перед уроком русского языка всем раздали тетради. Не было Летькиной, и не получила свою тетрадь Зиночка, такая беленькая худенькая девочка по прозвищу «Льдинка». Она очень волновалась, испуганно мигала большими глазами, царапала ногтями крышку парты. Летька решил, что его тетрадь просто забыли.

Пришла Стелла Ивановна, принесла книгу и две тетради. Книгу и одну тетрадь бросила на стол, вторую раскрыла, близко поднесла к глазам: она была немножко близорука. Сразу и сердито стала читать:

«Татарский пролив – старик, он из воды весь и с белой бородой. Мыс Раманон – тоже старик, только каменный и зелёные волосы (из травы) имеет. Третий – Маяк, белый, высокий и светит по ночам сильным прожекторным глазом. Старик Татарский пролив – шумливый, как пьяный мужик, и кидается всегда на старика Раманона...».

Стелла Ивановна замолкла, насупленно оглядела весь класс и тихо выговорила:

– Что за старики? Камни – старики, волны – старики. Может быть, ты сам, Тпрушин, старик?

– Старик! – взвизгнул от радости кто-то на задней парте, и Летька вздрогнул: прозовут ещё.

– Старик, старик! – захихикали ехидные девочки.

– Кто назовёт одушевлённые и неодушевлённые предметы? – спросила Стелла Ивановна.

Поднялось много рук, а робкие девочки на разные голоса шёпотом выговаривали: «Я... я... я...».

– Видишь, Тпрушин, все знают.

Стелла Ивановна взяла тетрадь Зиночки-льдинки, полистала, слегка притопнула носком чёрной лакированной туфли, требуя тишины.

«Летом я жила у бабушки. У бабушки есть огород. На огороде растут лук, морковь, огурцы и капуста. Я поливала грядки, помогала бабушке. Лук, морковь, огурцы и капуста выросли хорошие. Мы с бабушкой солили капусту. Потом ходили за грибами. В лесу пели птицы...».

Дальше Зиночка рассказывала, как они с бабушкой мариновали грибы, варили брусничное варенье и вывязали к зиме Зиночке варежки и носки. Своё сочинение она кончила предложением: «Поправилась я на 1 кг».

Петьке понравилось сочинение. И всем понравилось – такое чистое, без ошибок, такое нежное, как сама Зиночка. Петькин сосед, Василь Стёпин, молчаливый и всегда какой-то немножко заспанный, не вытерпел, толкнул локтем:

– Учись, Старик.

Передали Петькину тетрадь, и, пока, она шла от парты к парте, все заглядывали в неё. Петька тоже посмотрел двойку, большую, жирную, по ней несколько раз прошёлся карандаш, подумал: «Такую ставят, пожалуй, когда очень сердятся».

Стелла Ивановна навела тишину, сказала:

– Ребята, а теперь попробуем написать о родителях, кто они, где работают, как вы им помогаете дома. Лучшее сочинение вывесим в классной стенной газете.

Она села, раскрыла книгу, взяла карандаш. Петька так долго смотрел на неё, что она почувствовала себя неловко, подняла голову и, хотя Петька уже опустил глаза, уверенно проговорила:

– Пиши, Трушин.

Петька перелистнул страницу, чтобы не видеть двойку, погладил рукой белую прохладную бумагу, подумал о Зиначкином сочинении и начал так:

«Летом я живу у отца и матери. У отца есть огород. На огороде растут картошка и капуста. Огурцы не могут вырасти, их съедает туман». Петька подумал и вычеркнул «съедает»: туман – неодушевлённый предмет; написал: «Огурцы не могут расти от тумана. Я поливаю капусту, а картошка сама вырастает. Её только полоть надо и окучивать тоже. Отец не любит полоть. Всё мамка тяпает да я немножко. Ещё я рыбачить люблю. В речке ловлю форель, а в море – окуней. Если из окуней и форели сварить уху, адмиральская уха получается. Отец боцманом служил, он знает, чем питаются адмиралы. Лучшие я про отца по порядку расскажу. Он давно, ещё когда меня не было, боцманил на «Осколе» – такое судно, которое по маякам ходит, продукты развозит. И вот тогда, давно, пришёл «Оскол» на Раманон. Это никакой не старик Раманон, а просто мыс так называется, говорят, такой мореплаватель был. Пришёл «Оскол», и отец на маяк продукты повез на шлюпке, там мелко около берега. Привез и мамку мою увидел. Нет, не мамку тогда ещё, а просто дочку хромого моториста Инокентьева. Она красивая была, такая вся... симпатичная. И гла-

за тоже приятные. Наверно, как вы, Стелла Ивановна. Потому что папка сразу влюбился в неё. Говорит, поедем на ту сторону Татарского пролива (который тем более не старик). Поедем, говорит, в город жить. А хромой Инокентьев отвечает: «Не можешь она поехать в город, мы потомственные маячные, на разных маяках служили, и тут нам хорошо. И мамка моя, тогда ещё просто дочка Инокентьева, говорит: «Не брошу отца, он у меня последний родной». Боцман, значит, мой отец, уехал от злости. А на другой год опять приехал (это судно «Оскол» раз в год по маякам ходит), увидел опять мамку и совсем влюбился, как говорят мореманы, пошёл ко дну. И вовсе не ко дну, а перетащил на Раманон свой чемодан и поженился. <...> Потом я родился на свет. Это хорошо, что я родился, потому что без ребёнка – какая семья? <...> Так и получилось – из-за меня отец маячным начальником стал. <...> Природа здесь хорошая и свежего воздуха много. Мне нравится. И огороды здесь можно иметь хорошие. Всё больше мы с мамкой огородничаем, папка у нас терпеть не может это сельское хозяйство. И правильно. Моряк должен море пахать. А я помогаю, поливаю капусту, картошка сама растёт. И рыбачить ещё люблю, форелька здорово ловится на красного червяка... И грибы у нас есть, и птицы тоже поют в лесу. А поправился я на 3 кг».

Мья-то рука потащила за край Петькину тетрадь. Он глянул – дежурный стоял у парты с горой тетрадей, ждал, когда Петька поставит точку. Петьке хотелось перечитать сочинение, но все шумели, хлопали партами, Стелла Ивановна уже не читала книгу, а смотрела в окно и нетерпеливо хмурилась. Вероятно, был звонок. Петька сразу забыл про всё, что написал, бросил дежурному тетрадь и побежал за Василием Стёпиным – дать ему в коридоре одну горячую за Старика.

<...>

Петька любил географию. И Стелла Ивановна, наверное, тоже любила географию, потому что она рисовала на клочках бумаги колючие горы, пушистые деревья и чёрные, как змейки, речки. Петька видел её рисунки, когда выходил к доске, а раз подобрал после урока две сопки, два дерева и кусочек ручья. Сложил вместе – получилась картинка; внизу было написано: «Весна». Ещё Стелла Ивановна рисует море: проведёт черту, снизу затушеует всё, а сверху крючков наставит – это чайки. Может, Стелле Ивановне лучше быть географичкой? Тогда бы она на доске рисовала.

За окном идёт снег, белый на чёрную землю. Если долго смотреть, то слепнут глаза. К нижним стёклам уже налипли снежинки – получились зеркала, в них можно смотреться. Ког-

да первый снег — делать ничего не хочется; надо просто бегать по двору или сидеть и смотреть в окошко.

Стелла Ивановна говорит:

— Учение о звуках называется фонетикой. Слова нашей речи состоят из звуков. Например, слово «ты» состоит... — она подходит к окну, на минуту замолкает, щурится, — состоит из двух звуков: «т» и «ы», а слово «дом»... — Она выводит на доске «дом», снова подходит к окну; тёмное платье у неё испачкано спереди мелом, и кажется, что оно осыпано снежинками. — В образовании звуков речи, — тихо говорит Стелла Ивановна, — участвуют лёгкие, дыхательное горло, гортань...

Летяга вздыхает с шипением, «согласным звуком» смотрит в свою тетрадь. Под сочинением красным карандашом красивыми сердитыми буквами написано:

«Мто за чепуха? Чтоб этого больше не было?».

Правильно написано. Только почему двойки нет? Надо бы и двойку, ещё пожирнее первой. Летяга не обидится. Сам виноват: начнет сочинение, а потом чепуха всякая лезет. Надо же просто: «У бабушки был огород...». <...> Летяге хочется попросить Стеллу Ивановну, чтобы она никогда не заставляла его писать сочинения. Пусть ставит двойку. Он как-нибудь исправит на диктанте или по устному. Летяга и сам не станет больше писать. Всё равно у него не получается, как у Зиночки-льдинки. Её сочинение вывешат в стенгазете. Умно у неё про родителей, всё по порядку: сначала они перевыполняют план на рыбоколбинеате, потом дома отец читает газету, а мать готовит ужин, потом они проверяют Зиночкины тетради, потом Зиночка помогает им мыть посуду... И никакой чепухи. Даже у Василя Стёпина «З» в тетради. Он на тройку сочиняет. Из него тоже может со временем выйти писатель. Он такой сонный и тихий, будто всегда про себя сочиняет.

Летяга вздохнул отрывисто, без шипения, подумал: «гласным звуком». Гласными охают девчонки, когда получают двойки, гласными они кричат, когда их хватают за косы.

Шёл тихий снег, и Стелла Ивановна тихо говорила про гласные и согласные. Её слова, такие маленькие и чистые, падали, как снежинки. Она, конечно, не любила русский язык. Ей бы только географию да географию... Вот бы приехала на Раманон — там действительно география!

Как рассказать ей про Раманон? Подойти Летяга не сможет, сразу вспотеет и замолчит. Если бы написать без чепухи, как Зиночка. <...>

Летяга колеблется: писать или не писать?... А сам видит ручей — тот самый, из которого на Раманоне берут воду, на

перекате вскипает пена, ветер выбеливает ею берег, а в струях, если наклониться и пить, мелькают форели.

Он вырвал из середины тетради листок, перегнул пополам, чтобы меньше стал, положил в раскрытый учебник русского языка и, много раз ткнув в него сухим пером, начал писать:

«Стелла Ивановна, вы, наверное, любите географию. Приезжайте на Раманон. Раманон настоящая география. Там всё география. И такие ручьи есть, как вы рисуете на бумажках. Только они не чёрные, они зелёные, и форелька в них плавает. А деревья пушистые, как у вас бывают, когда иней на них насыдет. И сопки такие колючие весной, потому что листьев ещё нет. Мой дед, хромой Инокентьев, говорит, будто листья проклёвываются от любопытства — посмотреть, какое солнышко и какая земля. Когда я был маленьким, я думал, что в каждой почке сидит липкий зелёный птенчик, а потом стал думать, что по лесу летают птицы и проклёвывают почки. На Раманоне первый пускает листья тальник в обраге, за ним — ольха. Берёза и тополь зеленеют, когда я уже из школы приеду. Дед всегда говорит: «И берёзы рады тебе, вишь, как наряжаются». Это он по малограмотности, я-то знаю, что деревья неодушевлённые. Вы, Стелла Ивановна, когда приедете, не очень с дедом разговаривайте: он отсталый. Пусть только сделает свисток из медвежьей дудки, это он здорово умеет, и всё. Отец — другое дело, отец на «Осколе» служил. Он сам покажет маячную башню. Поднимитесь когда, голова закружится. Линзу посмотрите, на ней написано: «Париж, 1895 г.». Даже без света на неё больно смотреть, такая блестящая. Хрустальная вся. А я покажу вам пещеру под Раманоном, которая похожа на рот, там в прилив грохочет вода, отрываются камни. Там можно найти потом живого краба, серого, лохматого, и сварить его на берегу в ведре с морской водой. Краб станет красный и красивый. Надо ломать его лапы, ножом резать панцирь и кушать мясо. Вкусное мясо, вкуснее даже, чем в банках, которые «Снатка»⁵⁸ называются. Вечером тоже бывает красиво, когда в Татарский пролив солнышко тонет и ветер траву на Раманоне гладит, будто волосы ему гребешком чешет. А потом линза на маяке шевельнётся, потихоньку поведёт глазом, и загорится маяк. Мигнёт в море, посмотрит: в порядке ли там всё, отдохнёт немножко и ещё посмотрит. Он, конечно, неодушев-

⁵⁸ «Снатка» — название популярных в советское время консервов из крабов.

лённый, маяк, но так кажется. Вы, Стелла Ивановна, будете сидеть и мечтать про географию... Приезжайте на Раманон. Добраться легко. Сначала на катере, потом на машине, переплывём речку, потом пешком 10 километров. Ерунда!»

Три дня Петька носил в ранце письмо. На четвёртый, когда они с Тлебом, полёрзнув на речке, принесли домой полмешка корюшки, Петька вспомнил про него. Достал и дал прочитать Тлебу. Руки у Тлеба ещё не отошли с мороза, он держал их в карманах и читал, согнувшись вопросительным знаком над столом.

На кухне трещало, лопалось масло – бабка Сидорченка жарила корюшку.

– Чувак! – сказал Тлеб. – Ты что, девчонка, что ли? Художественный рассказ развёл!

Он сходил на кухню, принёс спички, чиркнул скрюченными, синелыми пальцами, поджёг письмо. Оно вспыхнуло, осветило сердитое лицо Тлеба, и сухой пепел, лопаясь, тлея, рассыпался по комнате.

Вопросы и задания:

1. Рассказ А. С. Ткаченко «Мыс Раманон» – это история для детей или о детях? Обоснуйте свой ответ.

2. Как использует писатель в рассказе «Мыс Раманон» жанр школьного сочинения и письма? В каких ещё произведениях русской литературы XX века о детях присутствуют эти жанры?

3. Дайте общую характеристику двух главных героев рассказа – Петьки Трушина и его учительницы Стеллы Ивановны. Можно ли назвать этих героев антиподами? По каким чертам можно противопоставить ученика и его любимую учительницу?

4. Знакомы ли вы с повестью В. Г. Распутина «Уроки французского» (1973) или с его экранизацией? Можно ли сравнить героев рассказа А. С. Ткаченко «Мыс Раманон» с героями книги В. Г. Распутина? Известны ли вам другие произведения русской или зарубежной литературы, где описаны взаимоотношения учеников и учителей? Назовите эти произведения. Возможно ли проведение сюжетных параллелей этих книг с рассказом А. С. Ткаченко?

Литература:

Леонов, Ю. Памяти Анатолия Ткаченко // Литературная Россия. – 2009. – 6 марта. – С. 2 ; Краткая литературная энциклопедия / редкол.: А. А. Сурков (гл. ред.) [и др.]. – М., 1972. – Т. 7. – С. 523 ; и др.

§ 13. ПОВЕСТЬ ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА «ПЕГИЙ ПЁС, БЕГУЩИЙ КРАЕМ МОРЯ»

1. Посвящение, сюжет и герои повести

Творчество Чингиза Торекуловича Айтматова (1928–2008) не нуждается в особом представлении. Книги писателя широко известны во всём мире. Айтматов писал на двух языках – русском и киргизском, но большая часть любившихся читателям произведений написана по-русски. На русском языке создана и повесть «Пегий пёс, бегущий краем моря» (1977), которая была написана за короткий промежуток времени – с декабря 1976 по январь 1977 года. Над повестью писатель работал в киргизском селе Байтик. Основному тексту этой истории предшествует лаконичное посвящение – «Владимиру Санги». Сюжет повести был подсказан писателем и поэтом **Владимиром Михайловичем Санги** (род. 1935), поведавшим Айтматову историю о нивхском мальчике и его взрослых спутниках. Оказавшиеся в открытом море и не имеющие никаких ориентиров, нивхские охотники, двигаясь на лодке вслед за пролетающей птицей, смогли по истечении нескольких дней вернуться домой. Однако эта реальная история в художественном воспроизведении Айтматова претерпела сильные изменения.

В повести Айтматова отчётливо представлены две пересекающиеся по сюжету тематические линии – мифологическая и фактическая (событийная, реальная). В мифологической истории рассказывается об утке Лувр, сотворившей землю, и о Великой женщине Рыбе – прародительнице нивхов. В фактической части повествуется о первом выходе в море мальчика Кириска с опытными охотниками – стариком Органом, дядей Мылгуном и отцом Эмрайином.

Путешествуя в поисках добычи от одного маленького острова к другому, мужчины попадают в густой, плотный туман, который длится несколько дней. Герои отчаиваются: они могут не вернуться домой, бескрайнее «пустынное море» не даёт им шансов на спасение. Положение охотников усугубляется отсутствием питьевой воды. Жажда, неизвестность и ощущение безысходности толкают мужчин на добровольную смерть – смерть во имя спасения Кириска. Один за другим близкие мальчику люди находят покой в морских волнах: последние глотки оставшейся воды должны достаться мальчику – продолжателю рода.

2. Топонимика повести

Повесть Айтматова, как кажется на первый взгляд, не связана с Сахалином. Название острова ни разу не возникает на всём протяжении текста. Главные герои этой повести — нивхи. И хотя они по преимуществу проживают не только на севере Сахалина, но и у устья реки Амур, вдумчивые читатели обязательно представят себе островную природу и кормящее нивхов Охотское море: «В непроглядной насыщенной летучей влагой и холодом приморской ночи, на всём протяжении Охотского побережья, по всему фронту суши и моря шла извечная, неукротимая борьба двух стихий — суша препятствовала движению моря, море не уставало наступать на сушу».

«Охотское побережье» — это один из немногих связанных с фактическим присутствием в географии Дальнего Востока топоним всей повести. Вместе с этим в повести упоминается ещё и Маньчжурия — далёкое место, в котором нивхи не бывали, но из которого «купцами» привозится любимый соплеменниками Органа табак. Все иные географические названия Айтматова созданы воображением писателя. Пегим псом называется скалистая сопка, похожая на бегущую вдоль моря собаку. Эта сопка служит нивхским рыбакам верным ориентиром для возвращения домой. Олицетворённый Пегий пёс несокрушим и всесилен, он символ жизни, часть родного очага, к которому постоянно устремляются возвращающиеся с охоты мужчины.

«Необитаемые, крохотные скальные островки» — Три сосца: Малый, Средний, Большой — это «три клочка суши», неизменно кормящие нивхские семьи, «три клочка суши», обеспечивающие не только сытной едой, но и отдыхом посреди бескрайнего моря. Пегий пёс и Три сосца для героев повести — земля, на которой они чувствуют себя намного увереннее, чем в море, расширяющемся и уходящем в сторону непостижимого океана.

3. Сахалинская легенда в прозе и стихах

Мифологическая линия повести «Пегий пёс, бегущий краем моря» разворачивается раньше, чем читатели получают представление о фактических действиях героев. «С криком летала утка Лувр — боялась, не удержит, боялась, уронит яйцо в пучину бездонную. И куда бы ни отправлялась утка Лувр, куда бы ни долетала она — везде и повсюду плескались под крыльями волны, кругом лежала великая Вода — вода без берегов, без начала, без конца. Извелась утка Лувр, убедилась: в целом свете не было места, где бы устроить гнездо. И тогда утка Лувр села на воду, надёрнула перьев из своей груди и свила гнездо. Вот с того-то гнезда плавучего и начала земля образовываться.

Мало-помалу разрасталась земля, мало-помалу заселялась земля тварями разными. А человек всех превзошёл среди них — приноровился по снегу ходить на лыжах, по воде плавать на лодке. Стал он зверя добывать, стал он рыбу ловить, тем кормился и род умножал свой».

Так звучит один из фрагментов предания сахалинских нивхов о происхождении земли «БІх-миф» — родины нивхского народа. Спустя более чем десять лет это и другие описания древних преданий, собранных **Владимиром Михайловичем Санги**, благодаря русским переводчикам и поэтам (**Михаилу Давидовичу Яснову**, **Анатолию Сергеевичу Ткаченко**, **Николаю Антониновичу Тарасову**, **Леониду Степановичу Токареву** и другим) появились в стихотворной форме.

Ведомый чувством опасности, которые таит дикая природа, населённая в представлении нивхов злыми духами, Кирис, первый раз отправляясь на охоту со своими родными, старательно запутывает следы, прежде чем догонит ушедших вперёд взрослых мужчин. Однако самые страшные испытания подстерегают героев повести не на суше, а в море.

ПЕГИЙ ПЁС, БЕГУЩИЙ КРАЕМ МОРЯ (отрывок)

Владимиру Санги

В непроглядной насыщенной летучей влагой и холодом приморской ночи, на всем протяжении Охотского побережья, по всему фронту суши и моря шла извечная, неукротимая борьба двух стихий — суша препятствовала движению моря, море не уставало наступать на сушу.

Тудело и маялось море во тьме, набегая и расшибаясь на утёсах. Надсадно ухала, отражая удары моря, каменно твёрдая земля.

И вот так они в противоборстве от сотворения — с тех пор как день зачался днём, а ночь зачалась ночью, и впредь быть тому, все дни и все ночи, пока пребудут земля и вода в нескончаемом времени.

Все дни и все ночи...

Ещё одна ночь протекала. Ночь накануне выхода в море. Не спал он той ночью. Первый раз в жизни не спал, первый раз в жизни изведаль бессонницу. Уж очень хотелось, чтобы день наступил поскорее, чтобы ринуться в море. И слышал он, лёжа на нерпичьей шкуре, как едва уловимо подрагивала под ним земля от ударов моря и как грохотали и маялись волны в заливе. Не спал он, вслушиваясь в ночь...

<...>

Приближалось утро. Ещё одна ночь уходила, ещё один день нарождался. В светлеющем, сероватом сумраке постепенно вырисовывалось, как губа оленя в сизом облаке дыхания, бушующее соприкосновение моря с берегом. Море дышало. На всем вскипающем соприкосновении суши и моря клубился холодный пар летучей мороси, и на всем побережье, на всем его протяжении стоял упорный рокот прибоя.

Волны упорствовали на своём: волна за волной могуче взбегали на штурм суши вверх по холодному и жёсткому насту намывтого песка, вверх через бурые, ослизлые завалы камней, вверх – сколько сил и размаха хватало, и волна за волной угасали, как выдох, на последней черте выплеска, оставляя по себе мгновенную пену да прельный запах взболтанных водорослей.

Временами вместе с прибоем вымётывались на берег обломки льдин, неведь откуда занесённых весенним движением океана. Малые льдины, вышвырнутые на песок, сразу превращались в нелепые беспомощные куски смёрзшегося моря. Последующие волны быстро возвращались и уносили их обратно, в свою стихию.

Исчезла мгла. Утро всё больше наливалось светом. Постепенно вырисовывались очертания земли, постепенно прояснялось море.

Волны, растревоженные ночным ветром, ещё бурунились у берегов беловерхими набегаящими грядами, но в глубине, в теряющейся дали море уже умиралось, успокаивалось, свинцово поблескивая в той стороне тяжкой зыбью.

Расползались тучи с моря, передвигаясь ближе к береговым сопкам.

В этом месте, близ бухты Пегого пса, возвышалась на пригористом полуострове, наискось выступавшем в море, самая приметная сопка-утёс, и вправду напоминавшая издали огромную пегую собаку, бегущую по своим делам краем моря. Поросшая с боков клочковатым кустарниковым разнорослем и сохранявшая до самого жаркого лета белое пятно снега на голове, как большое свисающее ухо, и ещё большое белое пятно в паху – в затенённой впадине, сопка Пегий пёс всегда далеко виднелась окрест – и с моря и из лесу...

Отсюда, из бухты Пегого пса, поутру, когда солнце поднялось высотой на два тополя, отчалил в море нивхский каяк⁵⁹.

⁵⁹ Каяк – небольшая лодка от одного до трёх мест; то же, что и байдарка.

В лодке было трое охотников и с ними мальчик. Двое мужчин, что помоложе и покренче, гребли в четыре весла. На корме, правя рулём, сидел самый старший из них, степенно посасывая деревянную трубку, – коричневолицый, худой, кадыкастый старик, очень морщинистый – особенно шея, вся изрезанная глубокими складками, и руки были под стать – крупные, шишковатые в суставах, покрытые рубцами и трещинами. Седой уже. Почти белый. На коричневом лице очень выделялись седые брови. Старик привычно жмурился слезящимися, красноватыми глазами: всю жизнь ведь приходилось смотреть на водную гладь, отражающую солнечные лучи, – и, казалось, вслепую направлял ход лодки по заливу. А на другом конце каяка, прильнув к носу, как кулик, на самом носу, то и дело мельком поглядывая на взрослых, с великим трудом удерживал себя на месте, чтобы поменьше крутиться, дабы не вызывать неудовольствие хмурого старейшины, черноглазый мальчик лет одиннадцати-двенадцати.

Мальчик был взволнован. От возбуждения ноздри его упруго раздувались, и на лице проступали скрытые веснушки. Это у него от матери – у неё тоже, когда она очень радовалась, появлялись на лице такие скрытые веснушки. Мальчику было отчего волноваться. Этот выход в море предназначался ему, его приобщению к охотничьему делу. И потому Кириск крутил головой по сторонам, как кулик, глядел повсюду с неубывающим интересом и нетерпением. Впервые в жизни отправлялся Кириск в открытое море с настоящими охотниками, на настоящую, большую добычу, в большом родовом каяке. Мальчику очень хотелось привстать с места, поторопить гребцов, очень хотелось самому взяться за вёсла, подналечь изо всех сил, чтобы быстрее доплыть до островов, где предстояла большая охота на морского зверя. Но такие ребяческие желания могли показаться серьёзным людям смешными. Опасаясь этого, он всеми силами пытался не выдать себя. Но это не совсем удавалось. Трудно было ему скрыть свое счастье – горячий румянец отчетливо проступал на смуглых крепких щеках. А главное, глаза, сияющие, чистые, одухотворённые глаза мальчишки не могли утаить радости и гордости, переполнявших его ликующую душу. Впереди море, впереди большая охота!!!

Старик Орган понимал его. Углядывая прищуром глаз направление по морю, он замечал и настроение мальчишки, ёрзающего от нетерпения. Старик теплел глазами – эх, детство, детство, – но улыбку в углах запавшего рта вовремя подавлял усиленным посасыванием полугасшей трубки. Нельзя было открывать улыбку. Мальчик находился с ними в лодке не ради

забавы. Ему предстояло начать жизнь морского охотника. Начать с тем, чтобы кончить её когда-нибудь в море, — такова судьба морского добытчика, ибо нет на свете более трудного и опасного дела, нежели охота в море. А привыкать требуется сизмальства. Поэтому-то прежние люди говаривали: «Ум от неба, сноровка сизмальства». И ещё говаривали: «Плохой добытчик — обуза рода». Вот и выходит: чтобы быть кормильцем, мужчина должен с ранних лет постигать своё ремесло. Пришел такой черёд и Кириску, пора было натаскивать мальчишку, приучать его к морю.

Об этом все знали, все поселение клана Рыбы-женщины у сопки Пегого пса знало, что сегодняшний выход в плавание предпринимался ради него, Кириסקа, будущего добытчика и кормильца. Так заведено: каждый, кто рождается мужчиной, обязан побрататься с морем с малолетства, чтобы море знало его и чтобы он уважал море. Поэтому-то сами старейшина клана старик Орган и двое лучших охотников — отец мальчика Эмрайин и двоюродный брат отца Мылгун — или в плавание, забинувшись заветному долгу старших перед младшими, в этот раз перед ним, мальчиком Кириском, которому предстояло отныне и навсегда познаться с морем, отныне и навсегда и в дни удач и неудач.

Пусть он, Кириск, сейчас мальчишка, пусть ещё молоко материнское на губах, и неизвестно, выйдет ли толк из него, но кто возьмётся сказать, может статься, когда они сами отойдут от дел, превратятся в немощных старцев, именно он, Кириск, будет кормильцем и опорой рода. Так оно и положено быть, так оно и идёт в поколениях, из колена в колено. На том жизнь стоит.

Но об этом никто не скажет вслух. Человек думает об этом про себя, а говорит об этом редко. Оттого-то там, на побережье Пегого пса, никто из людей Рыбы-женщины не придавал особого значения этому событию — первому выходу Кириסקа на добычу. Наоборот, соплеменники постарались даже не заметить, как он уходил в море вместе с большими охотниками. Вроде бы не принимали всерьёз эту затею.

Провожала его только мать, и то, не сказав вслух ни слова о предстоящем плаваньи и не дойдя до бухты, попрощались. «Ну, иди в лес!» — нарочито внятно сказала она сыну, при этом не глядя на море, а глядя в сторону леса: «Смотри, чтобы дрова были сухие, и сам не заблудись в лесу!» Это она говорила для того, чтобы запутать следы, оберечь сына от кинров — от злых духов. И об отце мать не проронила ни слова. Точно бы Эмрайин был не отец, точно не с отцом Кириск отправлялся в

море, а со случайными людьми. Опять же умалчивала потому, чтобы не проведали кинры, что Эмрайин и Кириск — отец с сыном. Ченавидят злые духи отцов и сыновей, когда они вместе на охоте. Погубить могут одного из них, чтобы силу и волю отнять у другого, чтобы с горя поклялся один из них не ходить в море, не вступать в лес. Такие они, коварные кинры, только высматривают, только выжидают случай какой, чтобы вред учинить людям.

Сам-то он, Кириск, не боится злых кинров, не маленький уже. А мать боится, особенно за него страшится. Ты, говорит, ещё мал. Сбить тебя с толку, погубить очень просто. И то правда! Ох, эти злые духи, сколько они бед приносят в малолетстве — болезни разные или вред какой нашьют, покалечат дитя, чтобы охотник из него не вышел. А кому тогда нужен такой человек! Поэтому очень важно остерегаться злых духов, особенно в малолетстве, пока не подрос. А когда человек поднимется на ноги, когда станет самим собой, тогда не страшны никакие кинры. Им тогда не совладать, боятся они сильных людей.

Так и попрощались мать с сыном. Мать постояла молча, затаив в том молчании и страх, и мольбу, и надежду, да пошла назад, не оглянувшись ни разу в сторону моря, не обмолвившись ни словом об отце, вроде бы она и в самом деле ведать не ведала, куда отправлялись её муж с сыном, а ведь сама накануне собирала их в путь, еду готовила с запасом — на три дня плаванья, а теперь прикинулась ничего не знающей, так боялась она за сына. Так боялась, что ничем не выдала тревоги своей, чтобы не учуяли злые духи, как страшится она в душе.

Мать ушла, не доходя до бухты, а сын, петляя по кустам, запутывая след, скрываясь от незримых кинров, как и наказывала мать, — не хотелось огорчать её в такой день, — пустился догонять ушедших далеко вперёд мужчин.

Он быстро догнал их. Они шли не спеша, с ношей, с ружьями, со снастями на плечах. Впереди старейшина Орган, за ним, выделяясь своей фигурой и ростом, плечистый, бородатый Эмрайин, а за ним, косолапо ступая, коренастый, сбитый и круглый, как пень, Мылгун. Одежда на них была обношенная, для моря, вся из выделанных шкур и кож, чтобы тепло держала и не намокала. А Кириск по сравнению с ними выглядел нарядным.

Мать постаралась, давно готовила его морскую одежду. И торбаса и верхняя одежда порасшиты по краям. На море-то к чему это. Но мать есть мать.

— Ух ты, а мы думали, что ты остался. Думали, тебя за ручку домой! — насмешливо подивился Мылгун, когда Кириск поравнялся с ним.

§ 14.
РОМАН ВАЛЕНТИНА ПИКУЛЯ
«КАТОРГА»

— Это почему? Да никогда в жизни! Да я! — Кириск чуть не задохнулся от обиды.

— Ну, ну, шутки не понимаешь, — урезонил его тот, — ты это брось. Ча море-то с кем разговаривать, как не друг с другом. Ча вот, неси-ка лучше! — подал он ему свой винчестер⁶⁰. И мальчик благодарно зашагал рядом.

Предстояла погрузка и отплытие...

Вопросы и задания:

1. Кто такие кинры, о которых упоминает Ч. Т. Айтматов в повести «Пегий пёс, бегущий краем моря»? Какие мифические существа населяют мир в представлениях нивхов?

2. Как реализуется антитеза земли и моря в повести Ч. Т. Айтматова «Пегий пёс, бегущий краем моря»?

3. В чём особенность природных зарисовок Ч. Т. Айтматова в повести «Пегий пёс, бегущий краем моря»? Можно ли назвать эти описания поэтическими? Обоснуйте свой ответ.

4. Посмотрите начало второй части фильма К. С. Геворкяна «Пегий пёс, бегущий краем моря» (1990) по одноимённой повести Ч. Т. Айтматова. Позволяет ли себе режиссёр отступления от сюжетной точности Ч. Т. Айтматова? Найдите информацию о съёмках этого фильма. Как вы думаете, почему фильм снимался на Сахалине и на Курильских островах, а, например, не на материковом побережье Дальнего Востока?

Литература:

Гачев, Г. Д. Чингиз Айтматов: В свете мировой культуры / Г. Д. Гачев. — Фрунзе, 1989 ; Исонов, А. Психологизм современной прозы: На материале творчества Чингиза Айтматова / А. Исонов. — Алма-Ата, 1985 ; и др.

⁶⁰ Винчестер — название охотничьих ружей, выпускавшихся с середины XIX века американской компанией Оливера Фишера Винчестера (1810—1880).

1. Биографические сведения о писателе

Валентин Саввич Пикуль⁶¹ (1928—1990) родился в Ленинграде (в настоящее время — Санкт-Петербург). Отец писателя служил матросом на Балтийском флоте, мать была родом из крестьянской семьи. В подростковом возрасте Пикуль вместе с матерью пережил первую блокадную зиму в Ленинграде. В 1942 году в составе одного из эшелонов он и его мать выехали из окружённого немецкой армией города по Дороге жизни. В 1943 году Пикуль закончил школу по специальности «рулевой-сигнальщик» и был отправлен на Северный флот, где прослужил до окончания войны, унесшей жизни его родителей.

В дальнейшем Пикуль занимался самообразованием, посещал литературный кружок и объединение молодых писателей, которым руководил поэт **Всеволод Александрович Рождественский** (1895—1977). Первые публикации Пикуля состоялись в 1950 году на страницах альманаха «Молодой Ленинград», за ними последовали романы, принесшие писателю вначале всероссийское, а позже и зарубежное признание.

Пикуль — автор многочисленных художественных произведений на историческую и военно-морскую тематику: «Из тупика» (1968), «Пером и шпагой» (1971), «Богатство» (1973), «Фаворит» (1984) и др. По мотивам этих книг сняты кинофильмы, в том числе и телесериалы. Тематический принцип создания романов позволяет писателю объединять некоторые из них в циклы, включающие в себя несколько произведений. Романы Пикуля подвержены критике, иногда писателя обвиняют в отсутствии исторической точности, в следовании за ложными источниками во время работы над рукописями.

2. Книги Пикуля о Сахалине

Один из наиболее известных циклов Пикуля «Оборона» составляют романы о Русско-японской войне 1904—1905 годов. В состав этого цикла входят четыре книги, значительные фрагменты которых посвящены Дальнему Востоку и его истории:

⁶¹ В фамилии «Пикуль» ударение ставится на первый слог.

«Богатство» (1977), «Три возраста Окини-сан» (1981), «Крейсера» (1985) и «Каторга» (1987). На страницах завершающего цикла романа «Каторга» помещён объёмный материал о Сахалине начала XX столетия.

При работе над «Каторгой» Пикуль обращался к различным авторитетным книгам о Сахалине и, прежде всего, к серии сахалинских впечатлений **Власа Михайловича Дорошевича**. Именно поэтому в романе писателя внимательные читатели находят достаточное количество известных песен, пословиц, специальных возникших в условиях каторги слов, которые использовал в своих очерках Дорошевич, описывая уклад жизни ссыльных и поселенцев на острове. Отдельные страницы «Каторги» заставляют вспомнить и «Соколинца» (1885) **Владимира Галактионовича Короленко**, и «Остров Сахалин» (1895) **Антон Павловича Чехова**.

Ещё одним из источников, предшествующих написанию «Каторги», стали воспоминания ссыльного армянского революционера **Соломона Кукуниана** «Последние дни на Сахалине». Имя этого человека и фрагменты из его воспоминаний дважды возникают в произведении Пикуля. Но в отличие от реалистичных очерков Дорошевича, работа Кукуниана содержит в себе спорную информацию и, по мнению историка **Михаила Станиславовича Высокова**, скорее всего, «является обыкновенной мистификацией». То есть содержание таких записок не может быть отнесено к числу книг, отражающих объективную панораму истории Сахалинской каторги.

В жилом массиве Зима в городе Южно-Сахалинске есть улица В. Пикуля. Такая улица появилась как дань памяти писателю, тиражи книг которого, несмотря на неприятие критикой, были очень высокими.

В 2017 году на Сахалине началась работа над фильмом «Каторга» по одноимённой работе Пикуля режиссёром **Олег Викторовичем Червоняком**.

3. Герои романа «Каторга»

При чтении произведений Пикуля следует помнить, что исторические романы писателя не воспроизводят фактический ход истории, а являются авторской интерпретацией тех или иных значимых для России событий. Пикуль, пользуясь средствами литературы, воссоздаёт в художественной форме картины прошлого, действующими лицами которых становятся вымышленные герои. Но поступки и чувства многих из таких героев могут восприниматься как типичные, свойственные людям определённого поколения. Эта тенденция проявляет себя и в романе «Каторга».

В предлагаемом для чтения отрывке из этого произведения Пикуля главными действующими лицами являются юная выпускница Бестужевских курсов⁶² Клавдия Челищева, одержимая желанием облегчить участь заключённых на Сахалине, и инженер-геолог Жорж Оболмасов, намеривающийся открыть собственное дело по добыче нефти на острове. Герои с абсолютно противоположными жизненными устремлениями отправляются в долгое путешествие из Одессы на Сахалин. Но ещё на пароходе «Ярославль» Клавдии Челищевой суждено увидеть своими глазами не только людей, презревших человеческую мораль, но и влюбиться в одного из таких изгоев общества.

Идеализирующий окружающий мир Клавдия попадает под обаяние содержащегося на особых условиях заключения Польшова. Положение этого героя вызывает в девушке естественное стремление помочь и оказать сочувствие. Но ничего не знающая об истинных намерениях арестанта Клавдия становится тайной пособницей несостоявшегося бегства Польшова с корабля.

КАТОРГА (отрывок из романа)

...С начала весны в недорогом номере гостиницы «Лондон» поселилась семья Челищевых, приехавшая из Петербурга, чтобы проводить молоденькую Клавдию Петровну на Сахалин. Мать, убитая горем, уже не снимала чёрного платья, словно несла глубокий траур, она колкала в руке чёрный кружевной платочек.

— Не знаю, не пойму, — часто повторяла она. — Как можно с юных лет безжалостно уродовать свою жизнь?

— Мамочка, — ответила ей Клава, розовощёкая и статная девушка, — ну стоит ли горевать? Нельзя же ведь жить только для себя. Сейчас, как никогда, Россия нуждается в том, чтобы мы, молодые, всюду сеяли «разумное, доброе, вечное».

— Так кто же мешал тебе сеять разумное и доброе в самой России? Зачем тебе взбрело в голову ехать на Сахалин?

— Ах, мамочка, как ты не понимаешь? Бестужевки в России и без меня хватят, но я решила прийти на помощь всем страждущим Сахалина, где живут самые несчастные люди...

⁶² Бестужевские курсы (1878–1918) — неофициальное название Петербургских высших женских курсов, одного из первых женских высших учебных заведений в России.

Мать раскрыла ридикюль⁶³, машинально проверив — не потерялся ли билет на пароход «Ярославль», отплывающий завтра утром с партией арестантов. Впрочем, билет дочери был первого класса, а столоваться она будет в общей кают-компании.

В разговор вмешалась тётка, заметившая сурово:

— Несчастливых полно и в самой России, так стоит ли отдавать свои самые лучшие годы бандитам, вора́м и всяким там прохвостам? Об этом ты, кажется, не подумала...

Молодой кузен в мундире технолога добавил:

— Я думаю, Клаво́чка, если бы ты не окончила Бестужевские курсы, где профессора на лекциях больше либеральничали, проливая слезу над бедным мужиком, тебе бы никогда не пришла в голову идиотская мысль о Сахалине... Порядочные люди не знают, как убежать оттуда, а ты едешь добровольно. Зачем?

К ним в номер заглянул молодой инженер-геолог Оболмасов, который за эти дни ожидания парохода сделался как бы своим человеком в семье Челищевых. Геолог тоже отплывал на Сахалин, но им управляла не бесплатная лирика сострадания к ближнему своему, Оболмасовым руководила, как он сам признавался, «осмысленная идея научно-экономического порядка».

— Сегодня очень хороший вечер, — сказал Оболмасов. — И не провести ли нам его совместно в саду Форкатти⁶⁴?

Мать поправила на его груди значок Горного института.

— Георгий Георгиевич... милый Жорж! — взмолилась она. — Я вижу в вас практичного и благородного человека. Ради всех святых, проследите за моей Клаво́чкой, помогите ей.

Оболмасов поцеловал руку матери, почти любовно он обозрел красоту и стать её дочери.

— Анна Павловна, — отвечал он с выпревшим пафосом, — полюбите меня... Вы абсолютно верно выявили суть моей натуры, и я всегда останусь добрым рыцарем Клавдии Петровны, дабы оградить её прелестную чистоту от всего грязного и позорного, что будет окружать её на Сахалине.

С утра раннего в порту Одессы полицейское оцепление сдерживало громадную толпу провожающих — жён, которые

навсегда б теряли мужей, матерей, которые уже никогда не увидят сыновей, невест, которым суждено выплакать глаза по своим женихам, отсылаемым на сахалинскую каторгу. Сколько тут было слёз, истерик, выкриков, проклятий и заклинаний...

Осади... осади назад! — крикивали гороховые. «Ярославль» уже дымил у причала, иногда постанывавая сиреной, словно желая поскорее оторваться от берегов. Чкало́нец, портовые ворота распахнулись, в окружении конвоиров потянулась серая, галдящая, почти одноликая толпа арестантов. Слышалось надсадноебряканье кандалов, звон жестяных кружек у поясов, хохот и плач, матерная брань и нескромные прибаутки.

<...>

Кла́вдия Челищева и Жорж Оболмасов стояли в стороне, среди немногих пассажиров «Ярославля», ждущих посадки после погрузки арестантов, и, когда толпа каторжан миновала их, оставляя после себя дурной запах, Оболмасов сказал девушке:

— Ах, Клаво́чка! У меня определённые цели на Сахалине потому в этой грязной массе преступных натур я усматриваю для себя лишь рабов для осуществления своих великих целей...

К пассажирам подошёл любезный жандарм:

— Дамы и господа, одну минутку терпения. Сейчас доставят ещё одного «самородка»⁶⁵, после чего начнется ваша посадка.

Подкатила коляска, в которой преступник был стиснут по бокам двумя охранниками. На голове «самородка» расплзлась мятая бескозырка, бубновый туз на спине халата был чуть ли не бархатный, а кандалы излучали нестерпимый блеск, начищенные, видать, от тюремной тоски — ради пуще́го арестантского шика.

Оболмасов авторитетно пояснил Клаво́чке:

— Кандалы-то у него какие! Сверкают — словно бриллианты от фирмы «Фаберже»... Сразу видно особо опасного преступника. Плакой и родную мать придушит. Сама природа озаботилась, чтобы начертать на его лице следы жестокости и самых грязных пороков.

<...>

Чёрное море миновали спокойно, в Константинополе была краткая остановка, чтобы высадить русских мусульман, спешащих на поклонение в Мекку, после чего громадный транс-

⁶³ Ридикюль — женская сумочка на длинном шнуре или цепочке.

⁶⁴ Сад назван в честь Виктора Людвиговича Форкатти (Людвиг; 1846—1906) — драматического актёра. Сад находится в Одессе.

⁶⁵ В тюрьмах самородками называли взломщиков несгораемых сейфов.

порт Добровольного флота тронулся дальше, а жара усиливалась...

Офицеры транспорта, весёлая и беззаботная молодёжь, явно радовались присутствию в кают-компании юной образованной женщины, которая окончила Бестужевские курсы, а перед отъездом на Сахалин сдала ещё и экзамен на фрейдшерину.

— Мы, — говорили ей мичманы, — высоко ценим «души прекрасные порывы». Поверьте, нам порою бывает до слёз жаль эту публику, но... что поделаешь? Служба есть служба.

Слева по борту приветливо мелькнули огни богатого Бейрута, потом долго стелились безжизненные пейзажи Палестины и Синая, дышать в этом зное становилось всё труднее. Офицеры советовали Челищевой одеваться полегче, сами же они, как англичане, ходили в коротких шортах, носили пробковые шлемы.

<...>

По ночам с палубы слышался надсадный визг железа. Челищева долго не понимала, что это значит. Но однажды, поднявшись на палубу, она увидела мертвецов, с которых корабельные кузнецы молотами сбивали звонкие браслеты кандалов. Старший офицер корабля, кавторанг⁶⁶ Птерентьев, просил её удалиться:

— Идите, голубушка, в каюту. Вас это не должно касаться. Сегодня лишь четыре человека, а вчера было ещё больше...

В помещениях третьего класса, где резво бегали тараканы, ехали «добровольно следующие», как именовались они в казённых бумагах. Это были жены и дети каторжан, уже сидевших по тюрьмам Сахалина, и теперь родственники плыли на далёкий «Соколинный остров», дабы облегчить их участь в семейном кругу. Закон гласил: арестант, который обзаведётся на Сахалине семьёй, механически освобождается от тюрьмы, переходя в разряд «вольнопоселенцев». Вот они и плыли — среди неряшливых узлов, среди жалких пожитков, собранных в дорогу... Одна из баб, укачивая на коленях младенца, горестно рассказывала:

— Говорила я сваму: не пей ты, не пей, не пей. А он — всё за своё! Ну вот и пошёл по убивству в драке-то деревенской. На праздник святого Николы Угодника — стакан за стаканом. Дома-то таперича всё прахом пошло. Посуды мне жаль, уж таки горшки были ладные, вместилах на ярмонке покупали... Чо-неча пишет вот мне: прости, Агафьюшка, что не слушал тебя,

а коли не приедешь, так удавлюсь, и грех на тебя ляжет...

Молодуха в цветастом сарафане, явно деревенская щеголиха и сластёна, задорно щёлкала семечки, взятые ею в дорогу:

— А мой-то пишет, что корову начальство дало. Коля я приеду, так пороса сулят дать. Огурицов там этих, репы да селедоч — ешь не хочу! Теперь пишет, что уже полусапожки на московском ранте⁶⁷ мне справил... прифасонюсь!

В кают-компании за обедом — иные разговоры. Сахалинский чиновник Слизов с некрасивой женой по имени Жоржетта возвращался из отпуска, рассказывая весьма откровенно:

— Будь он проклят, Сахалин этот, но... не оторваться! Уже засосало. Опять же, посудите сами, служи я в России, на двадцать восемь рублей жалованья ноги протянешь. А в Александровске — деньги бешеные, пенсия приличная. Положение в обществе. Дров сколько угодно. Попробуйте нанять прислугу в Москве — она с вас три шкуры сдерёт, да ещё обворует. А на Сахалине я бесплатно беру из конторы пять каторжан сразу: извозчика, садовника, водоноса, дровосека, кухарку и... даже портного для моей Жоржеточки. И всё даром, замечьте! Это ли не жизнь?

Чиновники нанимались служить на Сахалине, где с каждым пятилетием службы или прибавлялось жалованье, улучшались удобства жизни. Развращающе действовал полуторный оклад и «амурская» надбавка к жалованью. Но Птерентьев уже шепнул Клавочке:

— Не верьте вы этим трутням! Не в силах создать свою судьбу в нормальных условиях материка, как они могут на Сахалине исправить искалеченные судьбы других людей? Тубернатор Ляпишев сейчас их всех немного приструнил, а раньше такие же вот Жоржеточки кухарок и прачек насмерть засекали...

Оболмасов среди пассажиров держался несколько загадочно, словно его ожидала на Сахалине секретная миссия, но Птерентьев всё же вынудил его разговориться, спросив напрямик:

— А вас-то, юноша, что влечёт в каторжные края?

Оболмасов, отвечая, заметно приосанился:

— Видите ли, господа, я решил вырвать монополию на нефть у фирмы Чобелей, дабы создать на Сахалине новый Баку! Сколько же ещё нам, русским, ковыряться с дровишками и закупками кардифа у жмотов англичан? С появлением дви-

⁶⁶ Кавторанг — капитан второго ранга.

⁶⁷ Рант — узкая полоска кожи, соединяющая стельку и край верха обуви с подошвой.

гателя внутреннего сгорания человечество перейдёт на жидкое топливо. И мы, геологи, — упоенно говорил Жорж, — сейчас являемся передовыми разведчиками будущего. Мы уже видим Россию, фронтанную нефтяными скважинами, и тогда... К чему скрывать? — скромно сказал Оболмасов. — Я далеко не бескорыстен, как некоторые идеалисты. Я желал бы ворочать на Дальнем Востоке миллионами, как и Нобели на Кавказе, чтобы мой сахалинский керосин распалил лампы в избах мужиков — от Амура до самой Вислы...

С победным выражением геолог глянул на Клабочку Челищеву, а молодые мичманы даже похлопали ему в ладоши:

— Браво, браво! Чо комаров на Сахалине такая же толпа, как и публики перед театром, когда в нём поёт Федя Шаляпин...

<...>

Клабочка рискнула спуститься в нижние палубы корабля — под отсеками третьего класса, и там её сразу охватила противная липкая духота. Матросы с винтовками и сумками для патронов у поясов, стоя у зарешёченной двери, твёрдо сказали:

— Сюда, барышня, никак нельзя. Мы и сами туда не ходим. Прирежут! Акто сдох, того мы за ноги через люк вытаскиваем...

Всё было продумано заранее, и в случае бунта каторжан трюмы наполнялись раскалённым паром из корабельных котлов, чтобы люди сварились заживо, как бобы в закрытой кастрюле.

Молодость чересчур любопытна. Клавдия Челищева впервые плыла на таком большом корабле, для неё был соблазнительен этот мир железных и гулких лабиринтов, уводящих в темноту люков, возносящих к небесам трапов, тайна загадочных коридоров. В носу «Ярославля» узенький коридорчик завёл её в тесный форпик⁶⁸, огороженный решёткой. Часовых здесь не было, очень ярко светила лампа, а за решёткой сидел человек... тот самый!

В первый момент девушка даже испугалась:

— Это вы, сударь? Почему вас держат отдельно?

— Очевидно, я опаснее других, — ответил Польшов. — Для таких хищников, как я, требуется особая изоляция...

Он прикинул лицом к прутьям решётки, и Клабочка вдруг обомлела от взгляда его глаз — золотистых, как мёд, почти ян-

⁶⁸ Форпик — отсек на морских судах, расположенный в носовой оконечности.

тарных, а в глубине зрачков иногда вспыхивали отблески, словно человек давно сгорал изнутри и не мог догореть. Польшов спросил:

— Мадмуазель спешит во Владивосток к жениху?

— Нет, я плыву только на Сахалин.

— По какой же статье о наказаниях? — спросил он.

— По статье совести и гражданского долга.

— Чо такой статьи в собрании имперских законов нет.

— Чо она существует, даже неписаная, в душе каждого честного человека, если он желает быть полезен обществу.

Форпик размещался в самом носу корабля, и в нём было слышно, как форштевень⁶⁹ сокрушает под собой волны.

— А вы не задумывались над вопросом, стоит ли наше общество того, чтобы ему услужали? Вот, например, я, — высказался Польшов, — неужели вы способны услужить даже мне?

— Мне вас очень жаль, сударь, — искренно ответила Клабочка. — Если угодно, я согласна помочь вам. Чо... чем?

— Я был бы чрезвычайно признателен вам, если бы вы узнали, нет ли в партии арестантов политических ссыльных.

— Я сама спрашивала об этом господ офицеров. И если вы страдаете за убеждения, вынуждена огорчить вас: на «Ярославле» плывут одни лишь уголовники, а политических нету.

Польшов кивнул. Челищева улыбнулась ему:

— Впрочем, могу вас порадовать... Случайно на этом корабле плывёт один политический, о чём никто не догадывается.

Польшов нервно отпрянул прочь от решётки:

— Кто он? По какому процессу? Русский или поляк?

— Это я, — вдруг ответила Клабочка...

Рёв сирены заглушил её слова: «Ярославль» уже втягивался в обширные гавани Порт-Саида, чтобы взять угля и пресной воды, пополнить запасы искусственного льда для кают-компании. Клабочка даже не пошла на берег, почти с ужасом ощутив, что она влюбилась в этого страшного человека, сидящего за решёткой форпика...

Вопросы и задания:

1. Найдите информацию о Бестужевских курсах и их знаменитых выпускницах. В образе Клавдии Челищевой узнаются черты выпускниц известных курсов для женщин?

2. В России «бестужевками» называли не только слуша-

⁶⁹ Форштевень — деревянная или стальная балка на носу корабля.

тельниц и выпускниц курсов, но и идеалисток. Соответствует ли образ Клавдии Челищевой этому понятию? Обоснуйте свой ответ.

3. Считается, что образ Польшова собирательный. А какие типичные черты сахалинских каторжан присущи этому герою, очарованием которого прельстилась Клавдия Челищева?

4. Познакомьтесь со статьёй В. С. Лобаревой «Историко-легендарная основа образа Польшова в романе В. С. Пикуля «Каторга»» (статья опубликована в сборнике «Человек и язык в коммуникативном пространстве» (Красноярск, 2012, С. 124–128). В статье выдвинута версия о наличии исторического прототипа главного героя романа «Каторга» с С. И. Блювштейн (1846–1902), известной под именем Сонька Золотая Ручка. Можете ли вы согласиться с этой версией? Какие факты биографии С. И. Блювштейн известны вам и находит ли это соответствие с характером литературного героя Пикуля?

5. Прочитайте небольшую работу В. С. Пикуля «Граф Полусахалинский». Кому она посвящена? Как объясняет писатель название этого произведения?

Литература:

Гулыга, А. В. Уроки классики и современность / А. В. Гулыга. — М., 1990. — С. 299–322 ; Каменев, С. Л. Любовь к истории питая: Портрет писателя В. Пикуля / С. Л. Каменев. — М., 1990 ; Пикуль, А. И. Валентин Пикуль: Слово и дело великого романиста / А. И. Пикуль. — М. : Вече, 2013 ; и др.

§ 15. РАССКАЗ ВЛАДИМИРА САНГИ «ПЕРВЫЙ ВЫСТРЕЛ»

1. Биографические сведения

Детство **Владимира Михайловича САНГИ** (род. 1935) было непростым: вместе со своей семьёй в 1938 году он пережил арест органами НКВД своего отца — охотника и рыбака Ли Ман Зо, а после войны жил вдали от своего родового селения Набиль. Школьные годы Санги прошли в Ногликском интернате. Мать будущего писателя — сказительница Полдох из древнего рода Кевонгов, от неё пошли новые нивхские ветви — Санги и Лиманзо.

Высшее образование Санги получил в Ленинграде. Он одновременно обучался на географическом и спортивном факультетах педагогического института. В 1959 году Санги вернулся на Сахалин, где работал учителем в нивхской школе. Позже он был назначен инспектором по делам народов Севера в Ногликском районе. Санги много ездил, встречался с коренными народами Сахалина. В этот период он записывал старинные предания нивхов. Эти записи в дальнейшем легли в основу его первой небольшой книги — «Нивхские легенды», изданной в Южно-Сахалинске в 1961 году.

Около двадцати лет Санги прожил в Москве: закончил аспирантуру⁷⁰, работал в научном институте, был отмечен разными правительственными наградами. Будучи председателем комиссии по литературе и фольклору народностей Севера и Дальнего Востока, писатель много времени уделял составлению, редакции индивидуальных и коллективных сборников национальных авторов. В 1979 году Санги завершил работу над созданием нивхского алфавита, а вместе с ним — первого букваря, учебника нивхского языка и других обучающих книг. Для нивхского народа он сделал переводы произведений **Александра Сергеевича Пушкина** и **Льва Николаевича Толстого**, книг детских авторов **Сергея Владимировича Михалкова** и **Сергея Алексеевича Баруздина**, некоторых писателей и поэтов из мировой классики.

⁷⁰ Аспирантура — форма подготовки научных работников для высших учебных заведений, специальных научных институтов.

Санги — автор более сорока книг. Он работает в самых разных жанрах: пишет стихи, поэмы, рассказы, сказки, повести, романы и очерки. Произведения Санги известны далеко за пределами России: в Америке, в Англии, во Франции, в Австрии, Польше. Особым вниманием творчество писателя отмечено в Японии. Японские учёные исследуют не только многочисленные переводные издания его книг, но и записи нивхского фольклора. Собранные и обработанные Санги, они помещены на современные цифровые носители. Сейчас писатель живёт на Сахалине, он председатель Совета старейшин, вождь племени Кетнивгун. Как и прежде, писатель ратует за восстановление традиционного образа жизни нивхов, их обычаев, духовности и культурных традиций.

Своё отношение к родным местам, к родному дому писатель так сформулировал в одном из своих стихотворений:

*Я северянин — нивх, рождён в чаду метели,
И мне знаком её протяжный вой,
Вот потому и снятся ели,
И брежу я тайгой.*

*По в чаще непролазной и медвежьей
Ищу я оттиск свежего следа,
По где-то на Охотском побережье
С добычей выбираю невода.*

*По вдаль зовут, где кочевали деды,
Меня неугомонные ветра,
По слушаю старинные легенды
Ночами у рыбацкого костра.*

*Что где б я ни был, автогенов вспышки
На острове повсюду вижу я,
Махтёрские копры и нефтяные вышки...
Здесь всё моё —
окраина моя!*

2. Герои прозаических произведений

Каждое прозаическое произведение Санги посвящено жизни его народа, продолжению рода, сохранению бесценных многовековых традиций в быту и в культуре. Среди героев книг писателя всегда есть дети, а основные события разворачиваются именно в семье, которая отражает самобытные народные устои древнего народа. Детские образы в прозе Санги первостепенны. В будущем взрослеющим детям предстоит жить на богатой

природными сокровищами сахалинской земле. Герой по имени Касказик из романа «Женитьба Кевонгов», старейший рода, мечтает только об одном — найти жён для своих сыновей и поскорее обзавестись внуками.

Пожилой человек есть почти в каждом произведении Санги. **Анатолий Сергеевич Ткаченко** эту закономерность объяснял так: «...старик — хранитель родовых преданий, мудрости, опыта народного. Это не случайно: писатель этим подчеркивает важнейшую мысль — долг старшего поколения передать младшему весь свой опыт, дела и неосуществлённые заботы».

Все герои Санги вне зависимости от возраста являются детьми одной матери — природы. Писатель говорит о необходимости гармонии человека с богатой сахалинской природой. Свою неразрывную связь с тайгой осознает стареющий охотник Полун из рассказа «У истока», а умирающий Курлан из «Голубых гор» прощается с жизнью, глядя на разноцветные небесные лучи и высокие горные уступы.

Мир природы помогает повзрослеть ещё одному герою Санги — восьмилетнему Хаскуну. Новые и сложные чувства борются в душе ребёнка, совершившего свой первый выстрел в утку. Когда-то игравший в «войну» главный герой постепенно перерастает свои детские увлечения и забавы. Но что такое его первая охота? Это такая же война, но война не с людьми, а с природой? Почему же «первый выстрел», сделавший Хаскуна «настоящим мужчиной», невидимой болью отражается в глазах старейшины рода в рассказе с лаконичным, но значимым названием «Первый выстрел».

3. Тематические традиции прозы в поэзии

Первый сборник стихов Санги «Солёные брызги» вышел в 1962 году. Ключевым образом этой книги стало море, кормящее нивхский народ и вместе с тем являющееся грозной, неукротимой человеком стихией. Первоприродная сила моря прославляется в стихотворении Санги «Волна»:

*Пу обрушишь в скалы с рысьим визгом
Столько дикой силы на крутом горбе,
Что метнёшься к небу — вспыхнут брызги.
И лишь только пена — память о тебе.*

Поэзия Санги, как и проза, питается нивхским фольклором. В «Балладе о рыбаке» или в стихотворении «Кто старше?» обнаруживаются мотивы нивхских сказок и легенд.

Как и в прозе, Санги-поэт пишет о себе и своём народе. Он убеждён в том, что он в ответе за каждую свою строчку. И это творческое кредо поэта звучит в его стихотворении «Снег»:

*Если первым ступаешь с порога
Ты на снег, излучающий свет,
След твой ляжет, как будто дорога,
И несёшь за неё ты ответ.*

В стихах Санги рисует таёжные сахалинские буреломы, непредсказуемые морские пучины и опасные речные пороги. Но для его героев (охотников и рыбаков) дремучие леса и водная стихия — родной дом. Пейзажная лирика Санги основана на описании сахалинской природы. В его стихах природа живёт и дышит, подобно человеку: деревья ёжатся от стужи, океан упрям, семя пробивает землю, взволнованно гудит пихтач.

И в поэзии, и в прозе Санги часто встречаются нивхские имена и слова, обозначающие предметы быта или родовые связи между людьми (например, аки, нё, пырш и другие⁷¹). Так, в стихотворении «Юкола»⁷² валяная на солнце и качающаяся на специальных шестах рыба сравнивается с плодами, которые дают пышные сады. Яркий цвет юколы — это память о летних лучах и залог сытной зимы:

*Под корьё⁷³ наполнен тёмный нё, —
Были дни работы горячи, —
До зимы храниться будут в нём
Лета задремавшие лучи.*

*А когда деревья и кусты
В снег оденет зимняя пора,
Юколу, как солнце, на куски
Будут резать нивхи у костра.*

Санги — двуязычный поэт: он пишет на русском и нивхском языках. Стихи Санги, созданные на языке его предков, переводились не только сахалинскими авторами (Анатолием Сергеевичем Ткаченко, Николаем Антониновичем Тарасовым, Леонидом Степановичем Токаревым и др.), но и поэтами российского масштаба (например, Михаилом Давидовичем Ясновым).

ПЕРВЫЙ ВЫСТРЕЛ

Давно это было. Но тот день я навсегда запомнил. Мне тог-

⁷¹ Все эти и другие слова используются писателем в приводимом далее рассказе «Первый выстрел». Все нивхские слова объясняются в самом художественном произведении.

⁷² Юкола — вяленая на солнце рыба. Для нивхов юкола равнозначна тому, чем является хлеб для русских людей.

⁷³ Корьё — кора, снятая с дерева.

да исполнилось восемь лет. И помню эту дату не потому, что её отмечали как-то по-особому. Во времена моего детства нивхи ещё не знали такого праздника. Мои сородичи переняли его у русских немного позже. Да и другие праздники проходили как-то незаметно, без прежней яркости и радости. Это было такое время, когда в нашем селении не стало мужчин. Остались одни немощные старики и женщины. Уже давно никто не волновал сердца стариков сильным взмахом весла, уже давно не вспарывал вечернюю гладь залива мощный ход многовесельной долблёнки. Даже чайки и те покинули притихший залив.

Было голодно. Помню дни, когда одну наважью юколу мы делили пополам с моим аки — старшим братом. Мне и теперь всё кажется, что мой аки всегда был взрослым, хотя он старше меня всего на шесть лет.

Отца помню плохо. Но помню, как моя скрученная ревматизмом мать, забыв свои недуги, опираясь на палку, радостно выходила на студёный берег залива и садилась свежевать огромные туши лахтаков. Длинные, тонкие, изогнутые ножи ловко ходили в её слабых руках. Мне было тоже радостно, потому что мать брала меня помогать. Когда она прорезала брюхо морскому зверю, я поддерживал края шкуры с толстыми, в ладонь, салом.

Поддерживать сырую шкуру — дело трудное. Руки быстро уставали, и шкура помимо моей воли выскальзывала из рук, звучно шлёпалась в песок. Мать бранила меня. Но я не обижался, потому что то были сытные дни.

Когда мать высвобождала от сала шею, грудь и брюшину лахтака, к нам подходил аки. Он переступал через могучую шею морского великана, вонзал в основание шеи острый нож, выкованный из японского напильника дедушкой Ламзиным, налегал всей силой на костяную рукоять. Грудь с хрустом распарывалась, обнажая перерезанные белые рёбра. Перерезать толстые хрящи — рёбра — мог только сильный мужчина. И мой аки прекрасно справлялся с этим делом.

Аки разрубал лахтака на много кусков, прорезал в каждом дырочки, чтобы можно было продеть в них пальцы, и я носил мясо в нё — амбар, очень похожий на избушку на куриных ножках из русских сказок. Сало, нарезанное большими кусками, носил сам аки.

Затем мы, трое мужчин — отец, аки и я, — садились за пырш — низкий стол, — скрестив по-восточному подогнутые ноги. Мать подавала нам ещё тёплую кровавую печёнку, и мы, каждый своим ножом, разрезали её на мелкие кусочки и, обмакнув в раствор соли, не спеша ели. Я глотал шумно, подчерки-

вая этим, что добыча охотников очень вкусна и я, которого они кормят, доволен ею. Мать и сестра моя садились за другой пыри, погружали пальцы в расколотый череп лахтака и выбирали нежный мозг. К великой радости моей сестры, голова у лахтака большая, с полведра.

Аки ездил на весеннюю охоту с отцом в лодке-долблёнке. Аки, как и все взрослые нивхи, мастерски правил шаткой, круглой, как бревно, лодкой. Сколько я помню, он ни разу не перевернулся на ней. Это — искусство, доступное только настоящим охотникам-зверобоям.

Отец и брат привозили много нерп. Никто не спрашивал, кто из них добыл больше, потому что у нас не принято спрашивать, кому люди обязаны пищей, если в охоте принимало участие двое или больше мужчин. Это и неважно. Важно, что люди сыты.

Однажды, когда снег растаял, а льды угнало течением и ветрами в море и я стал бегать босиком по буграм за бурундуками, исчез отец. Исчезли отцы многих моих сверстников. Позже я узнал: они ушли на войну.

Раньше мы любили играть в игру «олени и охотники», которая требовала от «олений» умело скрываться в кустах, а от «охотников» — угадывать, где спрятались «олени», и подходить сторожко, чтоб ни одна ветка не хрустнула под ногами. Теперь же мы, разбившись на две команды, играли в «войну».

Мой аки и русский мальчик Славка были командирами. У Славки глаза прозрачные, будто из стекла. И я ловил себя на том, что мне очень хотелось потрогать их — вдруг они на самом деле стеклянные.

Одна команда пряталась в кустах, а другая наступала. Когда мимо куста, где я замаскировался, проходил «противник», я поднимал кручённый сук, похожий на обгорелую трубку дедушки Ламзина, и тихо стрелял:

— Кх!

Если «противник» не слышал моего выстрела, стрелял громче и несколько раз:

— Кх! Кх!

Часто мы всей армией ходили в атаку. Тогда Славка, став в чинную позу вапавдашнего полководца, каких показывают в кино, громко кричал: «За мной! Ура-а-а!» И его армия поднималась навстречу нам. Я громко стрелял из моего сучка. Сучок у меня волшебный: он мог быть и пистолетом, и автоматом — в зависимости от того, что мне хотелось иметь в данное время.

Я стрелял в Славку, потому что «убить» командира всег-

да почётно. Но Славка не падал. И тогда волей-неволей начиналась рукопашная, которую мы все любили. Вообще-то раз в тебя стреляют, да ещё длинными очередями, полагалось падать. Когда стреляют одиночными выстрелами, можно сказать, что тебя лишь ранили, а то и вовсе промазали. А я стрелял в Славку длинными очередями и в упор. Но он всё равно догонял меня, убегающего от него, отстреливаясь, хватал сильными пальцами и больно бросал на землю. И когда я начинал шумно и обиженно протестовать, он пренебрежительно отвечал:

— Не хнычь! Вы же — «немцы», а мы «наши». Мы должны победить!

А потом, махнув рукой, говорил:

— Давай по-новой!

И мы начинали игру сначала. Только на этот раз мы — «наши», а Славкина команда «немцы». Но всё равно повторялось то же самое: Славка не хотел проиграть ни одного сражения. И на наше возмущение отвечал:

— У-у-у, молокососы! Что вы, не знаете, что на войне сейчас наши отступают?

Потом, опять махнув рукой, сокрушённо говорил:

— Да и откуда вам знать? Ме-люз-га-а-а.

После этого мы возвращались к милой игре «олени и охотники».

Как-то само собой, незаметно, мы стали встречаться всё реже и реже. Дети, как могли, помогали дома своим матерям. Каждый день я ходил в лесок за хворостом. И всегда брал с собой свой волшебный сучок. На этот раз он превращался в охотничье ружьё. «Оленями» были ветвистые кусты корявой ольхи.

Иногда играл в «охоту» дома, во дворе. Я скрадывал «уток» консервные банки — и стрелял из-за угла дома. Все банки были ржавые, ещё времён моего отца.

Уже давно недоедание в нашем доме стало таким же обычным и частым явлением, как дни и ночи.

Мой аки, которому в то лето исполнилось четырнадцать лет, ушёл в рыболовецкую бригаду. Но рыбу мы видели нечасто. Потому что сдавали всё. Даже мелочь и так называемую сорную рыбу: большееротого, брюхатого, тощего бычка и морских ершей, которых сейчас никто и за рыбу-то не считает.

Аки приходил с рыбалки усталый и промокший до последней нитки. Мне становилось неловко, когда я видел брата, измученного изнурительной работой.

Дед Ламзин, старший в нашем роду, древний и дряхлый,

вскоре научил меня удить рыбу. И я иногда приносил небольшой улов.

Сам же дед целыми днями сидел на осыпающемся склоне песчаного бугра и зачем-то пристально и долго смотрел через бинокль в море. Может быть, он ждал, когда среди беснующихся валов-волн появится маленькая точка — катер, который привезёт моего отца с войны. Но отец не приезжал. И дедушка с какой-то угрюмой настойчивостью проводил все дни на берегу и смотрел в бинокль.

Я видел, как брату тяжело. Но не мог ничем помочь.

Когда наступили голодные дни, я поймал себя на том, что стал часто поглядывать на отцово ружьё, висящее на пышных, по пятнадцати веток, оленьих рогах. Оно могло как-то помочь нам. Но некому было воспользоваться им. Единственный мужчина, кормилец семьи нашей, мой аки, все дни находился на тони⁷⁴.

Я с надеждой поглядывал на ружьё. С ним связаны далёкие воспоминания о вкусной печёнке, печёных нежных плавниках и ластах лахтаков и нерп, воспоминания о жирных супах из уток и гусей, оленины и даже то сердце медведя, которого подстрелил отец где-то в тайге.

Сердце медведя дали мне, чтобы дух могучего хозяина гор и тайги отпугнул от меня чувство страха, чтобы я вырос сильным мужчиной, удачливым добытчиком.

Стрелять из настоящего ружья — мечта всех нивхских ребятшек-малышей. Я не раз просил брата дать выстрелить просто так, по какой-нибудь мишени, уж очень хотелось стрельнуть из оружия взрослых и хотя бы на мгновение почувствовать себя мужчиной. Но он не давал, потому что охотничье снаряжение у него было в обрез. Да и мал был я. Но в день, когда мне исполнилось восемь лет, аки впервые разрешил стрелять из ружья.

Он сказал:

— Хаскун, вот тебе два патрона. Иди потренируйся по куликам. Только крепче прижимай приклад к плечу — ударит больно.

В это время у нас сидел Славка. Он посмотрел на меня как-то необычно. Никто до этого не смотрел на меня так. Его задумчивый взгляд пронзил меня и ушёл куда-то далеко-далеко. В глазах

⁷⁴ Тоня — место, где ловят рыбу; круг работ от постановки невода до вылова рыбы.

Славки холодно сверкнул и ещё долго мерцал огонёк удивления — так смотрят на что-то большое и непостижимое.

В коридоре у истоптанного дощатого порога под ноги мне попался кручёный сучок, который мог быть и автомобилем, и пистолетом, и охотничьим ружьём. Я было замахнулся ногой, чтобы затолкнуть его куда-нибудь, но спохватился, поднял и засунул в щель между досками разбитой завалинки: может, ещё пригодится когда-нибудь — мне только восемь.

Было жаль тратить драгоценные патроны на мелких куликов, которые большими стаями скапливаются на береговой отмели, и я пошёл на болото в надежде найти уток. Прошёл кустарники, взобрался на песчаный бугор. Смотрю: внизу, в луже посредине маленького болота, плавают две утки.

Нивхские дети моего возраста уже знают почти все виды диких уток. И в этот раз по небольшим размерам, маленькой голове, тонкому клюву, по тёмно-пёстро оперению и суетливым движениям я определил — плавают чирки⁷⁵. Утки ужинали. Глубоко погрузив голову в воду, они так и плавали с опущенной головой. Над водой забавно торчали их вздёрнутые хвосты. Иногда клали голову на воду и быстро-быстро работали клювиками. И до меня доносилось их частое чавканье, похожее на журчание ручейка: утки, как сквозь сито, процеживали воду через зубчатые края клюва, а на широком чувствительном языке оставались рачки и другая мелкая живность болота. Изредка утки поднимали голову и оглядывались — не грозит ли им опасность.

Это была моя первая охота. Никто не учил меня её законам: брату некогда, не до меня, дедушка Ламзин уже давно не охотился — силы оставили его, а другие мужчины нашего рода были на войне. Не знаю, откуда у меня появились повадки охотника. Скорее всего, это передалось по наследству, в крови.

До уток далековато. Необходимо скрасть их. Для этого придётся спуститься по оголённому склону бугра, проползти до заросшей багульником кочки. И с неё стрелять. И ещё можно было дать большой круг за буграми, обойти болото и стрелять с противоположного берега из-за кустов кедрового стланика, что густо нависли над самой водой. Но этот план я тут же отверг. Может быть, потому, что пришлось бы тратить много времени, и я боялся, что утки улетят. Я тогда ещё не мог знать, что утки без причины не покидают богатые кормом болота.

⁷⁵ Чирк — птица из семейства уток.

Оставалось первое решение, рискованное – скрадывать на виду у уток. Моя одежда – рубахи и брюки цвета хаки – не выделялись на фоне песка. Я быстро оценил это. И решился. Когда обе утки опустили головы в воду, вышел из ольшаника и, не спуская с них глаз, сделал несколько быстрых шагов. Босые ноги мягко, бесшумно ступали по песку.

Одна утка подняла голову. Я мгновенно остановился и застыл в очень неудобной позе – с отставленной рукой, в которой держал ружьё. Я даже перестал моргать.

Заметит или нет?

Утка повернула голову, уставилась на меня долгим взглядом. Вот сейчас взмахнёт крыльями. За ней, так и не поняв, в чём дело, ошалело взмывает в воздух и вторая. Только с крыльев мелкой дробью посыплются брызги.

Утка наверняка заметила посторонний предмет. Но её смутило то, что этот предмет не шевелится. По-видимому, ей показалось, что он был тут и раньше, просто она не замечала его.

Утка успокоилась, снова занялась ужином. Вторая перестала было цедить воду, но увидела спокойную подругу и тут же вновь погрузила голову в болото.

Быстрыми пружинистыми шагами спустился с бугра. И когда утки подняли головы, я уже сидел за прикрытием из редкого ольшаника. Предо мною, в десяти шагах, – кочка с багульником. До неё нужно добраться. Кочка низкая. К ней даже пригибаясь не подойдёшь – утки заметят. Оставалось одно – подбираться ползком.

Охота целиком захватила меня. Хотелось вернуться непременно с добычей.

Ведь это моя первая охота!

Не раздумывая, ложусь в болото. Чувствую – не прогретая скудным солнцем холодная вода леденяще обволокла моё тело, захватило дыхание. Одежда прилипла к коже, мешая движению.

Ползу. Стараюсь держать ружьё высоко, чтобы вода не залила стволы.

Вот и кочка. Утки метрах в двадцати. Они спокойны. Продолжают кормиться. Удобно положил ружьё на кочку. Перевёл дыхание. Заметил – кормящиеся утки сидят низко. Только тонкие полоски спины остаются над водой. Попасть трудно. Жду, когда спарятся, чтобы одним выстрелом ударить по обеим. Но они никак не сходятся. Аккуратно целюсь в ближайшую. Плавно нажимаю на спусковой крючок. Хотя и плотно прижимал ружьё, ударило больно. Но мне было не до боли в плече.

Утки взлетели и, обалдело махая крыльями, поднялись прямо вверх. Но вот одна свернула в сторону. Вторая же столбом поднималась надо мной. Голова как-то неестественно подтянута. Понял – утка ранена. И действительно, она застыла на секунду и, растопырив крылья, упала на противоположный берег.

Вторая вернулась к подруге и громко и взволнованно кричала в кустах.

Я перехватил ружьё и, утопая по колена в грязи, побежал через болото на крик. Утка, увидев меня, поднялась, но тут же села рядом. Она кричала громко и часто. Хвост её при этом подёргивался, и она казалась смешной.

Первая мысль была – стрелять в неё. Но я боялся, что испугну раненую, и она улетит. И вдруг ещё промажу и вернусь вовсе без добычи. А раненую можно добыть вторым выстрелом.

Я долго искал её. И всё время, пока я рыскал по кустам, вторая утка вертелась под ногами. Мне даже стало жаль её.

Через некоторое время её крики стихли. Она улетела, так и не найдя подругу. И я не находил. Я уже сожалел, что не стрелял во вторую – ведь она была совсем близко, и вряд ли я промазал бы.

Повернулся было к болоту, чтобы посмотреть, там ли вторая утка, как между кустами кедрового стланика увидел чирка. Он лежал на спине. И на его светлом гладком брюшке играло солнце. Я порывисто подхватил его и, ликуя, помчался домой.

Мать достала из тощего кошелька талоны на крупу. У нас в семье, когда удавалось, хранили талоны на конец месяца, чтобы потом сразу купить побольше. И хоть раз в месяц мы чувствовали себя почти сытыми.

Но в тот день, хотя и было далеко до конца месяца, мать достала талоны и купила крупу.

В нашем доме собрались старушки и дедушка Ламзин. Гости обсасывали косточки моей добычи и хвалили охотника.

После ужина, когда старушки дымили самосадку из одной трубки, пуская её по кругу и затягиваясь на кругу по разу, подошёл ко мне старейший рода дедушка Ламзин, мягко положил свою большую руку на мои худые узкие плечи, посмотрел мне пристально в глаза и почему-то приглушённым голосом сказал:

– Я знал, что ты станешь настоящим мужчиной.

Потом отвёл глаза в сторону, часто-часто замигал воспалёнными оголёнными веками и, как мне показалось, скорбно добавил:

– Но не думал, что ты станешь им так рано.

Вопросы и задания:

1. Прочитав рассказ Санги «Первый выстрел», подумайте над тем, почему дети играют «в войну». Является ли это формой подражания тому, как воюют отцы мальчиков или это подготавливает детей — будущих кормильцев своей семьи к взрослой жизни, к охоте?

2. Перечитайте внимательно сцену охоты, описанной от лица Хаскуна. Используются ли в речи ребёнка такие слова, как смерть или убийство? Какие наблюдения можно сделать, проанализировав сцену охоты? Что такое охота для нивхского народа, живущего в условиях дикой природы?

3. Какие слова нивхского происхождения использует писатель в рассказе «Первый выстрел» и в других своих произведениях? Что означают эти слова?

4. Познакомьтесь с другими рассказами В. М. Санги. Как часто в произведениях писателя дети выведены в качестве героев?

Литература:

Вуколов, Л. И. Владимир Санги / Л. И. Вуколов. — М., 1990 ; Нивхская литература: Материалы и исследования / сост. В. Огрызко. — М., 2010 ; Смольников, И. Родники современной прозы // Избранное : в 2-х т. — Т. I: Романы и повести. — Южно-Сахалинск, 2000. — С. 3–14 ; Ханбеков, Л. В. Открытое сердце народа. Очерк творчества В. Санги / Л. В. Ханбеков. — Владивосток : Дальневост. кн. изд-во, 1978 ; и др.

§ 16. ПОВЕСТЬ ЗОИ ЖУРАВЛЁВОЙ «ОСТРОВИТАНЕ»

1. Биография и творческая деятельность

Зоя Евгеньевна Журавлёва (1935–2011) родилась в Ленинграде. Её родители были биологами. Детская любознательность и интерес к биологии, а также к географии и этнографии позже были запечатлены в книгах Журавлёвой. В период учёбы и после окончания отделения журналистики филологического факультета Ленинградского государственного университета (в настоящее время — Санкт-Петербургский государственный университет) Журавлёва работала в газете «Советская Печенега» и «Комсомолец Заполярья», ездила в геологические и ботанические экспедиции, жила в Никеле и Мурманске, побывала в разных уголках СССР — в Средней Азии (особенно в этих местах Журавлёва полюбила Туркмению) и на Дальнем Востоке.

В 1960-х годах Журавлёва стала печататься. Её первые книги родились в Карелии, позже произведения писательницы публиковались в известных в то время издательствах: в «Советском писателе», «Молодой гвардии» и «Детгизе», в популярных литературных журналах: «Звезда» и «Нева». Перу Журавлёвой принадлежат такие истории, как: «Все мы» (1967), «Ключ от Вселенной» (1967), «Требуется героиня» (1969), «Выход из случая» (1977), «Роман с героем, конгруэнтно⁷⁶ — роман с собой» (1988) и др.

Отдельное место в творческой биографии писательницы занимают книги о детях и для детей: в 1987 году были опубликованы повести Журавлёвой «Сними панцирь», «Ожидание» и «Путька». Основу многих произведений писательницы составляют её личные впечатления, собственный опыт знакомства с тем, от чего далёки обыватели или жители больших городов. Так, например, жизнь детей из повести «Сними панцирь» окружена атмосферой таинственной пустыни, в которой водятся тушканчики и суслики, ящерицы и черепахи.

Оригинальные истории с увлекательными сюжетными решениями делают книги писательницы востребованными у читателей разных возрастов и разных литературных предпочтений.

⁷⁶ Конгруэнтный — равный, идентичный чему-то, согласованный.

2. Тематическое своеобразие повести «Островитяне»

Повесть «Островитяне» (1973), пожалуй, самая прочитанная книга Журавлёвой. Популярность повести подтверждается повторными и очень высокими тиражами «Островитян», издававшихся трижды: сначала — в 1973, затем в 1981 и 1987 годах.

Основные события повести Журавлёвой происходят на острове Варчугане — придуманном воображением писательницы месте. Однако природный колорит Варчугана позволяет увидеть в нём один из Курильских островов, возможно — Парамушир. Героями повести становятся обычные люди: кто-то трудится на рыбоперерабатывающем заводе, кто-то становится хранителем маяка, кто-то ежедневно встречает людей в почтовом отделении. Жизненные устремления главных и второстепенных героев, словно под микроскопом рассмотренных писательницей, незамысловаты и непритязательны. Героям хочется любить и быть любимыми, но именно на этом простом, как кажется на первый взгляд, пути людей подстерегают разные опасности: как внешние, исходящие от природы, так и внутренние, порождаемые самим человеком.

Мир дикой и необузданной природы, частью которой является человек — это ещё одна важная тема «Островитян». Перводанная мощь удалённых от обжитых мест Курильских островов может не только восхищать, но и разрушать.

Центральным событием повести становится цунами, однажды обрушивающееся на маленький остров и меняющее привычный уклад жителей приморского посёлка. Цунами становится мерилем высокой человечности, способности к самопожертвованию основной части героев повести Журавлёвой. Так, Григорий Царапкин гибнет, возвращаясь во время цунами в родной посёлок, чтобы спасти соседских детей. Именно поэтому повесть Журавлёвой воспринимается как книга о милосердии, об умении сострадать, о готовности отдать свою жизнь ради будущего.

Дата цунами, повлекшего за собой землетрясение, исторически достоверна: 5 ноября 1952 года (а в повести — 24 октября 1952 года) произошло разрушение ряда населённых пунктов Сахалинской и Камчатской областей. Примечательно, что свидетелем и участником ликвидации последствий цунами 1952 года (этот факт освещён в повести Журавлёвой) стал писатель-фантаст **Аркадий Натанович Стругацкий** (1925–1991), сохранивший воспоминания об этом трагическом событии Дальнего Востока в своих письмах к родным.

В представлении писательницы жизнь интересна своей непредсказуемостью, при которой даже самые страшные минуты

со временем могут начать восприниматься важной частью совершенствования человека на всём его пути. Сила и могущество природы первостепенны, человек зависим от них, и эта зависимость неизменна. Красота и поэтическая сущность природного естества становится главной темой «Островитян».

С описания природы, которую человек пытается приспособить под свои нужды, начинается повесть: «Деревянный тротуар, проседающий в лужи, впадает, кажется, в море. А море — это весь горизонт, и шуршание его в берег — местная тишина».

И завершающие повесть строки целиком отданы величию природы, её неизменности: «Солнце вставало всё выше, наливаясь цветом. Обычный день разгорался...».

3. Повесть «Островитяне» в критике

Вскоре после издания повести «Островитяне» на страницах газеты «Советский Сахалин» в 1974 году было опубликовано коллективное письмо-протест, в котором говорилось о клевете писательницы на Курильские острова. Однако такая оценка была преждевременной и лишённой профессионального взгляда на качественные стороны прозы Журавлёвой.

Одним из первых критиков, высказывшихся о писательском мастерстве Журавлёвой, стала **Раиса Давыдовна Мессер**. В статье «Как жить дальше?» (1978) Мессер, рассказывая о творческом пути писательницы, называет повесть «Островитяне» «самым значительным произведением». Мессер отмечает, что повесть начинается с «личной драмы» Клары Михайловны от потрясения изменой любимого человека. У Журавлёвой «трагическое и будничное <...> перемешаны друг с другом» — всё это держит читателей в интригующем напряжении. «Мысль об одержимости своим делом, — пишет Мессер, — в атмосфере изоляции от материка, постоянной опасности, преодоления будничности существования и придаёт повести скрытую романтику».

Литературный критик **Виталий Иннокентьевич Камышев**, живший когда-то на Сахалине, считает книгу Журавлёвой «абсолютно “аполитичной”» и «насквозь лирической». «Лирическое» начало повести в её языке, наполненном, с одной стороны, несвойственными жителям центральной России образами сопков, зарослей диких деревьев, вулканами, бамбуком, морскими водорослями, а с другой — метафорическими картинами природы с сопками, которые «топорщатся», с ягодами, которые «надуваются», с морем, которое «шлёпает губами».

Татьяна Евгеньевна Шумилова, детально рассматривая повесть Журавлёвой «Островитяне», отмечает такие отличительные черты повествования писательницы, как «точность, прак-

тически документальность событий, подробная детализация, при сдержанной цветовой гамме, яркость и выразительность изображения, психологическая напряжённость». И во всём этом как результате художественных подходов к изображению стихии «автор добивается исключительной достоверности тех картин, которые изображает в повести».

И, действительно, особенность повествовательной манеры Журавлёвой состоит в умении показать поэтическую сторону природы, на фоне которой решаются незамысловатые, бытовые проблемы людей: «...Всюду кругом, где не море, топорчатся сопки. Над ними упёрся в небо вулкан... Сопки вокруг непроходимо заросли лиственницей, берёзой, бамбуком, горькой местной вишней, ядовитой лианой сумахом, всякой — пожухлой уже — травой... Тихий лежал посёлок... Надувался соком шиповник-ягода. Собаки лизали себе шерсть. Большими губами шлёпало море, скидывало о берег пену и водоросли. Сима Инютина смиренно прошла в парикмахерскую для химической завивки волос, и баба Катя Царапкина проводила её блестящими, молодыми глазами сквозь витрину раймага. Химической завивкой волос — это уж всем было ясно — Сима мечтала понравиться Костьке Шеремету, пустые эти мечты». Именно такое соединение восторженного описания природы и заурядных человеческих страстей делает чтение «Островитян» интересным и лёгким, понятным и интригующим.

Типажи героев повести встречаются в привычной жизни. Однако в каждом герое есть что-то своё, скрытое, не выставленное напоказ: таинственная страсть Клары Михайловны, память о погибшем муже у Ольги Мироновой, страшные воспоминания о цунами у бабы Кати Царапкиной.

«ОСТРОВИТЯНЕ» (отрывок)

Эту ночь на острове Варчуган, на двадцать четвертое октября пятьдесят второго года, баба Катя помнила рвано, как было в памяти какие-то звенья. Но рваные эти картинки стояли в памяти ярко, с годами только ярчали: в запахе, в цвете.

Голубое атласное одеяло Марии, маленький рот, безутешный без соски, резкий молочный запах, который ударил в сердце, когда развернула её впервые. Своих детей не было у бабы Кати. Острый кулачок Лидки, который бил Катерину наотмашь, не давался в руку. Тяжёлая тьма сопки, стадная теснота полуголых людей вокруг, чей-то визгливый плач, будто бьют собаку, но взрослый. Непонятный ещё, пугающий гул внизу, где остался посёлок с Талей.

Дом затрепал. Они выскочили с Григорием. Одежду всё же успели схватить. Сосед Ким, кореец, бежал мимо с узлом, волоча за руку сына. Крикнул: «Море отходит!» У корейцев было на это чутьё, первые поняли и первые побежали. «Давай на сопку!» — крикнул Григорий, толкнул от себя Катерину. «А ты?» — уцепилась. Оторвал её руки: «У Павловых дети одни, бабка лежит, Настя — в ночную смену». — «Ты уж, конечно, знаешь — в какую», — съязвила ещё Катерина, знала его симпатию.

Прежняя ещё была жизнь — глупая, молодая, с ревностью, хоть гордилась тайно, что всем хороши, при живой жене ворочают за Григорием голову, нет сил отвернуться. Она же Настя Павлова, а ведь моложе его на четырнадцать лет, туда же — глядит прищипто. «Катка, причеши одним зубом!» — прикрикнул, такое ругательство. Метнулся через дорогу, к Павловым. «А Андрей?» — крикнула ему вслед. Не услышал. Сама сообразила, что Андрей Павлов тоже в цеху, там вроде со светом была авария.

Побежала за Кимом. А надо было бежать с Григорием — сразу бы всех увели и остался бы жив, вот что надо. Но прежняя ещё была жизнь, с пустым самолюбием, с глупостью: не ходила к Насте домой, ещё чего. И не верилось ни в какую беду, потрясёт — и всё. Не впервой.

Но Григорий прикрикнул, и она побежала за Кимом.

Он нагнал их у сопки. Одной рукой держал у груди Марию — Мария тонко попискивала в одеяле, — другой прижимал к себе Лидию, тащил её на весу, боком. Лидка извивалась на нём, била ногами. «Не желает идти, — засмеялся Григорий. — Кусается, вот зверёныш!» Лидку кто-то перехватил у него. Катерина взяла Марию, ощутила живую, писклявую её тяжесть сквозь ватное одеяло. «Потеряли соску», — сказал ещё Григорий. Оглянулся: «Тенка!» Но мальчишки Павловых, девяти лет, нигде не было. «Фу, черт! Рук не хватало, — огорчился Григорий. — Ведь только что был!» — «Он на комбинат побежал, к матери», — сказал кто-то рядом. «А вы чего же глядели?» — заорал Григорий. — Пропадёт парень! А там ещё бабка лежит. Может — догоню». Бросился обратно, исчез. Катерина, занятая Марией, ничего ему не сказала. Не удержала. Не повисла на шее. Не побежала следом...

Ничего. Всё. Больше не видала Григория.

Дальше уж рассказала прабабка, когда её подобрали. Тенку он не нашёл. Успел добежать, схватил на себя прабабку, выволок, хоть повторяла, что помирёт у себя на койке. На койке ей — точно была бы смерть. А так, на открытой дороге, волна зашвырнула на крышу, вынесла за посёлок. Утром нашли. А домов не осталось, даже следа.

Потом, не один ещё день, находили людей — далеко на окрестных сопках, в море, на случайных брёвнах, на всяких обломках, младенец плавал в корыте и был чудом жив. Разные случаи, как судьба. Сторожику закинуло прямо в лодку, и она потом, когда рассвело, подобрала в лодку ещё двоих, мужа с женой, муж сразу умер...

Но Григория не было. И у Павловых больше никто не спасся.

Бабу Катю — с детьми и с бабкой — вывезли во Владивосток, первой партией. Разместили пока что в школе, как в войну беженцев, одели, дали пособие. Мария орала подряд все ночи, не принимала искусственной пищи, открылся понос. Положили в больницу. Катерина отлежала с ней три недели, в отдельном боксе. Первый раз за это время заплакала, когда Мария на восьмые сутки заснула тихо и на хилом, запавшем её лице явилась вдруг у Катерины хилая, неуверенная улыбка.

Вот тогда она и решила, как дальше жить. Но ещё страшилась этого своего решения.

Вышла из больницы с Марией — Лидка, стриженная, худая, паршивая, бросилась к ней навстречу, прижалась к ноге, как щенок. Бабка глядела на Катерину с печальным испугом, хотела и боялась спросить. «Значит, так, мама, — сказала Катерина. — Будем жить!» Прабабка дрогнула благодарно, слёзы стали в блеклых её глазах, но не выкатились. «Плохо я, Катя, слышу, — сказала прабабка. — Не слышу, чего говоришь...»

Ничего, выжили. Вон девки выросли — тыквы.

Вопросы и задания:

1. Прочитайте следующий фрагмент из повести «Островитяне»: «Нехорошо кричат чайки, припадая к тяжелой бескрайней воде. Нехорошо пенится гребень волны у горизонта. Враждебна чёрная скала за спиной, из которой, как кровь, сочатся ржавые капли, отвесно виснут, срываются вниз. Пряди морской капусты — как чьи-то погибшие волосы, бессильные ракушки спасают себя на круглых камнях, прижимаясь к ним тесно, в испуге. Море враждебно чавкает, перетирая камни. Вздрючена земля у полосы прибоя, и чёрный песок весь в высосах, будто море звало землю за собой в отлив, а она не пошла. И море теперь отступает нарочно, с кошачьей плавностью, чтобы вернуться грозно, обрушиться ревом на несговорчивую землю, смять её, вместе с Лидией утащить за собой силой». Как вы думаете, что заставляет глубокой ночью выйти Лидию на берег моря, чтобы увидеть и почувствовать описанную З. Е. Журавлёвой картину? Как вы считаете, насколько быстро будут забыты героями писательницы разрушительные картины курильского цунами?

2. Познакомьтесь с фрагментом из статьи В. И. Камышева «Сахалин в русской литературе XX века» о восприятии повести «Островитяне» З. Е. Журавлёвой: «Тесное *островное* общение, в которое, как в космос, углубляется Зоя Журавлёва, таит в себе внутреннюю *двойственность* (в этом «пружина» мелодраматического сюжета, но и подлинной драмы тоже): с одной стороны, человеческая близость, почти что родство, неизбежно возникающее между островитянами, но в этой же близости одновременно и опасность. Стоит внести какой-то иной, злой, агрессивный акцент — и тёплая близость может превратиться в жестокую тесноту, когда теряется минимально необходимая дистанция между людьми, забывается или отвергается хрупкая суверенность другого человека, его право на непохожесть. *Как в тюрьме*». Слова «островное», «двойственность» и «как в тюрьме» даны у В. И. Камышева курсивом. Как вы думаете, почему так поступает литературный критик? Проявляют ли себя эти слова-ключи в приведённом выше фрагменте из повести «Островитяне»?

3. В повести З. Е. Журавлёвой «Островитяне» возникает эпизодический образ некоего Кима, живущего на Варчугане. В каком контексте названо имя героя? В каких ещё произведениях русской литературы о Сахалине и Курильских островах упоминаются образы корейских переселенцев? При ответе на вопрос используйте фрагменты повести Г. Н. Машкина «Синее море, белый пароход» (1965) и рассказов из сборника А. А. Кима «Голубой остров» (1976).

4. Как вы считаете, почему повесть З. Е. Журавлёвой была не принята некоторыми читателями газеты «Советский Сахалин»? Обоснуйте свой ответ.

Литература:

Мессер, Раиса. Как жить дальше? [О творчестве писательницы З. Журавлёвой] / Р. Д. Мессер // Аврора. — 1978. — № 8. — С. 69–70 ; и др.

§ 17.
ПОВЕСТЬ АНАТОЛИЯ ТОБОЛЯКА
«ПАПА УЕХАЛ»

1. Биографические сведения о писателе

Анатолий Самуилович Тоболяк (настоящая фамилия Прицкер; 1936—2001) родился в городе Новокузнецк Кемеровской области. Детские годы провёл в Сибири и на Урале. После окончания школы работал в одной из газет и заочно учился на факультете журналистики Уральского государственного университета. За это время он побывал в Эвенкии, на Таймыре и в Средней Азии.

С 1971 года Тоболяк с небольшими перерывами жил на Сахалине, работал корреспондентом Сахалинского областного телерадиокомитета. В 1975 году повесть писателя «История одной любви» была опубликована в популярном литературном журнале «Юность». Этот дебют принёс автору всероссийскую известность, по мотивам повести был снят художественный фильм с названием «Только вдвоём». Позже повесть Тоболяка была экранизирована в Болгарии. «Историю одной любви» издали и в нескольких зарубежных странах.

Татьяна Евгеньевна Шумилова на страницах сибирского журнала для семейного чтения «День и ночь» писала, что «Тоболяк был фигурой нестандартной, курьезной, и это заслоняло для читающей публики его творчество. Южно-Сахалинск — город маленький. Горожане знали, что Тоболяк может носить ботинки с разными шнурками, заполночь прийти в гости <...>. На “тусовках” местной интеллигенции мелькала его <...> обворожительная улыбка. О нём в лучшем случае добродушно сплетничали. А он был очень требовательным к себе художником. Он работал всерьёз, “на полную катушку”...».

С 1998 года писатель проживал в Израиле, но поддерживал тесные литературные контакты со своими сахалинскими друзьями и читателями. В газете «Южно-Сахалинск» публиковались его «Записки “командированного”» — ироничные, похожие на анекдоты наблюдения Тоболяка над жизнью в новой стране. «Записки “командированного”» стали последней творческой работой Тоболяка, а израильская земля — местом его последнего приюта.

2. Особенности творческой манеры писателя

Литературное наследие Тоболяка состоит из романов, повестей, пьес и стихов. Но повесть является наиболее излю-

бленным жанром этого автора. «Двое в доме», «Письма туда и обратно», «Четверо на острове», «Попытка контакта» — основу этих и ряда других произведений составляют типичные житейские истории. В них автор размышляет над главными, ключевыми вопросами человеческого бытия: что такое дружба, любовь, семья, в чём счастлив человек, каково его назначение в мире. Однако готовых ответов Тоболяк никогда не даёт. Он избегает авторских отступлений и всевозможных комментариев, позволяющих читателям окончательно сформулировать заключение о правильности поведения его героев в разных ситуациях. Писатель побуждает переноситься в атмосферу чувств и эмоциональных потрясений персонажей его книг. Это даёт возможность соизмерить собственные убеждения читателей с принципами литературных героев, которые говорят на современном языке и решают близкие, понятные для многих людей проблемы.

Герои произведений Тоболяка окружены реалиями дальневосточной природы, быта и уклада людей, проживающих рядом с могущественным океаном и устремлёнными в небо вершинами сопки. И это, несмотря на то, что писатель редко называет место действия своих книг. Художественные детали описываемого пространства складываются в единую знакомую островитянам картину.

В стихотворный текст Тоболяк часто переносит многие элементы эпического повествования: сюжет, диалогическую речь, описательность и др. Его поэтические произведения, как и проза, наталкивают на мысли о сложности человеческих отношений и многогранности окружающего мира:

*...что нам день пророчит,
какую прочит благодать?
Черновикам вчерашней ночи
беловиками не бывать.*

*Измятое покинув ложе,
гляжу в далёкую тайгу.
Молю: «О, помоги мне, Боже!».
И слышу: «МОЖЕТ, ПОМОГУ»...*

3. Семейная драма в повести «Папа уехал»

В центре повести Тоболяка «Папа уехал» (1980) — история одной семьи. Повествование этого произведения ведётся от лица подростка — четырнадцатилетнего Лёшки Малышева, семья которого — мать, отец и маленькая сестра Юлька — приезжает в небольшой безымянный городок, окружённый соп-

ками. Именно здесь отец мальчика даёт слово отказаться от спиртного, и именно здесь на новом месте семье Малышевых суждено испытать и мимолётное счастье, и последовавшее за ним трагическое разочарование.

Искренне любящий своих близких отец Лёшки всё же не сдерживает данного обещания. Слабость отца, его пристрастие к алкоголю возвращается в особенно трудные для Малышевых дни. В их семье рождается ещё один ребёнок. Но новорождённая сестра Лёшки тяжело больна, и её болезнь — это отпечаток пагубных привычек отца. Смерть девочки становится новым, но не последним испытанием семьи. В финале повести отец, так и не справившийся со своим пороком, решает уйти из жизни: он вешается на трубе в подвале своего дома.

В приводимом ниже фрагменте из повести «Папа уехал» рассказывается о первых днях пребывания семьи Малышевых на новом месте: знакомстве с океаном, устройстве отца на работу, влюблённости Лёшки и «тревожном звонке» в дверь квартиры — возвращении в дом пьяного отца. За этими событиями следует трагическое разрешение семейной драмы, глубокий, но страшный смысл которой будет ясен только Лёшке и его матери. А маленькая Юлька будет жить непониманием того, почему отец «не дождался её» и «уехал».

ПАПА УЕХАЛ (отрывок)

Меня зовут Лёшка Малышев. Я родился в Свердловске. Папа тоже. И Юлька. А мама в Ташкенте. Там живут её родители и две сестры. А институт мама закончила в Свердловске. И здесь на втором курсе познакомилась с папой. Он тоже учился в институте, только не в экономическом, а в архитектурном. Они поженились, и мама осталась на Урале. Для неё Свердловск хоть и не родной город, но всё-таки столько лет прожила! Поэтому ей не хотелось уезжать. Но надо было. Так получилось. Так уж получилось, понимаете? И вот мы прощались.

Бабушка плакала. Папа курил одну сигарету за другой. Бабушка обняла меня так крепко, что больно стало — и ну целовать куда попало, даже в глаза. Потом — Юльку. Потом целовались мама с бабушкой, папа с дядей Костей (его братом), мама с тётей Леной (женой дяди Кости). Уже все на посадку прошли, а мы никак не могли распрощаться.

— Смотрите, Поля, пишите чаще! — Это бабушка маме. А мама:

— Хорошо... хорошо... — И всхлипывает.

— Возьмись за ум, я тебя прошу, Леня! — Это бабушка маме.

А он:

— Да, мама, да. Хватит об этом. — И быстро-быстро докуривает сигарету, как будто последнюю в своей жизни.

— Детей берегите! — Это значит — Юльку и меня.

Я не выдержал, закричал:

— Опоздаем же!

Ещё немного — и опоздали бы. Пассажиры уже стали садиться в автобус, а мы только билеты показываем на контроле. Тут ещё сумки стали проверять. А потом папа пошёл через магнит — и как зазвенит! И лампочка замигала.

Милиционер ему: вернитесь, гражданин, назад, выложите всё из карманов и пройдите снова. Подумал, наверно, что у папы бомба или револьвер припрятаны. А у папы на джинсах ремень с огромной пряжкой, вот эта пряжка и наделала звону.

Всё-таки не опоздали, усадились в самолет (мы на ИЛ-18 летели). Я сразу прилип к иллюминатору. У Юльки своего места нет (ей ещё не полагается, недоросла), так она полезла ко мне и заявила:

— Я тоже хочу смотреть!

А чего смотреть, когда ничего не понимает? Вот я ей и ответил:

— Сиди где сидишь! — То есть у мамы на коленях.

Папа около прохода возился с сумками, устраивал их себе под ноги и чертыхался. Потому что сумки большие, бабушка в них еды наложила — курица, яйца там, термос с бульоном — всякая ерунда, и даже Юлькин горшок.

Папа нервничал, а мама — ещё больше. Илётнула Юльку ни за что ни про что. Па заревела. А мама маме: «Места у самых турбин. Шуму не оберёшься!» — не понимает, как нам повезло.

Я уже три раза летал, не новичок, и всё равно, когда винты раскрутились и заревели, у меня дух захватило и в животе повилась такой холодок, как будто мороженым объелся. А потом взлетели, и я закричал во всё горло:

— Глядите!

Как раз крыло поползло вниз — и всё как на ладони: весь наш город, огромный такой, в дымах. Заводы, заводы, автодороги, перелески на окраинах... и где-то там в нашем дворе пацаны, наверно, гоняли мяч. У меня глаза защипало. И глотать стало трудно. Это же мой город! Я родился тут. А мы улетаем. И вернёмся ли когда — неизвестно. Вообще неизвестно, как наша жизнь сложится. Всё зависит от папы.

<...>

В первый же выходной мы поехали на океан. И Жуковы с нами. Вернее, мы с Жуковыми, потому что машина-то их. Дядя Юра вёл, рядом с ним сидела толстая тётя Вера, а сзади нас пятеро набилось: папа, мама с Юлькой на руках, Сашка и я.

Сначала по долине, по асфальту, а потом грейдерная дорога пошла в сопки. Сопки были лесистые, дикие такие: то еловые, то лиственничные, то берёзовые. Но вот выехали из-за ворот, и вдруг я увидел... И сразу завопил:

— Море!

А это даже не море было, а настоящий океан, весь в белых бурунах, а на той стороне его — жутко подумать! — Америка.

Дядя Юра съехал с дороги прямо на берег. Я выскочил из машины и задохнулся от ветра. Он был очень сильный. А песок мокрый и твёрдый. А вверху белые чайки. А волны белые и синие сразу. И вокруг никого, будто необитаемый берег. Здорово так!

Я побежал по отмели, дождался, когда волна накатила, зачерпнул в пригоршню и отхлебнул глоток. Одно дело читать, а другое — самому попробовать, какая она горько-солёная... Я засмеялся и побежал назад.

— Ну-ка, Юлька, лизни! — кричу.

А Юлька стояла в своём плащике с капюшоном, маленькая и очень удивлённая, и смотрела на океан, а у самой глаза были голубые, как океан.

— Лизни, лизни, не бойся! — кричу.

Она лизнула воду у меня в пригоршне. Я подумал: сейчас заревёт. А она засмеялась. Папа и мама тоже попробовали — тоже засмеялись. Папа обнял маму за плечи, этого я давно не видел, чтобы они обнимались. Мама даже зажмурилась. А папа поцеловал её в ухо. Он был очень молодой, в свитере и джинсах, и мама очень молодая, светловолосая и красивая. Мне так жутко радостно стало, что я встал на руки и пошёл на руках по песку.

Потом Сашка Жуков потащил меня показывать свою заветную речку. Пока шли, он объяснял, что она нерестовая, и если повезет, то мы сейчас увидим, как идёт горбуша. Я говорил: да, да! понятно! — а сам только и думал о том, как папа обнял маму и поцеловал в ухо, и у меня сердце прыгало.

Мама, тётя Вера и Юлька гуляли далеко на отмели, а папа и дядя Юра сидели на коряге рядом с машиной. Перед ними был расстелен плащ, а на нём — продукты: хлеб там, помидоры, две консервные банки, колбаса. Дядя Юра коленями зажимал бутылку и ввинчивал в пробку штопор. Папа курил и, сощурившись, смотрел, как я подхожу. Дядя Юра тоже увидел меня, заулыбался:

— Рыбачок пришёл! А где улов?

— Там! — я махнул рукой. — В речке!

— А! Ну, ясное дело. — Он дёрнул, и пробка выскочила из горлышка.

Дядя Юра толстый, лысоватый, краснолицый. Трудно поверить, что он папин одноклассник. Папа выглядит куда моложе его. Он такой поджарый, сухолицый, голубоглазый и одевается по-молодежному. И маму не сравнишь с тётей Верой. Сашка, между прочим, пошёл в родителей — жирный.

Дядя Юра налил полный стакан вина и протянул папе.

— Держи!

Папа посмотрел и сказал:

— Нет, я не буду.

Дядя Юра всё равно протягивает.

— Да ладно, брось! Лёшка не выдаст. Держи!

— Не буду я, — папа повторил, и даже не смотрит, в сторону глядит. — Не хочу я.

— Да это ж вино! — дядя Юра заудивлялся. — Сушняк! Я за рулем — и то приму. За два часа выветрится. Держи!

У папы даже бровь задёргалась. И голос какой-то тонкий стал.

— Ну, не хочу я, честное слово. Давай сам.

— Зарок, что ли, дал? — дядя Юра спросил, помолчав.

— Ну вроде этого. Не важно! — Папа сигарету в песок бросил, придавил ногой. И поднялся. — Пойдём, Лёшка, побродим.

Дядя Юра закричал сердито:

— А мне что делать? Одному дуть? Алкаш я, что ли!

Папа засмеялся:

— Женщин дождись. Они помогут. — Обнял меня за плечи, помахал дяде Юре рукой, и мы пошли.

Последний раз мы так ходили... я даже не вспомню когда. И вот идёт нога в ногу, папа и я, и он меня крепко так обнимает, будто боится, как бы ветер не унёс в океан. А я его тоже крепко обнял за пояс — как бы его ветер не унёс в океан. Он в свитере, и я в свитере. Он в джинсах, и я в джинсах. Нога в ногу идём по берегу, а над нами чайки кричат. Папа мой и я!

Он мне в лицо заглянул и спросил:

— Чего улыбаешься?

А я и правда не могу удержаться, губы растягивает — и всё.

— Так, — говорю. — Чравится мне здесь.

И хочу нахмуриться, а губы растягивает.

У папы глаза заблестели.

— Мне тоже нравится здесь. И маме. А Юлька совсем ошалела — смотри.

Юлька вдалеке носилась по берегу и визжала, а мама бежала за ней. Я подумал: Юльке-то всё равно, где жить, да и мама без Тлихого океана проживёт, вообще, где угодно проживёт, хоть в полярных льдах, хоть в пустыне, и без денег даже проживёт, и без обненок, в одном платье и пальтишке, на хлебе и воде, даже не пикнет, лишь бы только папа был такой, как сейчас.

А он потрепал меня по волосам и сказал:

– Скоро отгуляешься, Лёшка.

– Ага. Скоро.

– Полмесяца осталось. Тебя новая школа не пугает?

– А чего пугаться? – удивился я.

– Ну, всё-таки новые учителя, новая обстановка... Я вот не легко на работе осваиваюсь. Люди незнакомые. Приглядываются ко мне. Я – к ним. Своего рода акклиматизация. – Он поморщился. – Болезненная, знаешь.

Я подумал и сказал:

– А ты не обращай внимания – и всё.

– Как же не обращать? Это люди.

– А ты делай что надо – и всё! Кто поймёт – тот поймёт. А кто дурак, с тем и разговаривать не стоит. По-моему, так.

– Ну-у, в принципе правильно... – засмеялся папа.

– Ты же не какой-нибудь! – разгорелся я. – Ты же лучше других можешь работать. Ты же талантливый, папа!

Он даже остановился, словно его по лбу стукнули.

– Кто это тебе, Лёшка, такую ерунду сказал?

Я ответил: мне эту ерунду мама сказала, да и от других слышал, а если бы не слышал, то я тоже не слепой, сам вижу.

Папа задумался и странно на меня так поглядел, будто это не я, а кто-то другой. Потом пробормотал:

– Здорово получается. Хотел тебя ободрить, а вышло наоборот.

И тут я решил до конца идти, потому что когда ещё такой случай будет?

– Меня не нужно ободрять, папа. У меня всё нормально, не бойся. Ты лучше маму почаще обнимай, как вот недавно, ладно? А то мне неудобно лизаться, я уже большой... одна Юлька ей и остаётся, понимаешь? – И сам на себя выскочил: зачем сказал, балда!

А папа... просто что-то ужасное случилось... он... меня... поцеловал! И быстро-быстро пошёл вперёд. А я стоял, и глаза жутко жгло.

<...>

«Дорогая мама, здравствуйте! Ваше письмо получили. Отвечаю сразу.

Погода у нас чудесная: солнечно и морозно. Всё вокруг забалено снегом. По выходным город встаёт на лыжи, и мы тоже. Юлька растёт, как медвежья дудка, – на глазах. В детсадишке её все любят – за живой характер, наверно. Не болеет – предсказывает! – ни разу за эти четыре месяца не чихнула даже. Лёшка взрослеет не по дням, а по часам. В смысле учёбы с ним забот нет. Дружба его с этой девочкой Светой продолжается. Бегают друг к другу в гости. Водой не разольёшь. И иногда он смотрит на неё какими-то очень серьёзными глазами.

Мы прибарахлились, мама: купили кухонный гарнитур за 230 руб. и цветной телевизор в кредит. Старый сдали. Ничего себе, да?

Ну а теперь – держитесь, мама! – сообщаю самую главную новость. Месяцев через семь у Вас появится ещё внук или внучка.

Ну как? Не упали в обморок?

Сами понимаете, мама, что случись это раньше, в Свердловске, то ни о каких родах не могло быть речи. Но сейчас всё у нас так хорошо, я поверила в Лёню, как, впрочем, всегда в душе верила, что такое счастливое время наступит, и он сам в себя, по-моему, поверил. В нашем доме даже пиво не пахнет!

Странно всё-таки человек устроен: дай ему немного счастья, и всё, что было, он вспоминает как кошмарный сон, а не как недавнюю реальность. Может, только я такая?

Сейчас у нас с Лёней повторяется наша молодость, наши студенческие годы. Вы знаете, я всегда Лёню любила, даже в самые страшные времена, а сейчас сильнее, чем прежде. И он, по-моему, испытывает то же чувство. Мы даже внешне стали другие, мама, будто сбросили десяток лет. Мне кажется, наши знакомые – Жуковы, например, – завидуют нам в душе. Хоть мы с Лёней и не афишируем свои чувства друг к другу, но всё равно ведь видно...

Ох, расписалась! Даже молоко прозевала – сбежало.

С деньгами у нас всё в порядке. Вы сами можете судить по покупке. Да, чуть не забыла! Лёня стал начальником отдела. Сейчас он по голову занят проектом нового микрорайона, где впервые будут строиться девятиэтажки. Я тоже... гм... расту. Недавно перевели в старшие экономисты.

В Ташкенте всё в порядке: мои родители здоровы. Передавайте привет всем.

Целуем Вас. Поля».

На улице было солнечно и тепло. Я шёл, засунув руки в карманы своего полушубка. Ни на кого не глядел. Прямо и вперёд шёл. Ни на кого не глядел. Ничего не видел.

Вот продуктовый магазин. Вот магазин электротоваров.

Около краеведческого музея я свернул на тропинку и через берёзовую рощу вышел к пятиэтажному кирпичному дому, где она живёт. Второй этаж, пятая квартира. Звоню на двери.

Открыла мне Зинаида Михайловна, её мать.

— А, Лёша! — говорит. — Заходи. Что с тобой?

Увидела, значит, какой я.

— Дома? — спросил.

— Дома, дома. Уроки учит.

Учит уроки! Как ни в чём не бывало учит уроки! Хорошо.

Стащил ботинки и в носках пошёл по коридору прямо, а потом налево. Дверь в её комнату была закрыта. Я постучал и вошёл.

Светка ко мне спиной сидела за письменным столом. Оглянулась и вся засияла, как она это умеет, — и ртом, и глазами.

— Лёшка пришёл! — радостно так сказала и встала из-за стола, белобрысая такая, большеватая, худенькая — до невозможности красивая.

Я стою, смотрю.

— Ты чего? — спрашивает.

Я молчу, а во рту всё пересохло.

— Ну, проходи! Чего на пороге застыл? — Она уже сердиться начала.

Я руки на груди скрестил, стою, молчу. Сердце так бьётся, что больно.

Погда она испугалась, попятилась и плюхнулась на тахту. Глаза огромные стали. Коленки голые торчат. Глядит на меня. А я говорю:

— Ты мне скажи, Светка, что ты в нём нашла? Он же придурок. У него вот здесь не хватает. А жмот какой! Что ты в нём нашла?

— Ты про кого это? — испуганно спросила Светка.

— А ты не знаешь, про кого, да? Про Барыгу я.

— А что... Барыга? — Она совсем растерялась, мигает, мигает. А мне так горько стало, всё в груди сдавило, дышать трудно.

— Эх, Светка! — у меня вырвалось.

— Лёшка, что ты! — Вскочила, подбежала ко мне. — Я ничего не сделала, честное слово! Ему часы новые купили, он показал. Электронные. И всё. Больше ничего.

— Эх, Светка! Зачем врать? Ты же его за руки держала и смеялась вместе с ним. Сашка Жуков видел. Он как раз помойное ведро выносил.

— Ну, смеялась! Потому что он дурак. Я одну минуту посмеялась и ушла. И всё!

— Эх, Светка! Всё было так хорошо. Я в тебя верил. Я тебя так любил, Светка... ты бы только знала. Прощай!

— Как «прощай»?

— Не поминай лихом, — говорю.

Я ведь даже полушубка не снял. Только ботинки надо было надеть у порога, всего-то. А Светка выскочила следом, уцепилась мне за рукав:

— Не уходи, пожалуйста!

— Прощай! — говорю. А у самого горло перехватило. Дверь распахнул и выбежал на лестничную площадку. А Светка мне вслед:

— Дурак! Дурачок! Не приходи никогда!

А я сбежал по лестнице вниз, выскочил во двор — и ничего вокруг не узнал. Другой двор, чужой. И улица чужая, незнакомая. И весь город не тот, что был.

Я зашёл за какой-то железный гараж, где валялись пустые бутылки, и здесь долго стоял и глубоко дышал. Мне хотелось драться с Барыгой, жестоко, до крови, содрать с него эти электронные часы и раздавить их каблуком. Барыга получит, ох как он получит! А она? Нашла кого держать за руки, с кем смеяться!

Так я думал и вот пришёл в детсад к Юльке. Они играли на площадке, где всякие там качели, лесенки и песочницы. Юлька меня увидела и побежала навстречу.

Этот детсад называется «Солнышко». Из-за одной только Юльки его можно так назвать. Она ведь правда как солнышко, моя сестрёнка, вся светится, и мама так её и зовет — «солнышко», а папа — «собачонка», а я по имени, чтобы она не слишком-то нос задирала и не думала, что самая главная на свете.

Я воспитательнице сказал, что забираю её, взял за руку и повёл. Юлька сразу выпалила:

— А я новый стишок выучила!

— Да ну? — говорю. — Какой?

А сам думаю: сначала кулаками, а потом можно и головой в зубы, но, наверно, и одного удара хватит — он сразу захнычет, хоть и здоровый лоб, и запросит пощады, трус несчастный, барыга презренный!..

А Юлька остановилась, сглотнула горлом и прочитала своим звонким голосом:

— Коль хотите, чтобы вас укусили в руку, открывайте щучку пасть, суньте руку в щучку.

Я её погладил по шапочке. «Хороший, — говорю, — стишок. Молодец».

— А почему ты не смеёшься? — она спросила. И вдруг закричала: — Папа! Вон папа!

Я взглянул, а там около газетного киоска рядом с магазином действительно стоит папа и ещё двое мужчин. Из магазина вышел ещё один с портфелем, что-то сказал, они засмеялись и пошли все вместе по улице.

Юлька закричала: «Папа! Папа!» — и хотела за ним бежать, но я удержал её за руку. И прикрикнул:

— Какой тебе это папа! Это дядька похожий. Слепая, что ли!

А он не слышал, был далеко. Никто из них не слышал, идут, смеются.

Я Юльку быстрее за угол затащил, повёл дворами и стал быстро и громко говорить, что сейчас по телевизору будут показывать мультки, надо спешить, а то опоздаем. А сам уже забыл про Светку и про Барыгу и одно думаю: он же в другую сторону от дома пошёл, папа, со своими знакомыми, — значит, ему не до нас, значит, он не хочет, чтобы мы его видели. А про то, зачем он пошёл, стараюсь вообще не думать.

— Целых полчаса мультки, — твержу. — Полчаса, понимаешь? Штуки три, не меньше, Юлька!

Мама уже дома была. Она нам открыла весёлая такая, в кухонном фартуке.

— Ага! — засмеялась. — Явились! А ужина ещё нет, ребятки. Придётся подождать.

— Мы папу видели, — сразу выложила Юлька.

— Где? — удивилась мама.

— Да ну её! — закричал я. — Вбила себе в голову. Кто-то был в таком же пальто, как папа.

— Нет, папа! — не уступает Юлька.

— А я говорю — не папа! Сейчас как шлёпну, чтобы не спорила! Побыстрее разделся и пошёл в ванную.

У меня нет своей комнаты, где бы всё было моё и куда бы никто не заходил. В спальне спят мама, папа и Юлька, а я сплю на раздвижной тахте в столовой, а уроки готовлю чаще всего на кухне. А сейчас я заперся в ванной. Столько всего навалилось сразу... даже виски заломило. Я пустил воду и подставил голову под холодную струю, а тут мама, ясное дело, стучит. Я открыл, с головы вода льёт.

— Что ты здесь делаешь? — спросила мама.

Юлька заглядывает.

— Что ты здесь делаешь? — обезьянничает.

Мама её прогнала и мне:

— Где вы его видели? Куда он пошёл?

Её не обманешь, маму! Она всё чувствует, что нас касается.

Я закричал:

— Ну, на улице! Ну и что? Прогуляется немного и придёт. Имеет же он право!

— Конечно, имеет, — подтвердила мама, а у самой губы задрожали.

— Ничего не случится, — говорю. — Вот увидишь. Может, у него какое-нибудь дело. А так ничего не будет. Вот увидишь! — маму убеждаю и себя.

Она ушла на кухню. Я голову вытер, прошёл в столовую, открыл «Путешествие Ливингстона». Юлька в спальне возилась с игрушками. Тихо было, и мы с мамой ждали, когда два раза по-папиному зазвонит звонок. Было уже половина седьмого. На улице темно. В это время он приходит с работы. Мы уже привыкли, что он приходит в это время, понимаете?

Мы быстро привыкли с мамой, как кошки, понимаете? У кошек начинается сытая жизнь, размеренная, с молоком и мясом, с почёсыванием за ухом, — и они прошлое сразу забывают: все там помойки, подвалы, собачьи оскаленные пасти, так ведь? Вот и мы. Мы уже не помнили того, что было. Не хотели помнить. И вот ждали. Дверь хлопнет в подъезде, мы замираем, прислушиваемся к шагам. А звонка нет и нет.

В семь часов мама позвала нас с Юлькой ужинать. В восемь даже Юлька стала нервничать и спрашивать, где папа. Я затеял с ней игру в больницу. Мама закурила на кухне и открыла дверцу титана, чтобы вытягивало дым. А вообще-то она не курит, мама. Только вот в таких случаях.

В половине десятого — дзынь! дзынь! — звонок зазвонил по-папиному. Мы с мамой вместе выскочили в коридор, а за нами Юлька.

Папа стоял на пороге, плечом к косяку, и улыбался. Я только взглянул на него — и всё. Я сразу понял, что нам с Юлькой надо закрыться в столовой. Взял её за руку и потянул.

— Пошли, — говорю, — Юлька. Будем дальше играть. Но она уперлась, смотрит на папу во все глаза. Спросила:

— Папка, ты почему долго не приходил?

А он стоит на пороге — и улыбка эта кривая... будто он смеётся и плачет сразу, защищается ею от нас.

— Прости, — говорит, — с-собачонка... задержался с-слегка.

Я Юльку сильно дёрнул, закричал:

— Пошли, что ли!

Я не хотел, чтобы она видела такого папу. И сам смотреть не мог, как он криво улыбается и заикается, будто косноязычный.

Юлька заплакала. Мама быстро сказала:

– Уведи её! – А сама стоит бледная и смотрит на папу так, будто не верит, что это он.

Я Юльку под мышки схватил и затащил в столовую. Дверь закрыл, спиной подпёр и слышу то, что мне нельзя слышать, но что я уже, может быть, тысячу раз слышал. Мама папе говорит: «Это как же понять, Лёня? Ты опять пьян». А папа извиняющимися, косноязычным голосом объясняет, что так уж получилось, выпил, да, но вообще-то он в форме. И я слышу и думаю: он притворяется. Честное слово. Он сейчас рассмеётся и скажет, что пошутил. А иначе зачем мы сюда ехали? Зачем было ехать сюда? Зачем? Лучше бы уж тогда наш самолёт разбился сразу и мгновенно. Я бы не стоял так у двери, как всю свою жизнь стою. Не кусал бы губы до крови. Не оберегал бы Юльку от папы. Мама не плакала бы. Папа не бормotal бы свои оправдания. Мы уже не мучились бы, понимаете!

И я закричал на Юльку, как псих:

– Замолчи! Не реви! – и даже шлёпнул, хотя редко её обижаю, а другим и подавно не позволяю.

Но у меня сердце будто перевернулось, понимаете! Я уже знал, что будет впереди, раз папа опять взялся за старое...

Вопросы и задания:

1. Повесть ведётся от лица Лёшки Мальшева. Из каких характеристик складывается образ главного героя?

2. Можно ли назвать эту повесть исключительно семейной или нравственной? Черты каких жанров обнаруживаются в повести А. С. Тоболяка «Папа уехал»?

3. Подумайте над смыслом названия повести «Папа уехал». Какими глаголами можно описать констатацию факта смерти человека? Используется ли в этом случае глагол «уехать»? Можете ли предложить другие варианты названия этого произведения писателя?

4. В центре каких произведений русской или зарубежной литературы рисуются трагические образы семей? Вспомните семейные романы или семейные хроники в творчестве Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого, Ч. Диккенса и У. Теккерея. Какие черты сходства обнаруживаются между героями А. С. Тоболяка и героями мировой классики?

5. По каким приметам в повести узнаётся предполагаемое место событий – находящийся где-то на Дальнем Востоке и недалеко от моря город?

Литература:

Тарасов, Н. «К такому я готов уделу...»: штрихи к творче-

скому портрету писателя Анатолия Тоболяка // О литературе Сахалина : сборник статей / сост. С. А. Веднёва. – Южно-Сахалинск, 2004. – С. 11–14 ; Чипенко, Г. «Последний герой»: А. Мариенгоф и А. Тоболяк (опыт сопоставления) // О литературе Сахалина : сборник статей / сост. С. А. Веднёва. – Южно-Сахалинск, 2004. – С. 38–44 ; Шумилова, Татьяна. Анатолий Тоболяк: «Если я не выскажусь, я взорвусь» (заметки о прозе писателя) // Тоболяк, А. С. Во все тяжкие... Избранное / вступ. ст. и прим. Т. Е. Шумиловой. – Южно-Сахалинск, 2006. – С. 5–19 ; и др.

§ 18.
ПОВЕСТЬ ГЕННАДИЯ МАШКИНА
«СИНЕЕ МОРЕ, БЕЛЫЙ ПАРОХОД»

1. Биография и творческая деятельность

Геннадий Николаевич Машкин (1936–2005) родился в Хабаровске в рабочей семье. В возрасте десяти лет он был привезён родителями на Сахалин. Прожил несколько лет в Невельске, учился в школе вместе с японскими и корейскими детьми. Детские воспоминания Машкина о жизни на послевоенном острове воспроизведены в повести «Синее море, белый пароход».

Эта книга, написанная в 1965 году, переведена на английский, немецкий, французский, польский и другие языки. Среди зарубежных читателей повесть особенно популярна у японских школьников.

Почти все книги Машкина, адресованные детям и взрослым, посвящены Сибири и Дальнему Востоку. Последней литературной работой Машкина стала повесть «Бродяги с Сахалина». В этом произведении продолжается история всех героев из самой первой повести Машкина — «Синее море, белый пароход». Родители Герки и Юрика, бабушка Федора через всю страну возвращаются на поезде на родину отца. Писатель рассказывает, какие новые испытания выпали на долю повзрослевших детей и их близких.

2. «Белый пароход» как главная мечта героев книги

В своём произведении Машкин описывает дружбу русских и японских детей, говорит о первой любви юного Герки, о его ошибках и горьких потерях.

*Синее море,
Белый пароход,
Сядем — уедем
На Дальний Восток... —*

такую простую песню поют дети в самом начале книги.

Белый пароход в синем море — это искренняя и чистая мечта всех ребят повести. Болеющий туберкулезом маленький брат Герки Юрик мечтает оказаться на белом пароходе с придуманным названием «Оранжед». Он верит, что на пароходе его мечты живут весёлые загорелые ребяташки, цветут сады и плещутся озёра с золотыми рыбками. Свой белый пароход ожидают Ивао и его сестра Сумико, которые в конце книги

возвращаются на родину своих родителей, в Японию. Под влиянием мечты о белом пароходе взрослеет и самый главный герой повести — Герка. Герке не хочется расставаться с Сумико, он тайно влюблён в эту красивую и добрую японскую девочку. Мальчик мечтает о том, что, став взрослым, он будет делать всё самое хорошее, чтобы чувствовать, будто все люди плывут на одном белом пароходе.

3. Взрослые герои книги и их жизненные позиции

В книге Машкина меняются не только характер и представление о жизни у детей, но и у взрослых. Почтительность японцев при встрече русских переселенцев на послевоенном Сахалине настораживает некоторых героев повести. Несмотря на внешнее спокойствие, которое царит на острове, мать Герки называет японцев ненадёжными людьми. В бесконечной вражде с японцами живёт Рыбин, желающий собственного обогащения и не заботящийся о других людях.

Самую благодушную позицию по отношению к японцам занимает много познавший на своём веку Семён. Оставшийся когда-то по вине японского солдата без пальцев на левой руке, он был спасён от неминуемой смерти японской семьёй. Не участвующие в военных действиях японцы вовремя предупредили русского солдата о вражеской засаде на старом складе. Семён верит, что земля для людей разных национальностей — это общий дом, в котором должны царить только мир и порядок. Семён знает обычаи японского народа, немного говорит по-японски и надеется на то, что в новой, свободной от войны жизни уже больше не будет несчастий и страданий. Но светлым мечтам Семёна не суждено было сбыться. Он трагически погибает во время морской бури при спасении японца. В день смерти Семёна о нём скорбят не только русские люди. Проститься с героем приходит кореец Ким. Почти не знающий русский язык Ивао несёт траурный венок. На могиле Семёна плачет любившая его японка. И новую школу, названную именем этого героя, строят плотники трёх разных национальностей — японцы, корейцы и русские.

4. Нравственные уроки книги

В повести «Синее море, белый пароход» Машкин призывает и детей, и взрослых отбросить горькие воспоминания о войне, постараться забыть страшные потери. Главная идея книги заключается в необходимости искренней и чистой дружбы между людьми разных национальностей. Писатель показывает, как меняется мнение Герки о японцах. До приезда на Сахалин и

в первые дни жизни на острове мальчик, как и его отец, испытывал глубокое чувство ненависти к японскому народу. Он помнил о своём деде, заживо сожжённом японскими солдатами в паровозной топке, помнил о гибели на озере Хасан отца своего друга. Но близкое знакомство с мирной японской семьёй, которая тоже пострадала во время войны, меняет убеждения героя. В порту во время расставания со своими японскими друзьями Герка пытается скрыть слёзы. Мальчик надеется, что он никогда не забудет Сумико и её брата, а дружба между детьми не будет иметь никаких границ.

СИНЕЕ МОРЕ, БЕЛЫЙ ПАРОХОД

4

С вокзала нас повезли на машине прямо в порт. Улицы Владивостока вздымались и опускались волнами. Они скатывались к морю. Берег бухты был обставлен пароходами.

Час подвезли к серому пароходу, на носу у которого белела надпись «Советы». С одной стороны парохода сияло, как наш эмалированный чайник, море. С другой стороны кишела толпа переселенцев. <...>

Растрёпанные люди с криком волокли чемоданы, узлы, сундуки к каюточкам с надписью «Твиндек»⁷⁷. Мы тоже протиснулись в один из этих твиндеков. Отвесная лестница сбросила нас в тёмную утробу парохода.

<...>

Мы с братом пошли, где никого не было, — на корму.

Вода в бухте напоминала по окраске хвост павлина.

— Это от нефти, — объяснил я брату.

К борту нашего парохода прибило мандариновую корку. Мы с Юриком стали плевать в неё. Юрий загадал: если попадёт до десяти, мы встретим белый пароход. А я загадал: если упаду до десяти, на нас не обрушится буря. Мы плевали по очереди. Юрий первый попал в корку. Он запрыгал на одной ноге и запел:

Синее море,

Белый пароход...

Я попал лишь на десятый раз.

— Не будет бури, — объявил я торжественно брату. — Наш десант высадится в полном боевом порядке!

— Бури не будет, — влезался кто-то у нас за спиной тягучим голосом, — а штормик баллов на шесть-семь потреплет «наш десант».

Мы обернулись. К нам подкрался высокий лохматый дядька в морском бушлате и клёшах. Под бугром его носа, напоминающим валенок, торжились усы из медной проволоки. Дядька легонько шевелил ими при разговоре. Он пристально смотрел на солнце из-под левой руки, на которой не хватало двух пальцев — безымянного и мизинца. Солнце напоминало кусок тлеющего кокса. В войну мы иногда топили коксом, который я собирал на станции.

— Шторма не боитесь? — спросил дядька. Губы его выгнулись серпом, кончиками вверх.

— Нет, — ответил я и пожал презрительно плечами.

— А мин?

Я пожал ещё презрительнее.

<...>

В это время пароход загудел, и мы поплыли. Катерок-букашка поволок «Советы» на длинном канате в море.

— Как называется белый пароход? — спросил Юрий.

— «Оранжед», — ответил я, не моргнув,

Палуба под ногами качнулась. Из трубы выкрутился густой дым. Катерок пронёсся мимо нас назад, подпрыгивая на волнах. Над мачтой закачались плоскодонные облака. Ветер подул холодный. Волны неслись на наш пароход, как табун зелёных коней с белыми гривами.

Я взял Юрика за руку и повёл назад, в твиндек. Брата могло прознобить здесь, хоть он был укутан маминной шалью. По дороге я стал рассказывать брату о белом пароходе, плёл ему, какая чудная жизнь у ребятешек на «Оранжеде».

<...> Юрика потянуло на сон. Мама уложила его на среднюю полку. Я лёг рядом.

<...> Я закрыл глаза и увидел, будто рядом с нашим пароходом плывёт мина — круглая, со стеклянными рождками. Всё ближе и ближе на быстрой волне... Ещё миг!.. Я прижал ладони к лицу. Потом потихоньку сдвинул их с глаз, со щёк... Откуда эта трусость во мне? Может быть, так себя чувствует и каждый настоящий десантник?

Я растолкал Юрика и стал, полусонному, рассказывать о белом пароходе.

— Ребятешки не боятся мин, — говорил я, и лопатки мои передёргивались от озноба, — потому что на «Оранжеде» установлены такие приборы... Они замечают мину издали и расстреливают её из пулемёта: тр-р-р...

⁷⁷ Твиндек — междупалубное пространство внутри корпуса грузового судна.

– А если на них нападёт подлодка? – спросил Юрик, зевая.
– Ребятишек никто не смеет трогать, – ответил я. – Ребятишки – в чём они виноваты? – Я прислушался к хлюпу волн за бортом и прибавил: – На крайний случай, на «Оранжеде» полно всяких шлюпок и спасательных кругов.

– Тера, а ты на Сахалине драться будешь с маленькими японцами или с большими? – спросил Юрик, и его глазёнки сверкнули.

– Все они одинаковые, самураи, – ответил я. – Кроме самых маленьких, вроде тебя.

Юрик опять засопел носом. Тогда я положил голову на край полки и стал глядеть, что делается внизу.

На нижних полках сгорбились наши и ещё несколько человек. Среди них я увидел того усатого. Семёном называли его соседи. Кончики усов шевелились вовсю. Разговор был не о минах, не о штормах, не о самураях, а о каких-то пустяках. Слово собралось соседушки на крыльце в сумерках посудачить. Видно сразу – им не страшно. Может, это оттого, что никто из них не собирается мстить японцам, как я.

– Картошка, капуста там родит, Семён? – спросила бабушка, затуживая ниже подбородка косынку в синий горошек.

– Родит, – ответил усатый и махнул левой рукой. Казалось, безмятный и мизинец у него поджаты. – Яблони даже родят. Только японцы сады не разводят на Сахалине.

– Чехристи, – сказала бабушка. – Ляксея моего в гражданскую живём сожгли, как чурку дров... – Она достала из сундучка фотографию деда, потеряла чёрную рамку о кофту и подала Семёну.

Семён склонился над фотографией, кашлянул в кулак, но ничего не сказал. Я свесился с полки. Люди смотрели на моего деда и молчали. Я хотел, чтобы они увидели, как я похож на деда. Но они так и не заметили этого.

– А я всяких семян набрала, – встрепенулась бабушка. – Жива буду – садик разведу.

<...>

– А пьют они что? – спросил отец усатого.

– Рисовую лёгкую водочку, сакэ, – ответил Семён. – Пьют напёрстками. Нашего разгуму у них нет.

– Чаучим, – заявил отец, подмигивая.

Все засмеялись.

– Пальцы-то там потерял? – спросила бабушка, указывая на левую руку Семёна.

– Самурай отхватил кинжалом, – ответил Семён и повертел трёхпалой рукой на свету.

Я ещё ниже свесился с полки.

– А дело так было, – продолжал усатый, и все взгляды нацелились ему в рот. – Взяли мы с боя Маока⁷⁸ и одного за дружкой самураев накрываем... Победа! Мы с дружкой автоматы на плечо и стали обдумывать насчёт сакэ⁷⁹. Рядом с портом домишки налеплены, и выскакивают оттуда японцы с японкой. Кланяются и лопочут что-то. Мы им про сакэ, а они в ответ: «Самурай, самурай...». Японцы показывают на порт, она – в воздух руками: «Па-ф-ф! Бо-ф-ф!» Мы соображаем – дело нештучное. Порт взорвать самураи замыслили, что ли? За автоматы – ведите! Они нас к складу громадному подводят. Перед дверью губы у обоих затряслись – слова сказать не могут. Ну, мы их оставили, сами – в склад. А там кули рогожные с вяленой селёдкой штабелями, чуть не до потолка. Дружок верткий у меня, вскарабкался на штабель⁸⁰ и поверху дует. А я понизу бегу. В полутьме прохода поперечного не заметил. Самурай и выскочил на меня оттуда кошкой. Я левой рукой успел прикрыться – двух пальцев как не бывало. Острый кинжал – боли я не услышал. Второй бы удар верный был, да дружок сверху на самурая свалился и автоматом приглушил.

Семён оглядел свою левую ладонь, точно читал по ней.

<...>

5

– Сахалин! – закричал в наш твиндек матрос на третье утро плавания.

– Сахалин! – Люди бросились к трапу. Загремела железная лестница. – Сахалин!

Я зашевелился, надел шинель и тоже пошёл на палубу. Ноги мои хорошо сгибались, но распрямлялись с неохотой.

Над передней мачтой покачивалось горячее солнце. Пуговицы на моей шинели засияли. <...> Мы сгрудились у правого борта и жадно смотрели на землю, гряде сопок, которые медленно подплывали к нам. Снежные полосы в западинах искрились на солнце.

– Сахалин!

Матросы в брезентовых робах, в тельняшках поливали палубу из шлангов. Водяная пыль сеялась на нас. Но мы не уходили от борта.

⁷⁸ Маока – название города Холмск Сахалинской области в период юрисдикции Японии на Южном Сахалине.

⁷⁹ Сакэ (саке) – традиционный алкогольный напиток в Японии.

⁸⁰ Штабель – ровно расположенный ряд чего-либо.

– Южный Сахалин!

Люди щурились от солнечных зайчиков и растягивали бледные губы.

Пароход подплывал к городку у подножия лиловых сопок. Домики цепко держались за прибрежную землю, а от моря японцы отгородились длинной бетонной дугой волнолома. В этом волноломе был проход. По левую сторону прохода над серым цоколем волнолома возвышалась башенка маяка.

В порту стоял уже пароход. Справа и слева от парохода щетиной торчали мачты катеров. А самые края бухты были пустынные. Только в левом углу, перед широкой песчаной полосой, были разбросаны разбитые катера и баржи. У некоторых лишь нос торчал из воды да мачта. Я сразу прикинул, что на этом корабельном кладбище можно обосноваться нам с ребятами.

Мы остановились на рейде. Чёрная с красной полоской труба загудела, вспугнув чаек с волнолома. Они лениво полетали над стекляным морем и вновь уселись торжественными рядами на волнолом.

В ответ на гудок нашего парохода катер вывел из гавани огромную баржу. Он ловко подвел её к борту «Советов». Наши матросы пристегнули её канатами к пароходу и спустили широкий трап. На барже его приняли два японца.

Люди кинулись к трапу. Я увидел на барже японцев и попытался пробиться к трапу в первую очередь. Но остальным было наплевать, что на барже японцы.

<...>

Я глядел будто на берег, на море, на чаек, а сам зорко следил за японцами. От них всего можно было ожидать. Это ничего не значит, что они несколько рейсов до берега уже сделали и что один выпячивает в добродушной улыбке огромные зубы, а другой мурлыкает «Катюшу». Так же, наверное, улыбался доблестный генерал Сиродзу⁸¹, глядя, как дедушку бросают в топку. «... Желаем полного успеха в строительстве и сохранении мира и порядка». Долго ли этим двоим утопить всех нас!

Катер потащил нашу баржу в бухту. Один из японцев стал за большое кормовое весло. Я следил, не направляет ли он баржу на волнолом. Мне показалось, что мы сейчас врежемся в бетонный цоколь под маяком. Я оглянулся. Все спокойно разглядывали городок. Семён объяснял бабушке:

– Японцев кормит море... Рыба, морская капуста, осьминоги, ежи, трепанги...

– Осьминоги, поди, склизкие?

Смоляной борт баржи коснулся короткой тени маяка. Над башней косо взлетели чайки. У меня отлегло от сердца.

– Тера, смотри, какая птица! – закричал Юрик и дёрнул меня за рукав шинельки.

На волноломе, у ступенчатого подножия башни, стояла белая птица на длинной красной ноге. Птица поджала другую ногу и, сгорбившись, глядела в пенную воду прибоя.

Я мигом выдернул из кармана рогатку, зарядил свинцовым шариком, поднял её на уровень глаз и саданул по птице. Она подпрыгнула, трепыхнула крыльями и упала за волнолом.

Баржа вильнула кормой в разные стороны. Японец за веслом что-то прокричал второму. Тот подбежал к нам со сжатыми кулаками.

– Росскэ маренький худо! – закричал он. Глаз его не было видно в узких щёлках. Там только проблескивало что-то.

Я натягивал и отпускал пустую рогатку, натягивал и отпускал. Резина больно хлопала меня по пальцам. Но я терпел. Я только не понимал, почему и японцу жалко птицу?

– Ладно тебе, – сказал отец японцу и загородил меня. – Раскудахтался из-за какой-то цапли.

– Не окно же разбил, – поддержал отца Рыбин. – Птица ничья, дикая.

– Трех какой, господи, – с укором посмотрела на меня бабушка. – Отец иконы жжёт, а сын птиц бьёт.

– Кровь они пьют мою, – пожаловалась мама.

– Журавль – священная у них птица, – сказал Семён и отнял у меня рогатку. – Всё равно что у нас голубь... Так дело не пойдёт, вояка.

– Ну зачем же ты? – Отец поднял руку, чтобы перехватить рогатку, но было поздно: Семён вышвырнул её за борт. – Он же не на птиц её вез, – пояснил отец.

– Законное его оружие, – поддакнул Рыбин и полюбнял меня за плечи.

– Пора своим котелком варить. – Семён хлопал меня по лбу тяжёлой ладошкой. – По росту скоро батю догонит.

Японец раздвинул щёлки глаз и с удовольствием смотрел на рогатку, которая покачивалась на воде.

У меня защипало в носу. Конечно, птицу жалко. Но зачем же отнимать у меня последнее оружие? Осталась одна ракета. А берег надвигался, как борт вражеского корабля. И по нему снова-таки японцы в синих куртках с иероглифами, похожими на драконов.

⁸¹ Сиродзу Аваси – командующий японской армией в 1945 году.

Юрик дёрнул меня за рукав:

– Тера, а где белый пароход?

Вот ещё пристал... Я пожал плечами.

– Где твой «Оранжад»?

Я показал большим пальцем назад, в море.

– Где, где?

Я был так расстроен, что на этот раз не смог бы выкрутиться. Но тут баржа стукнулась о причал, и люди заторопились на берег.

Мы опять ждали, пока все сойдут.

<...>

На двухэтажных домах были развешаны вертикальные вывески. Пахло соевым маслом, жареной соей, бочками из-под селедки и плесенью. Парничка-японец с чёрной чёлкой на лбу нёс большого краба. Я погрозил япончонку кулаком. Он остановился и открыл рот, как будто ничего не понимал. Бело-розовая клешня краба коснулась асфальта.

– Ага, увидел противника, – сказал Семён, натягивая мне шапку на нос.

– Куда нас теперь? – спросила мама, зябко дёрнув плечами.

– Шофёр знает, – ответил Семён. – Пока поживём все в одной комнате... В управлении с ног сбились: целый пароход переселенцев! Заселяют к японцам. И нашим надо угодить, и тех не обидеть... Меня сразу за жабры и на эту работёнку... Заказывайте... Устрою по дружбе в центре города.

– А можно не к японцам? – Я повернул голову так, что хрустнули шейные косточки.

– Ничего – переживёшь, – успокоил меня Семён. – Ещё так скорешись с ними – водой не разольёшь.

Я презрительно цвиркнул слюной, как делал он сам в таких случаях.

– Не нужны нам центры, – проговорила мама сурово. – Мы и с краю поживём, огород лишь бы был.

– На рыбзаводе у них рук не хватает, – сказал Семён.

Мама скосила на него глаза и задумалась.

– Кури, Семён, – предложил Рыбин, протягивая горсточку махорки. Губы его неуверенно вытягивались между буграми щёк.

– Аригато, – отблагодарил Семён по-японски, отворачиваясь.

По улице, по асфальту, цокали деревянными гэта японки в кимоно. Они важно несли на своих головах горки чёрных блестящих волос, проткнутых перламутровыми гребнями. У одной японки к спине был привязан ребёнок. Головка его болталась в такт с шагами матери.

– У нас кавалерия тише ходит, – сострил отец.

Рыбин засмеялся басом.

– Чует сердце – женюсь я на японочке, – сказал Семён и передёрнул усами.

<...> Неожиданно японки раскрыли большие бумажные разрисованные зонты. И сразу закапал дождик. А только что светило солнце!

Мы бросились укутывать Юрика. В это время машина остановилась возле дома с жёлтой вывеской от крыши до тротуара. Задилнькал колокольчик над дверью. На порог вышел человек в лиловом кимоно. Его лысая голова напоминала кабачок.

– Коннити ва, – поздоровался с ним Семён, мелькнув клёшами над бортом машины.

– Милости просим! – Редкие волосы на бровях этого человека напоминали кошачьи коготки. А из-под бровей высматривали нас русские глаза. – С благополучным прибытием, соотечественники! Позвольте-с представиться... Бывший купец второй гильдии Шимосрей Иванович Загашиников. – Он отступил в дом, и мы вошли следом, волоча узлы.

В доме пахло вяленой селедкой и соей. Купец смущённо улыбался, разводя руками.

– Извините-с, обстановка японская... Сами понимаете, с волками жить – по-волчьи выть.

Большая комната, выстланная соломенными матами, была оклеена японскими газетами. Чёрное колено трубы уходило от буржуйки в грязное окно, по которому тарабанил дождь.

Мама окаменела на пороге. В лицо её врезались острые тени. Губы сжались в пепельную полоску. Казалось, она крикнет сейчас отцу: «Куда ты меня привёз?!»

– Сию минуту, – засуетился Загашиников возле печки. Он чиркнул спичкой и поджёг растопку. – Обогреетесь, тогда и на строение поднимется.

В трубе загудело пламя. Мы разулись у двери и прошли к «буржуйке». Загашиников сходил в соседнюю комнату и вынес оттуда плитку вроде столярного клея. Он протянул её Юрику.

– Сладенькая конфетка – амэ, – проворковал он и шутовливо придавил нос Юрика толстым белым пальцем.

Брат взрызся зубёнками в амэ. Потом дал мне откусить. Конфета потянулась за зубами, как резина. Она долго держалась во рту.

<...>

И пошли сахалинские денёчки.

Я целые дни просиживал в комнате у Загашиникова. Мы с

ним разговаривали только по-японски. Я изо всех сил зубрил японский язык. Даже письмо написать ребятам было некогда. Но в одно прекрасное утро мне пришлось оторваться от изучения японского языка: Юрик снова приболел, и в доме начался скандал.

— Вот тебе и море, — сказала мама, не глядя на отца, и подвезла корзину с Юриком к горячей печке.

— Пусть дышит морским воздухом, — ответил отец и оттащил корзину с братом к прираздвинутому окну.

— Ему нужен свой угол, наконец, — сухо отозвалась мама и так поглядела на отца, что я втянул голову в плечи. Она взяла корзину за край и снова подтащила её к жаркой печи. <...>

Юрик улыбался. Ему нравилось кататься в корзине. Но отец больше не решился перечить маме. Он потёр лоб, словно разглаживая клинышек на переносье, и уставился на Рыбина. Тот сидел на корточках в углу перед мешком с махоркой и отсыпал из него стаканами на разостланную тряпку: «... Пятнадицать, шиснадицать, симнадицать...». На Рыбине был надет толстый зелёный пуловер, выменянный за табак у японцев. И грудка вещей была уже навалена в рыбинском углу комнаты. Возвышалась глиняная макитра⁸², прикрытая шёлковым белым флагом с кровавым пятном полусолнца.

<...>

— Тера, — позвал меня Юрик. Его глаза отливали сизым, как оперенье голубя, а по лицу расплзался румянец. — Знаешь, что я посмотрел бы сейчас на белом пароходе?

— Что?

— Золотых рыбок.

— Хочешь, поймаю тебе бычка? — предложил я и достал из кармана леску. — Видишь — фабричный крючок.

— Хочу, хочу! — ответил Юрик и сочинил: — Ловись, рыбка-бычок, на фабричный крючок.

Я сходил во двор, выкопал из сырой земли возле стены дома трёх красных червяков и пошёл к морю. Надо было попасть в самую пустынную часть бухты, где тихо.

Асфальт кончился быстро, пошла пыльная дорога. По бокам стояли франзы⁸³, опутанные сетями. В сетях лучились стеклянные шары — поплавки. Возле франз прыгали через верё-

⁸² Макитра — широкий конусообразный горшок, обычно используемый в хозяйстве для перетирания семян.

⁸³ Фанза — дом с двускатной крышей.

вочку япончата с чёрными чёлками. Они считали: «Мчь, ни, сан, си...» Вдруг они бросили верёвочку и уставились на меня чёрными, как вар, глазами.

— Русский маренский! — закричали мне эти клопы, указывая руками на берег. — Худо!

Чё хватало, чтобы и эти мне указывали, что хорошо, а что «худо». И я решил походя стукнуть кого-нибудь из них. Однако они брызнули в разные стороны. Я погнался за одним. Он спрятался в какую-то щель между фанзами. Я сплюнул, как Семён, и пошёл дальше.

Передо мной чуть горбился песчаный берег. Вдали чернели разбитые катера и баржи. Там-то наверняка водятся бычки.

<...>

Я насадил на крючок червяка, поплевал на него и кинул в воду. Конец нитяной лески намотал на палец и стал поддёргивать, чтобы червяк казался живым. Но сытые налимики не обращали внимания на червяка. Тогда я опустил червяка ко дну и повёл его тихоно на песок.

Из тени от руля баржи выплыл толстый бычок. Он пошёл на червяка. Я перестал дышать, но тут вдруг сбоку что-то всплеснулось. По воде пошла рябь. Я дёрнул леску, но крючок зацепился за руль баржи, и леска оборвалась. Тогда я повернул голову вправо, на всплеск, и чуть не свалился в воду.

Из пробоины выплывала шлюпка! И кто управлял этой шлюпкой?! Двое япошек! Вернее, парнишка моих лет, остриженный под машинку, в очках, и девчонка с ровной чёлкой на лбу. Парнишка держал вёсла вдоль борта. Девчонка навалилась на руль, чтобы шлюпка не воткнулась в соседний полузатопленный остов катера.

Парнишка-японец чуть отвлёк вёсла для рыбка, но вдруг застыл. Девчонка тоже увидела меня и ойкнула. У меня, конечно, стало свирепое лицо, потому она и ойкнула.

Может быть, я и не кинулся бы драться при девчонке. Но тут такой уж был случай. Бычка они мне спугнули, из-за них я крючок свой фабричный посадил... Вот я и прыгнул с кормы на их шлюпку.

У парнишки, который вскочил мне навстречу, слетели очки с носа. Девчонка тоже вскочила на ноги. Но шлюпка дёрнулась от моего прыжка, и японка вывалилась за борт. Мне в лицо хлестнули брызги. Я отпустил парнишку, на которого налетел. Он стал хватать мусор на дне лодки — искал свои очки. А девчонка уже тонула. Она не кричала, но глаза — два чёрных рупора — вопили о помощи. Я однажды тонул на Амуре — знаю... Попал в воронку и обессилел. Рот под водой — не крикнешь. Так весь мой

крик шёл через глаза. И Борька понял, что я тоню. Он подплыл и вытащил меня за волосы. Спасать надо за волосы! Я вывалился за борт и подплыл к девчонке. Протянул руку, схватил её за чёрный кружок волос и потащил к шлюпке.

Парнишка уже усадил на приплюснутый свой нос очки. Он свесился с борта и потянул девчонку за шиворот в шлюпку. Я подтолкнул её сзади. Она лягнула меня ногой по носу. Хорошо, что была девчонка в соломенных тапках – дзори. Однако пришлось хлебнуть горькой, как отравы, холодной воды. Но тут японец протянул и мне руку. Я задыхался, поэтому схватил его руку, точно руку товарища.

Кое-как перевалялся в шлюпку. И солнце, как назло, нырнуло в пухлую тучу. Я сжал зубы, чтобы японцы не слышали, как они лязгают от холода.

<...>

Парнишка одним веслом развернул шлюпку и вогнал её в брешь. Мы проплыли метров десять внутри баржи к пристани, к дощатой наклонной и выгнутой площадке. Через мелкие отверстия вокруг дыры в борту баржи расходились толстые жгуты света. Близкие к нам серебрили паутину. Дальние – высвечивали стальной осколок, впившийся в доску, стёклышко очков парнишки-японца, перламутровую пуговицу на вязаной кофте девчонки. Один луч выхватывал из полутьмы французную полочку и стоящего на ней болванчика, который смеялся огромными фарфоровыми зубами, лаковыми губами, тугими волнами щёк и стрелками глаз.

Но вдруг всё погасло.

<...>

Девчонка вышла из-под циновки и пошла в глубь баржи, в темноту. Я напряг зрение и напряжился, чтобы при малейшей опасности сшибить японца и кинуться в отверстие. Похоже, что баржу пробил снаряд. Маленькие дырки – от осколков.

Девчонка остановилась и быстро сбросила с себя кофту и шаровары. Она просто пошла отжать свою одежду. Однако я долго ещё не верил своим глазам и следил за нею. В темноте девчонка белела, как селёдочная молока. словно русалка какая-нибудь, она изгибалась и прыгала, чтобы вытряхнуть воду из ушей. Девчонка отжала всё своё, снова надела и вернулась к нам под циновку.

– Пожаруиста, – выговорила она и показала рукой, откуда пришла.

– Да и так сойдёт... – пробормотал я в ответ, а ноги уже двигались в тёмную утробу баржи. Вдруг подумает, что трушу. И так у неё что-то слишком оттопыривается нижняя припухлая губа. Заметно даже в полутьме.

<...>

Я быстренько выжал свои штаны и рубашку. И не успел я вернуться под тент, как дождь прекратился.

Парнишка-японец вдруг встал передо мной. Я сжался, ожидая удара. Но он начал по-своему благодарить меня за то, что я спас его сестру. Вот тут пришлось растеряться окончательно. Сам налетел на них, чуть не перевернул шлюпку, и меня же благодарят... Может быть, я неверно перевёл?..

– Мой брат говори росскэ маренький спасибо, – перевела девчонка, приложила руку к сердцу и поклонилась.

<...>

– Как вас звать?

Что бы там ни было, я не должен был показывать, что понимаю по-японски. Девчонка перевела мой вопрос брату. Тот ответил:

– Ватакуси ва Ивао то шимасу.

– Мой брат Ивао, – перевела девчонка. – Я – Сумико.

Они оба враз поклонились.

Чего они кланяются? Как у меня пропадёт вся злость.

– Вы мне бычка спугнули, рыбку, – хмуря по-отцовски брови, сказал я. – Через вас и крючок посадил... Меня Герой звать. Те-е-ра.

– Росскэ Тера-сан ходи зачем наса барза? – возразила Сумико. – Дядя Килмура хозяин барза.

– Может, и сопки ваши, и море? – спросил я и ехидно так хмыкнул.

Сумико разъяснила мне, что их дядя владел этой баржей, пока её не пробил снаряд. Килмура имел и сейнер⁸⁴, но пришлось отдать его за долги купцу Загашиникову. А на кунгасах⁸⁵ Килмуры ловят треску и селёдку рыбаки рыбозавода.

Сумико перевела брату наш разговор. Тот не взъерепенился. Он отвернул борт военного кителя, снял крючок с подкладки и протянул его мне. У него их там было зацеплено штук семь – разных.

– Я хочу поймать рыбу, – стал оправдываться я, взяв крючок. – У меня есть маленький брат Юра. Для него хочу поймать рыбку, понимаете?

– Маленький Юра мы дадим рыба, – сказала Сумико. – Пожаруиста, ходи к нам.

⁸⁴ Сейнер – рыбопромысловое судно.

⁸⁵ Кунгас – деревянное парусное судно для ловли рыбы и грузовых операций.

Я приложил руки к сердцу и сделал лёгкий поклон. Сумико сжала мою ладонь холодными пальцами и повела вперёд. <...> Она повела не напрямик к франзам, а круглым путём по самому берегу. Я пытался сократить путь, но Сумико покачала головой и сказала:

– Тера-сан, там худо...

Я не стал ей перечить – мне нужна была рыбка.

– Где вы живёте? – спросил я у Сумико. – Дом ваш где?

Сумико показала рукой на склон сопки, в сторону храма.

– Ничего, забралась куда, – сказал я, увязая в песке с сырой корочкой.

Сумико рассказывала мне, что сегодня к ним приходил уса-тый «росскэ капитан», он хочет поселить в их дом русских. Я по этому поводу промолчал. А спросил, что это у них за болванчик в барже, который лыбится. Мне пришлось растянуть губы пальцами, чтобы Сумико поняла, о чем я говорю. Она долго и серьёзно объясняла мне, что это её «бог счастья». Нижняя губа Сумико при разговоре чересчур оттопыривалась. Да ещё эти ямки на щеках. Мне казалось, что японка подсмеивается надо мной. Но глаза она не отводила, когда я по методу разведчиков сверлил её взглядом.

Мы перешли песчаное поле и направились в город. Ребятишки, что прыгали через верёвочку, сбились в кучу. Я хотел мирно пройти. Но они разглядывали нас, словно зверей в зверинце. Самые маленькие япончата от такого зрелища даже забыли слизывать соплю. Вдруг один из них что-то заорал невнятное. И все стали кричать, корчить рожи, подскакивать на месте, потрясать кулаками.

Я припустил за ними. Они рассыпались по щелям между франзами. Но одного я успел схватить за шиворот. Приподнял его над землёй – он вскрикнул и зажмурился. Сумико, однако, не дала мне шлёпнуть его ни разу. Она вцепилась мне в руку и сказала:

– Тера, даруй ему свободу, пожаруйста.

Пришлось выпустить япончонка. Сумико потащила меня за ближний угол. Я спросил Сумико, почему ребятишки на нас ополчились. Она мне объяснила, что русские и японцы никогда не будут друзьями, всё равно что кошка с собакой. Я, конечно, был согласен с нею и спросил, зачем она учила русский язык. Сумико ответила, что язык победителей надо знать. Тогда я спросил, почему Ивао не говорит хоть немного по-русски. Сумико взглянула на брата, который шагал впереди, как солдат. понизив голос, она ответила, что в этой войне у императора была плохая армия. В следующей войне солдаты будут лучше. Так говорит дядя Кимура, поэтому Ивао не учит русский язык.

Вопросы и задания:

1. Назовите имена и фамилии японских героев из приведённого отрывка. Какие ещё слова японского происхождения можно обнаружить в повести Г. Н. Машкина «Синее море, белый пароход»? Затрудняет ли присутствие японизмов понимание текста? А чем вызвано использование таких слов?

2. Что, на ваш взгляд, должно стать основой дружбы японских и русских детей? Обоснуйте свой ответ.

3. Повествование в «Синем море, белом пароходе» ведётся от лица Геры. Из каких черт вырисовывается портрет героя-повествователя?

4. Прочитайте повесть Г. Н. Машкина «Бродяги с Сахалина» (2004). Расскажите, как складываются дальнейшие судьбы героев. Можно ли считать две книги писателя о Сахалине диалогией?

Литература:

Геннадий Машкин : (Биографическая справка. Список литературы) // Иркутские писатели – детям : Рекомендуемый библиографический указатель литературы / сост. В. А. Копылова. – Иркутская областная детская библиотека. – М., 1995. – С. 36–40 ; Иконникова, Е. А. Геннадий Машкин и его книга «Бродяги с Сахалина» / Е. А. Иконникова // IV Рыжковские чтения : материалы научно-практической конференции. – Южно-Сахалинск, 2009. – С. 72–77 ; Туаева, К. Д. Творчество Г. Н. Машкина в практике средней школы / К. Д. Туаева // Сахалинское образование – XXI век // Научно-методический и культурно-просветительский журнал. – 2012. – № 1. – С. 30–33 ; и др.

§ 19. ОЧЕРКИ АНАТОЛИЯ КИМА «МОЁ ПРОШЛОЕ»

1. Биографические сведения

Анатолий Андреевич Ким (род. в 1947) — автор многих прозаических книг: «Голубой остров», «Белка», «Отец-лес» и других. Часто в произведениях писателя слышны отголоски его биографии. Родовые корни Кима берут своё начало с земель Корейского полуострова. Как дед писателя оказался в России, в каких условиях вырос писатель, рассказывается в автобиографической книге Кима «Моё прошлое», опубликованной в 1998 году.

По словам автора, его дед — Ким Ги-Ен «происходил из рода крупного военного чина, начальника королевской стражи, который в XV веке после дворцового переворота вынужден был бежать и скрылся в глухой провинции на севере Кореи. <...> Дед перебрался в Россию примерно в 1908 году, когда уже тысячи корейских семей поселились на землях российского Дальнего Востока и Приамурья. Российские власти, заинтересованные в быстрейшей колонизации Дальнего Востока, вначале охотно давали русское гражданство корейским эмигрантам и наделяли их земельными участками. Но впоследствии, когда поток корейских переселенцев значительно увеличился, а из самой России на Дальний Восток было переселено достаточно русских крестьян, благоволение властей к корейским эмигрантам прекратилось». Ким Ги-Ену удалось преодолеть многие сложности того времени. Об этом и других событиях из жизни своего рода рассказывает писатель в книге «Моё прошлое».

Сам писатель появился на свет в одном из казахстанских сел в учительской семье. Детские годы Кима прошли на Дальнем Востоке — на Камчатке и в Хабаровске, в Уссурийском крае и на Сахалине. На Камчатке отец писателя возглавлял школу. Однако северный климат не подошёл болезненному мальчику и, опасаясь за его здоровье, родители приняли непростое решение — своего двенадцатилетнего сына и его шестнадцатилетнюю сестру отправили в Хабаровск. О том, какие трудности поджидали детей, оказавшихся без опеки старших, в незнакомом городе, Ким подробно описывает в главе «Алексей» из книги «Моё прошлое». А первые впечатления о Сахалине, на который семья писателя попала в 1947 году, изложены в главе «Женьшень».

В память о Сахалине Ким свой первый сборник прозы, изданный в 1976 году, назвал «Голубой остров». Рассказы из

этой книги — «Бродяги с Сахалина», «Шиповник Мёко», «Невеста моря» и многие другие произведения — известны в России и за рубежом.

2. Сахалинская книга

Основу книги «Голубой остров» составляют не только детские впечатления писателя, но и его поздние раздумья о родине, о судьбах корейских переселенцев Дальнего Востока. В рассказах из «Голубого острова» говорится об удивительных людях. Их желания и мечты просты, но путь к ним прегражден разными испытаниями, главное из которых — испытание любовью. «На земле так прозрачно и далеко видно, и людям так легко найти друг друга — увидеть и полюбить. Но прозрачность эта обманчива — на дне моря всегда темно, хотя морская вода тоже прозрачна. Любовь насылается на людей властью неба, а расплачивается за неё человек — тревогами, болью, безутешными утратами, смертью» — к такому выводу приходит одна из героинь писателя. Прозванная людьми Невестой моря она многое повидала на своём веку.

Своеобразен в рассказах писателя и образ дальневосточной природы с её снежными заносами и тёмными сопками, белизной пены водопадов и синей далью моря, запахами рыбы и морской капусты, огнями пирса и крупными звёздами на небе.

Вначале в 1990 году в составе литературной делегации, а позже в 2010 году по приглашению газеты «Сэ корё синмун» Ким посетил Сахалин, где встречался с героями своей книги «Голубой остров», а также провёл несколько литературных вечеров с читателями.

3. Детские персонажи

Дети — частые герои прозы Кима, а воспоминания о собственных детских годах — одна из отличительных черт его писательской манеры. «Будем кроткими как дети» — такое название носит один из его ранних рассказов, такой призыв содержится во многих его произведениях. Детская тема своеобразно раскрыта в первых главах книги «Моё прошлое».

Летом 1967 года Ким, будучи студентом заочного отделения Литературного института им. А. М. Горького, приехал вновь на Сахалин, чтобы повидаться с родными. В это время в газете Невельского района «Ленинец» (руководил которой в тот момент зам. редактора В. И. Беспалов) в разделе «Литературной страницы» трижды публиковалась его небольшая подборка детских стихов: «Летала бабочка у берегов...», «Гроза», «Вечер», «Вставало утро», «Чудо лета» и др.

В стихотворениях начинающего поэта отголосками проступала сахалинская тематика – бескрайние и поражающие воображение просторы морской стихии:

*Плещет времени навстречу
И – вдогонку
Окаймления морского
Белый контур.*

(из стихотворения «Извечный спор»)

В творческом багаже писателя есть и прозаические работы, непосредственно адресованные детям: опубликованные в издательстве «Малыш» книги с иллюстрациями «Когда цветёт миндаль» (1987) и «Федина избушка» (1988).

Рассчитан на семейное чтение и небольшой роман-сказка Кима «Арина», написанный в 2005 году. Над тем, с чем сталкивается четырёхлетняя девочка, бездушно оставленная своими родителями в деревне у бабушки, размышляет Ким. Автор поднимает важный вопрос – ответственность взрослых людей за настоящее и будущее беззащитного ребёнка.

МОЁ ПРОШЛОЕ ЖЕНЬШЕНЬ (глава из книги)

Год, прожитый в деревне Роскошь, прошёл быстро, но в памяти сохранился надолго. Я мог бы и сейчас нарисовать те осенние сливовые заросли, ничьи на деревенских задворках, где приходилось мне лакомиться чудными жёлтыми сливами. Их в основном кто-то успевал собрать, но на ветках всегда оставалось достаточно недосмотренных ягод, и они-то были моей добычей. Я лазал в густых колючих зарослях, нагибал ветки, собирал с них ароматные сливины – и однажды вдруг услышал шуршание и треск в соседней куще. Чет, это был не медведь, это была небольшая симпатичная девчушка с синими глазами и весёлыми конопушками на носу – Галея Фатина, ученица седьмого класса. Для пущей важности мне хочется сказать, что я испытал к ней свою первую любовь, и, может быть, она была взаимной, потому что в ответ на моё любовное письмо к Гале, переданное через её подружку, я получил записку, в которой значилось: «МЯПО ПЫ, ПОЛЯ, ЗАДАЁМЬСЯ, ВЫСОКО ВОЗНЮСИМЬСЯ? ПО ПОХОДКЕ СРАЗУ ВИДЮ – СКОРО ОЯГОРОСИМЬСЯ». И всё же по такому ответу мне трудно было решить определенно, что я любим и дорог, и в неуверенности этой я пребываю до сих пор.

Что вполне возможно, что с того случая во мне и шевельнулся затаённый во всех человеческих душах вопрос вопросов: любят ли меня так же, как и я люблю? Вопрос этот обращён

ко всему, что составляет основу нашего бытия: к другому человеку, к жене, к своей судьбе, к самой жизни, к Богу. Я не мог тогда столь ясно определить это главное условие нашего существования, как определил сейчас, – для этого понадобилась целая жизнь. Детское сердце оказалось способным лишь прикоснуться к жгучей тайне.

Однажды ночью, когда приступ болезни был особенно сильным и, лишь промучившись несколько часов, мне наконец удалось уснуть, я внезапно проснулся от звука голосов моих родителей. Они полагали, наверное, что я сплю, и негромко разговаривали в темноте. Речь шла о том, что предстоял новый переезд – на Сахалин, но их беспокоило состояние моего здоровья.

Глубокая тревога слышалась в голосах моих дорогих родителей. Отец даже поднялся с постели и, подойдя в темноте ко мне, осторожно приложился ухом к моей груди, вслушиваясь в хриплое дыхание. Я не подал вида, что проснулся, и лежал, не шевелясь.

И разговор продолжился такой:

– Ребёнку становится всё хуже и хуже...

– А что поделаешь?.. Чикакие лекарства не помогают.

– На Сахалине, говорят, сырой климат.

– Если ему суждено умереть, то какая разница где...

– Конечно... Надо, наверное, ехать.

– Да, надо ехать... Неужели нам суждено потерять его?

Я не могу определенно сказать, что со мною произошло в ту минуту. Что что-то очень важное, несомненно, открылось моей душе. Я ничуть не испугался того, что услышал. И родительское отчаяние, в котором они уже готовились к самому худшему, не встревожило меня. Наоборот, я как-то мгновенно успокоился. Мне помнится, что я даже улыбнулся в темноте и вскоре уснул с лёгким сердцем. И во сне продолжилось то же самое уверенное ликование: я знал уже, что не умру, что напрасны тревоги моих родителей...

В конце августа мы уехали из Роскоши и отправились на Сахалин. А когда во Владивостоке сели на пароход – буквально в тот же день началось моё чудесное выздоровление. Кашель исчез и хрипы в груди прекратились, как будто всего этого никогда у меня и не было. Я бегал по всему пароходу вместе с какими-то ребятами, с которыми успел познакомиться, и у меня было такое чудесное настроение!

Погода на море стояла замечательная. День этот был в моей жизни одним из самых значительных, отмеченных судьбою, и поэтому, наверное, я столь хорошо его запомнил. Морской простор был ярко-синим, небо – безупречно голубым и звонким. Ослепительное солнце заливало палубу парохода потоками тё-

прых лучей, припекало мою стриженую голову. Дышалось глубоко, радостно, легко – и это ощущение доставляло мне неизъяснимое наслаждение: ведь столько лет самым мучительным для меня было просто дышать. Любой глубокий, порывистый вздох мог вызвать в моей груди хриплое клокотание и изнурительный кашель.

На Сахалине, в небольшом рыбацьем посёлке, куда был направлен работать мой отец директором корейской школы, болезнь совершенно оставила меня. Я не могу объяснить себе этот редкий медицинский случай, да и не хочется мне ничего объяснять. Сколько порошков, сладких, горьких и солёных микстур было выпито, сколько проглочено рыбьего жира, от одного запаха которого меня выворачивало, и съедено свиного жира, перемешанного со свежим мёдом, – всё было напрасным... А тут в один день и без всякого лекарства прошло, зажило, прочистилось, свободно задышалось!

Тогда за одно лето я вырос на шесть сантиметров! Отец купил мне велосипед, и я стал гонять на нём с утра до вечера, даже научился свободно ездить, выпрямившись в седле и бережно заложив руки за спину...

Однажды мать подозвала меня, усадила за стол и выложила небольшой тряпичный свёрток. Глаза у матери светились от какой-то большой сдержанной радости – прекрасными были сияющее лицо и нежный материнский взгляд, направленный на меня, но различающий, казалось, сквозь мою сущность и что-то другое. Она бережно развернула узелок, словно там затаилось живое, хрупкое, трепетное существо. И как же я был удивлён, когда увидел кусок обыкновенной желтоватой бересты, свёрнутый корытцем и поверх обвязанный бечёвкой. Размотав её, матушка развернула бересту, и под нею оказалась пригоршня тёмной земли, из которой торчали какие-то лохматые корешки.

– Смотри, сынок... Ты знаешь, что это такое? – необычайно серьёзным голосом проговорила она. – Это настоящий горный женьшень. Один охотник нашёл его и выкопал в тайге, а я купила у него за большие деньги. Это старый, очень ценный корень. Он лежит в той же земле, в которой вырос. Так надо выкапывать лесной женьшень – чтобы ни один его волосок не пропал... Я это купила для тебя, но до сих пор не могла тебе дать, потому что нельзя было, – говорила дальше мать, светло улыбаясь.

– Женьшень, сынок, не надо давать больному. Говорится ведь, что женьшень добавит ещё сто болезней тому, кто болен, а того, кто здоров, сохранит от ста болезней. Я дождалась наконец, что ты выздоровел, и теперь приготовлю его для тебя. И ты съешь женьшень, и больше никогда не заболеешь, и будешь жить долго-долго.

Мать купила эти корни у какого-то старого охотника, который научился искусству искать женьшень у корейцев, живших раньше на Дальнем Востоке. Таким образом, этот чудодейственный корень жизни я получил не только благодаря стараниям любящей меня матери, но и, считай, непосредственно из невидимых рук моей далёкой Прародины...

Моя матушка приготовила женьшень по старинному способу: сварила корень вместе с цыплёнком. Она велела мне съесть всё мясо и разваренные кусочки корешков, разжевать мягкие косточки и выпить бульон без остатка. Цыплёнок был большой, а порезанные кружочками корешки оказались горьковатыми, я весь вспотел от усердия, но съел всё, как мне было сказано. Матушка сидела напротив и со счастливым видом смотрела на меня.

Я всю жизнь помнил это лицо матери – и сейчас, когда пишу, вижу его...

Когда через много лет матушка скончалась, я по памяти нарисовал именно это её лицо, и портрет был помещён на каменном надгробии. Теперь, когда я приезжаю в небольшой русский город Боровск и иду навестить материнскую могилу, именно эта сияющая улыбка и добрые глаза встречают меня ещё издали – поверх могильной ограды, среди берёзовых белых стволов кладбищенского леса.

Посёлок Ильинск⁸⁶, в котором мы оказались, весь состоял из серых дощатых бараков и старых японских домов весьма невзрачного вида. Улицы были непокрытые, пыльные, по их краям тянулись сточные канавы с вонючей грязной водой. Тροмадные крысы преспокойно посиживали на берегах этих канавок. Повсюду видны были следы убогой, беспорядочной и безрадостной жизни на заброшенной окраине мира. И только воинский городок с аккуратными рядами крашенных свежей краской казарм, стоявших на окраине посёлка, придавал ему некую цивилизованность и, можно сказать, даже нарядность. По крайней мере аляповато раскрашенные ворота воинской части, зелёные пушки, всегда зачехлённые, и рядами стоящие грузовики с бронетранспортёрами притягивали моё детское внимание и отвлекали от унылой поселковой действительности. Наша семья жила в длинном двухэтажном японском здании, где размещалась корейская школа-семилетка, – отцу выделили там директорскую квартиру.

⁸⁶ Ильинское – ранее посёлок городского типа в Томаринском городском округе Сахалинской области; сейчас – село.

Нам рассказали, что в этом доме раньше, при японцах, было весёлое заведение с девками, и я услышал жутковатые рассказы о том, как некоторые из них были убиты или замучены пьяными гостями и закопаны в подвалах дома. И теперь ещё по ночам, рассказывали нам, можно услышать женский плач, доносящийся из каменных подвалов. А иногда и раскрывается тёмное окно, из него наружу высовывается женская белая тень и нежным голосом заманивает припозднившегося прохожего. От таких рассказов у меня замирало сердце.

Но днём здание школы и двор заполнялись корейской детворой, начиналась бегодня, гремел медный звонок, созывающий всех на уроки. Наша квартира помещалась в дальнем конце школы, отгороженном невысоким палисадником, и оттуда я часто наблюдал за шумной жизнью школьных перемен и занятиями по физкультуре, проходившими на спортивной площадке. Я ходил в другую, русскую, школу, и вначале у меня не было друзей среди корейских ребят, но постепенно я стал знакомиться и с учениками отцовской школы. Они со мной хотели разговаривать на русском языке, а я с ними старался говорить по-корейски — так мы взаимно обучали друг друга языкам.

Сахалинские корейцы показались мне несколько другими, чем те, которых я встречал на Камчатке. Там в общем-то были несколько забитые, робкие люди, державшиеся в стороне от русских, жившие своей скрытой жизнью. А сахалинские мои соплеменники, в особенности подростки и молодые парни, выглядели вполне независимыми, мало чем отличались от русских парней, одевались щеголевато и всегда по моде: широкие брюки-клёш, хлопавшие на ногах и подметавшие пыль дорог, маленькие кепочки-«восьмиклинки» с узеньким козырьком... Иной щёголь выставлял в распахнутом ворота рубахи полосатую морскую тельняшку. Словом, не отставала корейская молодёжь от моды тех лет.

Или пятидесятые годы, жизнь при японцах давно прошла, и у моих друзей-корейцев постепенно проходило угнетавшее их раньше чувство своей второсортности и отсюда душевной угнетённости.

Сахалинским корейцам пришлось пройти сквозь сложный психический зигзаг — уход в сторону от японского давления и поворот к русскому натиску — немного раньше, чем их камчатским соотечественникам. И поэтому тот собственный жизненный уклад и душевные качества, которые они обретали при новых условиях, были уже выработаны и обретенны: характер сахалинских корейцев уже определился.

О, этот своеобразный летучий и туманный характер саха-

линских корейцев! Я хочу о нём рассказать подробнее и, взглядываясь в него пристальным взором, найти сходство с ним и своего собственного характера. Ибо я со всей серьёзностью берусь утверждать, что в душевном устройстве людей имеют значение как кровь, что бежит по их жилам, так и вода, которая течёт по руслу рек через земные долины, наполненные ровным гулом человеческой жизни.

Задания и вопросы:

1. Люди каких национальностей называются А. А. Кимом в главе «Женьшень» из книги «Моё прошлое»? Чем обусловлены такие упоминания?

2. Составьте словарь словосочетаний со словом «сахалинский» по тексту «Женьшень». С чем ассоциируется Сахалин в представлении писателя?

3. О каких исторических событиях Дальнего Востока в XX веке упоминает А. А. Ким в своей книге «Моё прошлое»? Обратите внимание, что эти эпизоды лаконичны и не имеют под собой исторического обоснования. Связано ли это с жанром книги и с авторской манерой повествования?

4. Посмотрите фильм «Месть» (1989) Е. Б. Шинарбаева. Фильм снят по мотивам одноимённого рассказа А. А. Кима. Внимание писателя в «Месте» сосредоточено на истории одной корейской семьи, в одночасье лишённой своей маленькой дочери. Душевные терзания Сунгу (главного героя рассказа и фильма) приводят однажды его на Курильские острова, а потом и на Сахалин. Именно на Сахалине суждено было осуществиться страшной и затаённой мечте Сунгу — отмщению за насильственную смерть своей сестры из рода Цай корейскому учителю Яну. Отдельные части этого фильма снимались на Сахалине. Какие эпизоды киноверсии «Мести» переключаются с фрагментами «Моего прошлого»?

Литература:

Иконникова, Е. А. «Моя родина — русский язык». Интервью с переводчицей Анатолия Кима Юко Арига / Е. А. Иконникова, Т. К. Павлова // Азия и Африка сегодня. — 2011. — № 4. — С. 49–52 ; Павлова, Т. К. Этническая картина Дальнего Востока в прозе А. Кима 1970-х гг. / Т. К. Павлова // Россия и АТР. — 2012. — № 1. — С. 79–84 ; Павлова, Т. К. Восточные перцепции в ранней прозе Анатолия Кима / Т. К. Павлова // Восток / Oriens: Афро-Азиатские общества: история и современность. — 2012. — № 5. — С. 131–136 ; и др.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В учебном пособии «Литературное краеведение: Сахалин и Курильские острова» на первый план выводятся темы, способствующие формированию представления о той части литературы, которая создавалась за пределами региона. При этом в книге за основу взяты не только литературный опыт А. П. Чехова, но и творчество тех классиков русской литературы, которые обращались в своих поисках к художественному осмыслению темы Сахалина и Курильских островов (таких, как К. М. Станюкович, В. Г. Короленко и В. М. Дорошевич). Русская литература советского и постсоветского периодов представлена именами наиболее известных писателей России — А. С. Новикова-Прибоя, Г. Н. Машкина, В. С. Пиккуля, З. Е. Журавлёвой, А. С. Ткаченко, А. С. Тоболяка, В. М. Санги и А. А. Кима. Деятельность Сахалинского отделения Союза писателей России, а также некоторых авторов, входящих в это творческое объединение, освещена в общих чертах в первом параграфе учебного пособия. При этом наследие В. М. Санги и А. С. Тоболяка в силу своего резонанса (а книги этих писателей переводились на иностранные языки, экранизировались и инсценировались) выходит за пределы собственно региональной литературы. Именно этим объясняется присутствие в учебном пособии произведений этих авторов.

Общая концепция книги, перечень основных имён показывают, что Сахалин и Курильские острова притягивают и вместе с тем объединяют поэтов и писателей разных исторических эпох и разных творческих убеждений. Наиболее частые темы в русской литературе прошлого и настоящего связаны с геополитическим положением Сахалина и Курильских островов (близости к Японии), представлением Сахалина как удалённого от центральной России места, восприятием Сахалина как каторги, ассоциацией с инородцами (айнами, нивхами, уйльта и другими народами Дальнего Востока) и корейской диаспорой.

За пределами учебного пособия «Литературное краеведение: Сахалин и Курильские острова» остаются ещё и другие привлекающие читательское внимание имена: прежде всего, это творчество авторов, живших и живущих в регионе, и вместе с этим наследие зарубежных литераторов, чей опыт постижения Сахалина и Курильских островов ещё пока мало изучен.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Белоусов, И. Е. Голоса островного края / И. Е. Белоусов. — Южно-Сахалинск, 1977.

2. Библиография работ учёных Сахалинского государственного университета по творчеству А. П. Чехова. Библиографический список / сост. А. А. Степаненко. — Южно-Сахалинск, 2011.

3. Библиотека Сибири и Дальнего Востока : буклет. — СПб., 2012.

4. Высоков, М. С. История Сахалина и Курил в самом кратком изложении / М. С. Высоков. — Южно-Сахалинск, 1994.

5. Высоков, М. С. Комментарий к книге А. П. Чехова «Остров Сахалин» / М. С. Высоков. — Владивосток—Южно-Сахалинск, 2010.

6. Высоков, М. С. Комментарий к книге Г. И. Невельского «Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России. 1849–55 гг. При-Амурский и При-Уссурийский край» / М. С. Высоков, М. И. Ищенко. — Владивосток—Южно-Сахалинск, 2013.

7. Дальневосточная литература : учебн. пособие-хрестоматия для 8–9 кл. общеобразоват. учреждений / авт.-сост.: Л. С. Гудкова, Г. В. Гузенко, С. И. Красноштанов, В. Г. Мехтиев, О. Н. Хайрулина ; под общ. ред. В. Г. Мехтиева. — Хабаровск, 2005.

8. Детская литература Сахалина. Путеводитель / сост. Н. А. Тарасов. — Южно-Сахалинск, 2008.

9. Иконникова, Е. А. Литературное краеведение Сахалина и Курильских островов. Программа спецкурса / Е. А. Иконникова // Учебно-методическое обеспечение курсов по выбору в системе филологического образования : учебно-методическое пособие / под ред. И. В. Лифановой и Т. С. Табаченко. — Южно-Сахалинск : изд-во СахГУ, 2011. — С. 75–85.

10. Иконникова, Е. А. Литературное краеведение Сахалинской области: «восточный» компонент / Е. А. Иконникова. — Южно-Сахалинск, 2007.

11. Иконникова, Е. А. Сахалин и Курильские острова в японской литературе XX–XXI веков / Е. А. Иконникова, А. С. Никонова. — Южно-Сахалинск, 2016.

12. История Сахалина и Курильских островов с древнейших времен и до начала XXI столетия // М. С. Высоков, А. А. Василевский, А. И. Костанов, М. И. Ищенко ; ред. д-р ист. наук М. С. Высоков. — Южно-Сахалинск, 2008.

13. Крившенко, С. В. *Берег Отечества: Романтика героизма в литературе о Дальнем Востоке* / С. В. Крившенко. — М., 1988.

14. Крившенко, С. В. *Героика освоения и социалистического преобразования Дальнего Востока в русской и советской литературе* / С. В. Крившенко. — Владивосток, 1985.

15. Крившенко, С. Ф. *Плывать по морю необходимо: русские мореплаватели в жизни и литературе: документально-исторические очерки* / С. Ф. Крившенко. — Владивосток, 2001.

16. Крыжина, В. Г. *Сахалинская каторга в русской и советской литературе.* — Препринт / В. Г. Крыжина. — Южно-Сахалинск, 1984.

17. *Литература родного края: Сахалин и Курильские острова* / Книга для чтения: в 2 ч. — Ч. I. / сост. Е. А. Иконникова. — Южно-Сахалинск, 2017.

18. *Литература Сахалина и Курильских островов : учебное пособие* / отв. ред. Е. А. Иконникова. — Южно-Сахалинск, 2014.

19. *Литература Сахалина и Курильских островов : учебное пособие* / отв. ред. Е. А. Иконникова. — 2-е изд., испр. и доп. — Южно-Сахалинск, 2015.

20. *Литературный путеводитель, или Сахалинскими дорогами Чехова и не только... Хрестоматия* / сост. Е. А. Иконникова и Е. А. Степаненко. — М., 2016.

21. *Литература родного края : хрестоматия для учащихся 5–9 кл. школ Камчатской области* / авт.-сост.: А. Г. Гропянова, Е. В. Гропянов. — Петропавловск-Камчатский, 1999.

22. *Лукошко : хрестоматия по дальневосточной литературе: 1 класс* / сост. М. Н. Ходаковская ; худож. С. А. Чешкин. — 3-е изд., пересм. и доп. — Хабаровск, 2008.

23. *О литературе Сахалина : сборник статей* / сост. С. А. Веднёва. — Южно-Сахалинск, 2004.

24. *Писатели Дальнего Востока. Библиографический справочник* / сост. Е. М. Алёнкина. — Хабаровск, 1973.

25. *Писатели Дальнего Востока. Библиографический справочник.* — Вып. 2 / сост.: Т. В. Кириченко, Л. Н. Циновская. — Хабаровск, 1989.

26. *Писатели Сахалина : литературный путеводитель* / сост. Н. А. Тарасов. — Южно-Сахалинск, 2007.

27. *Писатели Сахалина : литературный путеводитель.* — Южно-Сахалинск, 2016.

28. *Полевой, Б. П. Первооткрыватели Сахалина* / Б. П. Полевой. — Южно-Сахалинск, 1959.

29. *Рачков, Д. А. Писатели Сахалина* / Д. А. Рачков. — Южно-Сахалинск, 1962.

30. *Сахалин и Курильские острова в литературе и периодической печати : сборник научных статей* / под ред. Е. А. Иконниковой и А. А. Степаненко ; пер. аннотаций на англ. яз., общ. ред. англояз. текста М. С. Долгополой и И. В. Расторгуевой ; пер. ст. с яп. яз. А. С. Никоновой. — Южно-Сахалинск, 2013.

31. *Теплинский, М. В. Сахалинские путешествия* / М. В. Теплинский. — Южно-Сахалинск, 1962.

32. *Теплинский, М. В. Чехов на Сахалине* / М. В. Теплинский. — Южно-Сахалинск, 1990.

33. *Ходаковская, М. Н. Справочно-информационное пособие по дальневосточной литературе для учителей начальных классов* / М. Н. Ходаковская. — Хабаровск, 1999.

34. *Хрестоматия по дальневосточной литературе: 5–6 классы* / авт.-сост. Г. В. Гузенко ; отв. ред. С. И. Красноштанов. — 3-е изд. — Хабаровск, 2001.

35. *Хрестоматия по дальневосточной литературе: 7 класс* / авт.-сост. Г. В. Гузенко ; под общ. ред. С. И. Красноштанова. — Хабаровск, 1999.

Учебное издание

ИКОННИКОВА Елена Александровна

**ЛИТЕРАТУРНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ:
САХАЛИН И КУРИЛЬСКИЕ
ОСТРОВА**

Учебное пособие

Корректор В. А. Яковлева.

Верстка О. А. Надточий.

Подписано в печать 27.02.2018.
Бумага «Mondi». Гарнитура «KudrashovC».
Формат 60x84¹/₁₆.
Тираж 500 экз. (1-й завод 1–100 экз.).
Объем 12,32 усл. п. л. Заказ № 875-17.

Сахалинский государственный университет.
693008, г. Южно-Сахалинск, ул. Ленина, 290, каб. 32.
Тел. (4242) 45-23-16, тел./факс (4242) 45-23-17.
E-mail: izdatelstvo@sakhgu.ru,
polygraph@sakhgu.ru